

Руслан Карманов

ЛОБНАЯ МЕСТНОСТЬ

**Сказ про Ивана-дурака,
который боялся начальства,
да стал государем**

18+

Руслан Николаевич Карманов

Лобная местность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67180793

SelfPub; 2022

Аннотация

«Лобная местность» – сказ о том, какие взлеты и падения могут ожидать Ивана-дурака на жизненном пути по самой большой волшебной стране. Прочитав этот удивительный сказ, вы узнаете, как выпускник исторического факультета, мэр маленького городка Иван Несмышляев потерял свободу, но сумел в итоге сделать головокружительную карьеру, которая и не снилась его сокамерникам. Сказ написан для тех, кто любит слушать истории из далекого прошлого, верит в настоящее чудо и светлое будущее.

Руслан Карманов

Лобная местность

Сказ про Ивана-дурака, который боялся начальства, да стал государем

Автор сердечно благодарит за помощь в создании книги Дмитрия Карманова, Наталью Преловскую, Сергея Бондаренко, Артура Пономарева и Александра Куприянова

Глава I

Допрос

Скоро сказка сказывается, да еще быстрее дело делается. А тут сладилось.

Еще вчера мэр околостоличного городка Л. Иван Несмышляев вручал в актовом зале городской администрации медали ветеранам афганской войны, а уже на следующее утро его задержали.

– Лежать-бояться, сука! Руки на затылок! В случае сопротивления будем стрелять! – В рабочий кабинет мэра ворвались четверо сотрудников СОБРа с пистолетами в руках и буквально распяли главу города на столе лицом вниз.

От страха его буквально парализовало, и лишь зубы задержанного стучали так, что слышно было в даже в Кремле,

хотя он и находился километрах в 30 от места описываемых событий.

В Кремле обратили внимание на то, что задержание мэра города Л. прошло достаточно жестко. «Вероятно, это связано с тяжестью подозрений, вменяемых мэру Несмышляеву. Но деталями мы не располагаем», – такой расплывчатый комментарий произошедшему в городе Л. дал журналистам пресс-секретарь Президента страны, которая усиленно боролась с коррупцией. Борьба эта велась по всем фронтам, но все же было странным, что руководство огромного государства, где крали морями-океанами, обратило внимание на задержание главы маленького городка, где и украсть-то можно было с ручеек, а то и с лужицу. Откуда тогда высокий интерес к аресту мэра Несмышляева? Сказка от начала начинается, до конца читается, в середине не перебивается...

После обыска в кабинете мэра здоровенные собровцы в черных масках вывели Несмышляева из здания администрации города на улицу, впихнули в спецмашину и доставили в Следственный комитет.

– Гражданин Несмышляев, вы подозреваетесь в злоупотреблении должностными полномочиями, а также в коррупционных преступлениях, – монотонным голосом, словно повторяя давно заученную фразу, начал допрос весьма упитанный и лысоватый майор юстиции Сергей Чеботарев. – По версии следствия, своими действиями вы причинили ущерб государству в размере не менее пяти миллионов рублей, за

что вам грозит до семи лет тюремного заключения.

Мэр, сидя на стуле в маленьком кабинете с обоями цвета беж, с недоумением смотрел на майора в золотых погонах. Как, верно, смотрит корова на своего любимого и самого доброго на свете хозяина, который отчего-то вдруг решил накинуть ей на рога верёвку, крепко привязать к столбу, а затем, вместо привычного поглаживания ладошкой по голове, вдарил по лбу деревянным молотом...

Услышав обвинения, мэр не потерял сознание, не упал, как оглоушенная молотом корова, но явственно почувствовал, что земля как будто затряслась под казенным металлическим стулом, обтянутом дерматином.

Монолог майора длился с полчаса, но смысл его слов плохо доходил до подозреваемого. Точнее, совершенно не доходил. В голове Несмышляева роились вопросы: «Что я, глава муниципального образования, делаю здесь, в кабинете следователя, почему этот майор допрашивает меня – ни в чем не виновного человека, который не убивал, не крал, и, если и виноват, то лишь в том, что закрывал глаза на мздоимство других? Да и можно ли назвать это мздоимством, если речь шла о визировании документов, дающих право на строительство жилищных комплексов определенным компаниям-застройщикам? Не сам же я приглашал этих застройщиков возводить многоэтажки в родном городе, да и подписывал эти документы только по звонку свыше. А если сам губернатор дал команду поставить подпись, в чем же тут мздо-

имство, ведь губернатор – человек из команды Президента, а Президент у нас святой!»

– Так вы будете давать признательные показания? – громко повторил последнюю фразу монолога следователь Чеботарев.

– Я требую присутствия на допросе моего адвоката, – вышел из оцепенения Несмышляев.

– Гражданин Несмышляев, я пытаюсь втолковать, в чем вы подозреваетесь, а вы Ваньку валяете, – внезапно вспылил майор и перешел на совершенно развязный, фамильярный тон. – Хватит тут строить из себя Ваньку-дурака, потому что дураков давно нет, все умные стали, и вы мне заканчивайте тупить на допросе.

– Чем я обязан такому тону обращения? – очень спокойно ответил подозреваемый.

Следователь хотел было рявкнуть, но сдержался и кивнул: «Хорошо, звоните».

Адвокат Олег Максимилианович Масленников быстро приехал на допрос.

В чем конкретно обвиняли мэра? Следователь вел речь об отсутствии трансформаторной подстанции при строительстве Камерного театра в городе Л. То есть, театр был построен три года назад, сдан в эксплуатацию, и его труппа успешно давала спектакли, но городская контрольно-счетная палата выявила «наличие отсутствия» трехлетней давности.

– Позвольте, но ведь Следственный комитет по этому во-

прошу проводил проверку и установил, что вместо строительства новой трансформаторной будки три года назад была реконструирована прежняя подстанция в рамках подписанного договора и проектно-сметной документации, – заявил адвокат Масленников, – а, значит, нет основания для возбуждения уголовного дела.

– Как нет и денег, выделенных из городского бюджета на приобретение новой трансформаторной будки, – невозмутимо ответил следователь Чеботарев. – Так где вы прячете деньги, гражданин мэр?

Следователь подозревал мэра в том, что без согласования с городским советом депутатов, а, значит, незаконно Несмышляев намеревался потратить 40 миллионов бюджетных рублей на изготовление двух бронзовых памятников, чтобы установить их в центральном городском парке. Первый памятник – Антону Павловичу Чехову с собакой на поводке, второй – Иванушке-дурачку. И даже заказал эскизы у известного скульптора Цетерадзе.

– Ну что на это скажете, гражданин Несмышляев? – ехидно улыбнулся майор Чеботарев, – снова Ваньку валять будете? Ладно, памятник Чехову – автору бессмертной трагедии «Муму», а Ивана-дурака прославлять, да еще на бюджетные деньги, да как вам в голову могло прийти такое?

– Чехов написал «Каштанку» и «Даму с собачкой», гражданин майор, – тихо поправил следователя мэр, – а автор «Муму» – писатель Тургенев.

– Вы то Ваньку валяете, то шибко умного из себя строите, – усмехнулся майор. – Какая разница, какая кличка у пса, все одно о собачьей жизни написано. А будете отпираться, тоже кличкой обзаведетесь, как настоящий уголовник.

Чеботареву понравилась собственная шутка и он широко улыбнулся.

– Хорошо, а какие памятники нынче позволительно устанавливать, гражданин следователь? – поинтересовался мэр.

– Если сами не знаете, то могли бы проконсультироваться у старших товарищей, – исподлобья взглянул на подозреваемого майор Чеботарев. – А хоть и у коллег ваших из Новосибирска, где был открыт памятник Иосифу Сталину. Между прочим, местный мэр выступил с приветственной речью. А вы какую речь готовились произнести на открытии, господи прости, Ивана-дурака в это непростое для страны время, гражданин Несмышляев?

– О речи я и не думал, – пожал плечами мэр. – А чем все-таки негоден сказочный народный герой Иванушка-дурачок в виде памятника?

– Дай вам волю, гражданин Несмышляев, вы бы на бюджетные деньги памятник Хрену моржовому забабахали у городской администрации или какого-нибудь Чиполино в бронзе на вокзальной площади? – злобно спросил майор Чеботарев.

– Ну так ведь не забабахали, значит, нет состава преступления? – взял слово адвокат Масленников.

– А с этим мы еще разберемся, насколько гражданин Несмышляев далеко зашел в данном вопросе, – заключил следователь.

– Новую трансформаторную будку три года назад мы не стали приобретать, потому что была команда свыше не транжирить бюджетные средства на строительство Камерного театра и максимально использовать внутренние резервы. Поэтому я принял решение починить старую будку, – начал оправдываться мэр. – А памятники установить – да, была такая инициатива. Я озвучил ее на заседании совета депутатов, но одобрения не получил, хотя и хотел заказать эскизы у скульптора Цетерадзе. Но никаких оплат произведено не было, потому что данный вопрос завис в воздухе.

– Вот мы его и опустим на грешную землю, гражданин Несмышляев, – опять блеснул остроумием майор Чеботарев. – А вы пока посидите в изоляторе временного содержания, подумайте над своим поведением. Может быть, вспомните, куда девалась новая трансформаторная будка за пять миллионов рублей, кому нужно памятники устанавливать и стоит ли идти против решений вашего, то есть, нашего, уважаемого руководства, – следователь повернулся лицом к стене и, глядя на хорошо узнаваемые портреты в раме, перекрестился. – Также прокуратура обнаружила коррупциогенные факторы в инициативе мэра Несмышляева выдавать из городского бюджета дополнительное пособие многодетным семьям.

– Какие факторы? – переспросил подозреваемый.

– Кор-руп-цио-ген-ные, – по слогам повторил следователь, глядя в бумажку.

– То есть, выделение пособий для многодетных семей из городского бюджета – это факт коррупции?

– Ну что вы, гражданин Несмышляев. Забота о многодетных семьях – дело весьма благородное. Проблема в том, что нет в наличии четкого перечня документов, определяющих право на получение этих выплат, – заключил майор Чеботарев и посмотрел на свои наградные командирские часы, всем видом давая понять, что общество мэра ему сегодня изрядно наскучило.

– Подпишите протокол допроса, гражданин подозреваемый, – обратился майор к задержанному.

Прочитав бумагу, Несмышляев отказался ее подписывать.

Показания были записаны от первого лица, но в протоколе отсутствовали вопросы следователя про памятники Чиполлино и Хрену моржовому, про прославление Ивана-дурака, да и Антон Палыч Чехов был лишен лавров автора рассказа «Муму».

– Почему в протоколе допроса опущены такие важные детали? Без них я не буду ничего подписывать, – мэр перечислил не попавшие на бумагу вопросы следователя.

– Ваше право, гражданин Несмышляев, собственноручно внести в протокол соответствующие замечания, дополнения, уточнения и после подписать бумаги, – ответил Чеботарев.

– Но ведь если я его не подпишу, значит, ни в чем не сознался и вины никакой на себя не взял, потому что закон никогда не нарушал, – вновь начал оправдываться мэр.

– Подобный способ реализации своих прав представляет весьма примитивным и абсолютно бесполезным, гражданин Несмышляев, – ехидно улыбнулся следователь. – Ведь в случае вашего отказа подписать протокол, следователь, то есть я, делает в нем соответствующую запись, которая удостоверяется подписью подозреваемого, то есть вашей. В этом случае протокол имеет такое же юридическое значение, как и при подписании его подозреваемым. Правильно я говорю, господин адвокат?

Потомственный адвокат Масленников молча кивнул. Ему хотелось поскорее покинуть маленький кабинет следователя с несоразмерно большими для такого ограниченного пространства портретами на стене. Если майору изображенные на портретах самые большие начальники смотрели в затылок, то адвокату Масленникову – в глаза.

На невольных гостей кабинетов следователей, давно известный факт, глаза с таких портретов почему-то всегда смотрят осуждающе и с укоризной. А адвокат Масленников к своим 75 годам совершенно не хотел оказаться в ряду тех, на кого представители власти могли взглянуть хотя бы с намеком на осуждение. Отец Масленникова – известный российский адвокат Максимилиан Масленников в тридцатые годы был расстрелян без суда и следствия.

Зачем сын репрессированного юриста взялся помогать задержанному мэру Несмышляеву? Потому что долгие годы работал в юридическом отделе администрации города Л. и по привычке откликнулся на звонок бывшего начальника с просьбой о помощи, хотя давно уже трудился в частной адвокатской конторе.

Адвокату Масленникову поскорее хотелось приехать домой, где его ждала немногословная супруга Антонина Георгиевна, принять горячий душ, выпить рюмку водки и закусить бутербродом с красной икрой, лечь на диван, открыть книгу любимого Чехова и ни в коем случае не включать телевизор, чтобы не встретиться взглядом с большими начальниками, которые с портретов устрашали посетителей и без того невеселого кабинета следователя Чеботарева.

Адвокат понимал, что у Несмышляева, попавшего под молот правосудия, мало шансов сохранить не только должность, но и свободу, даже если обвинения, по сути, высосаны из пальца. «Эх, Ваня, Ваня, попал ты как кур в ошип не за понюшку табаку, а все могло обойтись, если бы ты не встал в позу и ушел в отставку», – размышлял адвокат.

Ровесник мэра Несмышляева – 36-летний майор юстиции Сергей Чеботарев тоже хотел пораньше попасть в этот день домой, чтобы в семейном кругу обмыть золотую медаль. Его дочь-красавица Оленька Чеботарева с отличием окончила школу и собиралась поступать на юридический факультет в лучший университет страны. Следователь Чеботарев хотел,

чтобы ее дорога к чинам была не такой извилистой, как у него, бывшего тракториста из сибирского совхоза «Добрая воля».

После окончания техникума и службы в армии тракторист Чеботарев вместе с женой и двухлетней дочерью уехал из деревни в город и устроился на работу в милицию. Прослужив пару лет водителем в патрульно-постовой службе, Чеботарев поступил в Высшую школу милиции, где и получил юридическое образование. Рвение в работе и умение угодить начальству помогли Чеботареву подняться по карьерной лестнице и устроиться на перспективную должность в околостроительном городке.

Бывшему трактористу вполне простительно было не знать автора «Муму», зато он четко знал свое дело – пахать ровно, то есть, вести следственную работу так, чтобы начальство было довольным.

Перед допросом Несмышляева он получил четкую установку от своего шефа – полковника Афанасия Михайловича Быстроходова: «Напугай этого зарвавшегося щенка. Он же, сукин сын, мало того, что ослушался приказа губернатора уйти в отставку, так еще и жалобы строчить вздумал на областное правительство в администрацию Президента».

– Напугать – дело-то, конечно, плёвое, Чеботарев. Проблема только в том, что не взяточник этот мэр. Да-да, не удивляйся, такие еще попадаются. Прописан в родительской квартире, автомобиль у него так себе. Вот и все имущество.

То ли пришибленный, то ли малахольный. Он даже за границу не ездит, патриот хренов, – сплюнул полковник Быстроходов, закончив свое наставление.

– На что же он тратит зарплату, товарищ полковник? – удивился майор.

– На бабу, кажется. Она у него заместителем в мэрии работает. Стервозная бабенка, надо сказать. Вот на нее и тратит бабки. Подарки дорогие, миллионы роз и всякая лабуда. Да еще, говорят, на почтовые марки. Впрочем, про марки это ты сам у него можешь спросить. Вдруг сам захочешь стать филателистом, – загоготал Быстроходов.

Общаясь с Несмышляевым, майор Чеботарев не уставал удивляться, насколько точную характеристику дал подозреваемому прозорливый полковник.

«Ей-богу, не мэр города, а какой-то блаженненький дурачок: среднего роста, худощавый, взгляд испуганный, говорит тихо, словно девушка на первом свидании, в глаза не смотрит, а когда слышит свою фамилию, уши краснеют, точно стесняется выходить к доске на уроке. И правда, чокнутый, если Ивану-дураку решил памятник установить на бюджетные деньги...» – такие мысли во время допроса крутились в голове майора Чеботарева, которому было совершенно непонятно, как этот чудак и бывший учитель истории сумел стать мэром, а теперь рискнул пойти против воли самого губернатора.

А вот мэра совершенно не интересовал внутренний

мир следователя, не знавшего, кто написал «Муму». Для Несмышляева этот факт точнее точного свидетельствовал, что допрашивает его совершенно безграмотный человек. Будь мэром в другой ситуации, то непременно бы сказал Чеботареву, что с дремучим неандертальцем говорить не о чем. Но ситуация была не та. Сейчас следователь Чеботарев был куда главнее мэра.

И потому майор Чеботарев после допроса отправился домой поздравлять дочь, пить водочку, закусывая родимую селедкой под шубой, а мэром Несмышляев был препровождён в ИВС – изолятор временного содержания.

ГЛАВА II

«Наседка» Вова и бомбист

В изоляторе менты затолкнули мэра в камеру и захлопнули за ним железную дверь.

Кутузка, кажется, пустовала. Хотя нет. Навстречу мэру откуда-то снизу с деревянной лавки, словно с насеста в курятнике, поднялся крепкий на вид мужичок лет 55. Он был по пояс гол, а на плечах его синели блеклые татуировки. Что изображено на теле сокамерника, Несмышляев толком не разобрал, пока не надел очки.

Иван Петрович всегда носил их с собой по давней привычке, хотя в студенческие годы предпочитал линзы. Очки здоровогодились Несмышляеву в камере. Но даже «переобув» глаза, мэром не разгадал значение рисунков на спине

сокамерника. Настолько они были размытыми. То ли нарисованный Дракон, как факир шпагу, поглощал свой хвост, то ли Русалка делала Дракону минет, то ли это Серый волк уносил вдаль Русалку с Драконом. К тому же вся эта неясная телесная картина была набита кольчиком на мутном фоне церковных куполов.

Хозяин татуировок назвал себя Вовой и попытался влезть в душу Ивану:

– И за что же тебя взяли, добрый человек? Кто же не узнает мэра? По телевизору видел. Ежу понятно, что не по своей вине ты в этот аквариум занырнул...

Искупав Несмышляева в потоках примитивной лести и слезного сострадания, Вова начал разворачивать оглобли разговора: «За что же упекли хорошего человека в каталажку?»

И потом как-то плавненько Вова начал повторять вопросы следователя Чеботарева: «Куда делась новая трансформаторная будка; хватит ли мэру денег на безбедную старость; и где их безопасней хранить?»

– Безопасней хранить в сейфе майора Чеботарева. А вы сами в каком звании будете? – ответил мэр, догадавшись, что имеет дело с подсадной уткой.

Вова в синих драконах или русалках тут же сник и замолчал. Еще через полчаса Вову увели конвойные, только подтвердив предположение мэра о том, что сокамерник был стукачом. Сегодня кент, а завтра – мент.

О «подсадных утках» или «наседках» Несмышляев читал в мемуарах старых большевиков, когда учился на истфаке в университете. Большевики с брезгливостью вспоминали, какими мерзкими способами служители царского режима пытались вызнать у заключенных нужные сведения.

«А ведь, пожалуй, ровным счетом, ничего не изменилось за сто последних лет», – подумал мэр, размышляя о неразрывной связи стукачей и следователей.

В камере было прохладно и обстановка тут не менялась со времен Александра II Освободителя: деревянная лавка, железная раковина, вместо унитаза – дырка в полу. Свободного места в кутузке – два-три метра.

Одиночество не давило на Ивана. Скорее наоборот. Отсутствие сокамерников дарило Несмышляеву возможность спокойно подумать о том, что привело его в камеру изолятора временного содержания и что с ним будет дальше.

«Господи, за что мне такие испытания, и что я тут делаю?» – диапазон богатых дневных размышлений мэра ночью сузился до двух простых вопросов.

«Может, правда, стоило написать заявление об отставке, как требовал губернатор Секиров, и ночевал бы сегодня у мамы, а не в тюремной камере. И мама, конечно, сегодня не уснет. Как же она переживает за меня дурака...» – терзал себя грустными мыслями заключенный.

Всю ночь мэр не сомкнул глаз. Только под утро его смогло.

В камере Ивану Несмышляеву поначалу снился прекрасный сон.

Лето. Солнце. Чайки парят над круглым озером. Во сне Ване лет двенадцать, он идет вдоль берега босиком, чтобы в зарослях камыша отыскать удобный выход к воде и занырнуть в озерцо поглубже. Вдруг с криком «Ложись!» с неба падает на землю здоровенная чайка. Раздается взрыв, как в кино про войну, Ваня от страха обхватывает голову руками, а когда открывает глаза, то оказывается в тюремной камере. Сон продолжается.

– А, вот вы уже и встали. Пора-пора, Иван Петрович, – обращается к Ивану во сне молодой человек в арестантской робе. – Разрешите представиться. Я – Желябов. Андрей Иванович, сын крепостного крестьянина. Может, слышали?

– Как же не слышал. Вы один из лидеров «Народной воли», бомбист, цареубийца. Я же диплом писал в университете про вашу террористическую организацию. Только вас повесили после смертоубийства царя, а, значит, вы не существуете, – уверенно, как у доски на уроке, ответил Иван.

– Это еще как посмотреть, дорогой мой Иван Петрович. Наши идеи-то живы! Они никогда не умрут. Потому как борьба за Свободу, Равенство и Братство народов – святая обязанность всех передовых людей каждого поколения, – гордо ответил дух цареубийцы Желябова. – Скажите честно, ведь вы же с нами заодно, Иван Петрович? Хоть вы и сын са-трапа, конечно, но ничего нет плохого в вашем происхожде-

нии. Вон, Софочка Перовская – настоящая дочь губернатора, а руководила наблюдательным отрядом при покушении на окаянного душителя свобод Александра II.

– Да вы с ума сошли, господин Желябов. Несете какой-то бред. Отца у меня нет, и террористом я никогда не буду, – обиженно сказал Иван. – И я не сын раба, в отличие от вас, я мэр города Л.

– Тогда вас посадят как коррупционера, – покачал головой бомбист Желябов. – Потому что вы дурак, а теперь еще и лишены власти. Полный stultus! Кажется, так на латыни называли вас ваши товарищи в университете...

На том дурацкий сон Несмышляева кончился. В камере изолятора и не такое приснится.

Спал Иван недолго, а поднявшись с деревянного лежбища, удивился тому, что совершенно не хочет есть. Аппетит пропал, хотя не ел он больше суток.

«А вот от кофе я бы сейчас не отказался», – подумал Иван Петрович после умывания в камере холодной водой.

Несмышляев мог провести в изоляторе и 48 часов, но нет. Мэра повезли в Горсуд через пару часов после его первой побудки в камере.

В зале, где проходило судебное заседание, страдающий с похмелья следователь Чеботарев зачитал ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу гражданина Несмышляева.

Худой, как восклицательный знак, старый прокурор с за-

саленными жиденскими волосами Кирилл Святославович Дозоров ходатайство поддержал. Далее слово дали подозреваемому.

– Все обвинения против меня – надуманные. Прошу отпустить меня домой, чтобы я мог приступить к исполнению своих обязанностей в администрации города Л., – дрожащим голосом произнес мэр.

Однако судья Степанида Аркадьевна Басманова, своими размерами похожая на гигантскую тыкву, не проявила снисхождения к подозреваемому, и мэр города Л. получил бесплатный пропуск на три месяца в камеру следственного изолятора.

Проще сказать, в СИЗО.

ГЛАВА III

Мэр в хату

В СИЗО первоход Несмышляев даже не обратил внимания на номер камеры. Хотя он был нарисован большими цифрами на железной двери со стороны тюремного коридора.

Таких железных дверей цвета болотной жижи в длинном коридоре на четвертом этаже серого здания было не меньше двадцати. На камере, куда конвоир препроводил мэра, значилась цифра 85. Отсюда и позывные – «восемь пять» – для переклички ее обитателей с заключенными из других хат. Об этом нехитром шифре Несмышляев узнает позже.

Мэр сделал шаг в неведанный для него мир в обнимку со скрученным казенным матрасом и чуть не задохнулся от вони. Чтобы получить этот незабываемый аромат, французские парфюмеры должны были бы смешать запахи потных мужских тел, мочи и фекалий и не забыть добавить туда чуточку спермы. Кому только нужен такой дурман-запах на воле? А черт его знает, какие запахи сводят женщин с ума.

В камере изолятора всю полноту гаммы этой вони мэр не ощутил, а вот в хате «восемь-пять» она его совершенно шокировала.

«Мир в хату!»

Конечно, нет. Поприветствуй так первоход сокамерников, у арестантов возникли бы вопросы: почему этот чудак в дорогом лепне и при гавриле, то есть в пиджаке и галстукe, базарит не по-масти – использует лексикон бывалых сидельцев.

Мэр сказал просто: «Здравствуйте», – не думая о том, что любое слово, сказанное во время прописки первоходом, может трактоваться сокамерниками на свой лад.

Ну, здравствуйте и здравствуйте. При желании можно ведь придраться и к лучу солнца, изредка бьющему прямо в глаз арестанту сквозь железную решетку в окне. Да и, собственно, не в камеру матерых уголовников попал Несмышляев, а в «цветную» – ментовскую, и ее обитатели вполне лояльно отнеслись к такому приветствию.

В камере «восемь-пять» в основном сидели те, кто по дол-

гу службы обязан был стоять на страже закона, но не справился с такой миссией и закон этот преступил.

Запах в ментовской камере ничем не отличается от ароматов в хате уголовников. И в «цветной» каждый новый сиделец должен был пройти процедуру прописки.

– Салам алейкум, очконавт, – ответил мэру из-за большого стола-общака мощный бритый амбал на вид лет 30, со шрамом над верхней губой. – Как звать тебя, дядя? Какая статья?

За столом в центре камеры сидели двое – здоровенный детина и такого же крепкого телосложения, но постарше, заключенный, похожий на восставшего в голливудском кино раба Спартака в исполнении Кирка Дугласа.

Поразиться величию мышц амбала и «Спартака» было нетрудно. Они сидели за столом в семейных трусах. Эти двое, в общем-то, были «семьей» в этой камере, общаясь друг с другом чаще, чем с остальными арестантами. Проще говоря, они были кореша. Но Несмышляев об этом еще не знал.

Оба арестанта поочередно швыркали что-то горячее из одной алюминиевой кружки, пристально рассматривая гостя. Воронежская карамель «Рачки-добрячки» была важным дополнением к их чаепитию. Спартак и амбал бережно освобождали конфеты от фантиков...

– Ты что, не слышишь, дядя? – повторил здоровяк. – Так протри окуляры и настрой локаторы...

– Несмышляев Иван Петрович, мэр города Л., статья 285 УК, часть вторая, – негромко ответил первоход и невольно поправил очки на переносице.

Едва он представился, как остальные обитатели камеры зашумели по углам, а воровскому авторитету по кличке Ромашка, смотрящему за СИЗО, уже полетела «малява» – записка из хаты «восемь-пять» с простым вопросом: «Как принять мэра города Л.?».

И менты, оказавшись за решеткой, чтят законы тюрьмы, подчиняясь авторитетному уголовнику.

Для связи с другими хатами в СИЗО есть несколько способов. Например, через арестанта-баландёра, который по время завтрака, обеда или ужина может передать «маляву» нужному адресату втихаря от конвойного. А можно воспользоваться дорогой по воздуху – посредством натянутых между окнами камер веревочек. Вербки эти были сделаны из вязанных шмоток. Например, из шерстяных свитеров. По такой дороге арестанты тянут от камеры к камере не только «малявы», но и «груза» – сигареты там, чай или даже таблетки. Малявы по воздуху в этом СИЗО были самой скорой почтой...

– А чего так тихо себя несешь по жизни, дядя мэр? – переспросил Несмышляева громила со шрамом над верхней губой и оскалится. – С такой статьей не грех иметь запас на черный день, чтобы с хорошими людьми поделиться.

– Делиться мне нечем, чужого не брал. Я честный чело-

век, – начал оправдываться мэр.

– Это ты следователю расскажешь. Еще ляпни, что ты Робин Гуд. Только Робин Гуд не стал бы мэром. Поделись лучше с электоратом основными тезисами своей предвыборной программы, – заржал амбал. – За что тебе дело шьют, дядя?

Мэр рассказал, в чем его подозревает следователь Чеботарев. О трансформаторной будке за пять миллионов рублей, «отсутствующей в наличии», о бронзовых памятниках писателю Чехову и сказочному герою Иванушке-дурачку, которые он намеревался установить в городском парке. Умолчал только о том, что отказался добровольно уйти в отставку со своего поста по указанию губернатора. Но этот отказ к делу не пришьешь и говорить о нем Несмышляев не хотел.

Развлечений у сидельцев немного, и рассказ нового сокамерника о себе – почти как в театре побывать...

– Ну ты в натуре дурачок, если твои паханы тебя под тюрьму подвести хотят. Чужой ты, стало быть, теперь своей родне, – здоровяк многозначительно поднял вверх указательный палец, а после паузы неожиданно для мэра добавил, – а пинждак у тебя хороший и штиблеты что надо, и человек ты, говоришь, честный. Значит, по доброте душевной сможешь лепень мне одолжить. Не насовсем, а только в суд сгонять...

– Отставить, Чечен! – вдруг резко одернул любопытного здоровяка его сотрапезник «Спартак». – Пусть воздух свободы выдохнет слегонца, и нам, гляди, свободней станет чуть дышать.

Амбал сделал недовольное лицо, как ребенок, которого лишили сладкого, но замолчал. По реакции своего кореша он понял, что ответ тюремного авторитета на «запрос» о мэре получен. И ответ этот вполне нейтральный. Значит, с мэра, как с гада, спрашивать не время.

– Я Валера Качин – старшой по хате, а Чечен тут ребровой, – как офицер на плацу отчеканил «Спартак», обращаясь к Несмышляеву.

– Как понять – ребровой? – удивился мэр.

– Просто, – усмехнулся Качин. – Помогает порядок наводить по рёбрам... Разные же быки и носороги заезжают с воли на тюрьму понты колотить. А мне беспредел ни к чему.

Мэр кивнул.

– А спать будешь здесь, – старший по хате и указал первоходу на свободную нижнюю шконку. – Выше – Чечен, а я над вами – на третьем этаже с видом на солнце.

Когда неофит тюремной жизни расправил на железной шконке матрас и собрался прилечь, Качин провел короткий инструктаж: «Слушай сюда и запоминай. Когда в хате кушают – нельзя бежать на парашу, после парашаи руки обязательно мой, без разрешения в хате ничего не брать. Начнешь косарезить, твое место будет под шконкой. Ну и лишнего не базарь».

– Спасибо, Валерий, – сказал мэр. – Я еще спросить хотел...

– Отставить. Вместо «спасибо» – «благодарю». И не

«спрашивать», а «интересоваться». Понял, Иванушка-дурачок? – быстро проговорил старший по камере.

– Я попросил бы вас, тебя, Валерий, обойтись без уголовных кличек, – попробовал возмутиться мэр. – Я Иван Петрович, можно просто – Иван.

– Это на воле ты будешь Иван Петрович. Я тоже тут – Валера Качок, а не товарищ старший лейтенант внутренних войск Валерий Евгеньевич Качин...

– А правда, что в тюрьме насилуют? – очень тихо уже не спросил, а поинтересовался мэр у Качка.

– Да кому ты нужен со своей жопой, – жестко ответил старший по хате. – Всё. Спать пора.

Свет в хате «восемь-пять» горит круглые сутки. С непривычки не уснешь. Не до сна было мэру города Л.

Чтобы быстрее уснуть, Несмышляев начал считать про себя: «Три на шесть – размер камеры, то есть хаты. Итого – 18 квадратных метров. На этой жилплощади разместились 12 железных кроватей, то есть, шконок – по шесть вдоль каждой длинной стены, а еще в камере стол-общак и туалет, то есть параша и умывальник с зеркальцем, он же благодарка. Верховодят здесь Чечен Качок, который назвал меня Иванушка-дурачок. А что я ему сделал плохого? И сколько времени я проведу в этом обществе за решеткой?»

Не найдя ответ на последний вопрос, мозг мэра-арестанта переключился на режим сна.

Сон был многослойный, как торт «Молочная девочка».

Несмышляеву приснился его рабочий кабинет на третьем этаже городской администрации и сосредоточенное лицо секретарши Зинаиды. Во сне она пыталась приручить импортную кофемашину, чтоб та поделилась капучино, а неугомонная пресс-секретарь администрации Глаша Стожкова требовала у мэра приобрести корову голландской породы.

На резонный вопрос мэра: зачем пресс-службе голландская корова, Глаша закатывала глаза: «Ну как же вы не понимаете, Иван Петрович, конечно же, для повышения производительности труда сотрудников пресс-службы. Надо непременно идти в ногу со временем, Иван Петрович, ведь если корове приладить седло, то по количеству новостей на нашем сайте мы сможем конкурировать даже с мировыми информагентствами!»

Несмышляев во сне прибавил ходу, чтобы избавиться от общества назойливой и лупоглазой Глаши, а та протяжно выла ему вслед: «Мууу». Стремительно уходя от ее преследования, мэр открыл дверь первого попавшегося кабинета и оказался на совещании у губернатора области.

– А вот и вы, Иван Петрович, – без радости в голосе и душевной теплоты приветствовал мэра губернатор Сергей Андреевич Секиров. – Жители вашего города постоянно жалуются на неисправности лифта в одном из многоквартирных домов.

Мэр, привычно потупив глаза, начал тихо оправдываться:

«Управляющая компания не единожды проводила работы по устранению залива шахты лифта, но затем, предположительно, возникли проблемы с электрикой, но сейчас уже, кажется, все в порядке, остается только мониторить и не допускать повторения ситуации».

– Что вы бубните там себе под нос? Что значит – кажется и предположительно? Немедленно устранить аварию лифта, и чтобы завтра же он заработал, – рявкнул губернатор.

– Есть! – испуганно ответил Несмышляев.

– Исправить и немедленно мне доложить! Ведь вы же знаете, кто живет в этом доме?! – глаза губернатора метали громы и молнии.

Мэр, конечно, знал, что в этом чертовом доме, где постоянно ломается лифт, живет теща премьер-министра страны – уроженца города Л., но ответил кратко: «Есть».

– Да, в этом доме живут сотни жителей нашего региона, которым нужны нормальные человеческие условия, – уже спокойнее продолжил совещание губернатор. – Я хочу вам пожелать в следующем году как можно реже, Иван Петрович, попадать под огонь справедливой критики. Очень много вас стало в нашей жизни, начинаете надоедать немножко нам. Давайте, занимайтесь уже работой. Это должно быть вам интересно. И куда как интереснее, чем памятник Иванушке-дурачку устанавливать в городском парке. Это ведь ваша полумная идея? Делом надо заниматься, Иван Петрович.

После этих слов губернатора мэр в своем сне упал на чет-

вереньки, начал биться головой об пол и повторять как заклинание: «Свят, свят, свят. Есть, есть, есть».

Потом Несмышляеву снилась Она – его любовница и первый заместитель Василиса Антоновна Перемудрова, черно-волосая дама с невероятно длинными ногами, которая курировала в городе Л. социальную сферу. Василиса всегда ему снилась. И, конечно, ее роскошные груди, каждая размером с необъятную дыню.

«А ну не хнычь, – говорила Она и прижимала его голову к груди. – Да мало ли что губернатор хочет твоей отставки. Ты мужик или тряпка? Ты мэр города или полный дурак? Стисни зубы и терпи. И на губернатора управа найдется... Нельзя сдаваться...»

– А если посадят, Василиса? – дрожал мэр.

– Не посадят. Не посмеют. Поднимем нужные бумаги, общественность. Все-таки не 37-й год. И у меня есть связи.

Надо сказать, что гнева своей любовницы мэр Несмышляев боялся больше немилости губернатора. Она была его первой и единственной женщиной. Пусть не женой, но от одного ее взгляда Иван весь трепетал и готов был исполнить любое, даже, наверное, самое безумное желание Василисы.

– Ложись-ка лучше спать, – шептала Она во сне Несмышляева, почесывая своими длинными лакированными ногтями его розовые ушки. – Утро вечера мудренее.

ГЛАВА IV

Мудрёное житье

Мудреное утро 4 июня мэр вновь встретил в тюремной камере. Открыв глаза, он поначалу не сообразил, где проснулся, но быстро понял, что не в родительской квартире и не на простынях у любовницы.

В хате громко хрипело радио. Никто из ее обитателей никуда не спешил. Кто спал, кто бодрствовал... Чечен и Качок меряли шаги, двигаясь навстречу друг другу по узкому проходу в хате – от зарешеченного проема окна до двери и назад. Чтобы разойтись в узком проходе, оба держали руки за спинами.

– Ну, как спалось на новом месте, очконавт? – бросил Чечен мэру, не останавливаясь.

– Нормально, – ответил Несмышляев, памятуя о совете Качка не базарить лишнего.

– Позвольте поинтересоваться, наши клопы не схавали главу города? – продолжал амбал.

Это вопрос застал врасплох мэра, потому что спина и правое предплечье его чесались до невозможности, а ведь еще совсем недавно ему и в голову не могло прийти, что клопы не вымерли, а вполне себе спокойно пьют людскую кровь и в 21 веке. Причем, всё равно чью, уголовника ли, насильника, убийцы, казнокрада или законного мэра города Л.

Несмышляев тут же сообразил, что ночью в хате подвергся атаке кровососов. Они жрали мэрское тело за милую душу.

– Кажется, есть немного, – после непродолжительной паузы ответил мэр, почесывая пятерней правый бок. Места укусов зудели.

Чечен заржал: «Клопы, вши и тараканы в хате – неистребимая вещь. Трави – не трави. Этапов много. Из разных городов в СИЗО везут сидельцев, и не все из них мэры. Бомжей полно и прочих чуханов. Я как-то за ночь 50 клопов с себя снял. Думал, сука, они только в старых диванах заводятся – ни фига. И на шконке клопу рай. Только вылупится паскуда, еще пустой-прозрачный, светится насквозь, а прямо на бегу сидельца жрет – за пять секунд до волдырей».

Чечен был бесконечно прав. Много люда прошло через СИЗО: подследственные и подсудимые, уже осужденные, ожидающие этапа на зону, или следующие транзитом из одной исправительной колонии в другую. И на всех хватает клопов и вшей. И ныне, и во веки веков.

Хватало их с избытком и на сокамерников ментовской хаты «восемь-пять»...

– Вот ты скажи, Валера, – с хитрецей в голосе обратился к старшему по хате Чечен. – Если меня и мэра-очконавта одни и те же клопы сегодня ночью жрали, значит, теперь мы с ним кровные братья?

Качин в ответ только ухмыльнулся, шагая по камере.

В СИЗО наступило время завтрака.

Завтрак, обед, ужин в изоляторе по распорядку.

Баландёр под присмотром конвоира катил по продолу (ко-

ридору) тележку с хавкой, останавливаясь у каждой камеры, чтобы подхачарчить сидельцев через кормушку (дырка в железной двери).

Хавка в СИЗО была сносной. Точно не отравка. Мэр убедился в этом основательно где-то через неделю пребывания в хате, придя к выводу, что от голодной смерти тут он не умрет. А помирать Иван не собирался, несмотря на весь ужас тюремной жизни, парализующий психику первохода. Он хотел жить, чтобы быть рядом с любимой женщиной.

Во время заседания суда адвокат Масленников передал мэру записку: «Ваня, будь мужиком, не вздумай уходить в отставку, я тебя скоро оттуда вытащу. Целую всюду, мой китобой Большой гарпун, мой Дон-Кихот с огромной пикой. Безумно скучаю. Твоя Василиса».

Записка не просто приободрила, а окрылила его. «Ведь не сломался же в камере Нельсон Мандела – борец с апартеидом, и я не сдамся» – рассуждал мэр, сжимая в левом кулаке дорогую записку.

Мэр Несмышляев решил мужественно нести тяготы тюремной жизни ради любимой и ради нее был готов на любые жертвы.

Жить можно и в тюрьме. Есть даже баня по субботам. Ежедневная прогулка в тюремном дворе минут на сорок – пожалуйста. Это только поначалу первоходу безумно тяжело в неволе. А потом и соловей жить в клетке привыкает...

Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка. Так что же там в

ковше у баландёра?

Каша или горошница. Давали и курятину. Все переварено на несколько раз. Баланда – горячая похлебка: вода, лук, капуста и картофель, нарезанный кубиками. Чтобы варево не казалась пресным на вкус, заключенные добавляли в него сушеные петрушку и морковь, которые передавали им с воли. В особом почете у сидельцев – лук, чеснок и соленое сало – тоже подгон от родни.

– Родня на воле есть – будешь в хате есть, – пояснил Чечен мэру суть сытной жизни в СИЗО.

И здесь жизнь текла своим чередом.

Где-то через неделю пребывания мэра в камере «восемь-пять» ребровой Чечен стал спокойнее относиться к Несмышляеву.

Мэр не знал, что Качок и Чечен потрещали (поговорили) по его душу во время одной из прогулок в тюремном дворе. За пару недель до появления мэра в хате «восемь-пять» «семья» Качка и Чечена осиротела, когда ее покинул бывший начальник продовольственного склада дивизии Внутренних войск капитан Серега Кубышко. На воле Кубыш жил сытно. Тушёнку, масло, сахар, мясо задвигал барыгам, да забурел, проиграл в карты казенные деньги, оставив на голодном пайке целую дивизию.

Пару месяцев Кубышко провел в СИЗО, а после суда отправился на семерик (семь лет) в зону по этапу. Что ж, ска-тертью дорога. Все заключенные в следственном изоляторе

с нетерпением ждут приговора, рассуждая о том, что срок мотать лучше на зоне, чем в СИЗО. Не зря же сутки в СИЗО граждане-начальники приравняли к полутора дням в колонии общего режима... И там Кубышко живет не тужит, с такой-то хлеборезкой определили бывшего интенданта в хлеборезы...

Чечен первым предложил Качку взять в семью Иванушку-дурачка.

Довод был железный: «Мэр – чувак не бедный, и кабанчика (посылки) ему матушка загоняет в хату – будь здоров, меня на воле так не кормили. А костюмы спортивные, шузы у дурачка – лорд их не имел».

На том кореша и порешили: сытного кабанчика надо держать на привязи, пока суд да дело. В СИЗО Качок и Чечен находились уже больше года, с нетерпением ожидая приговора. Но судебные заседания по их делам все время переносились. Два кореша, чтоб не скучать, каждый день делали в хате зарядку. Оба предпочитали спортивные костюмы. Качок чалился в черном «Адидасе», Чечен в красной «Пуме». И мэру Несмышляеву в сером спортивном костюме фирмы «Найк», который передала с воли мама, было куда как удобнее коротать суровые будни в хате, чем в пиджаке и брюках...

Так мэр был принят в семью.

Члены семьи в хате питаются вместе, консультируют друг друга да и просто базарят за жизнь чаще, чем с остальными

сидельцами. Начитанного человека приятно послушать, тем более в камере, где развлечений негусто. А мэр Несмышляев когда-то преподавал историю в средней школе города Л.

Сокамерники узнали об этом от самого Ивана, после того как он разложил по полкам исторические причины противостояния России и Польши. Дело было так.

Диктор по радио что-то лепил на всю хату про давнюю неприязнь поляков к русским. На что Чечен сказал: «Отчего поляки против нас в залупу вечно лезут?» Вопрос был бесконечно риторический, но мэр ответил.

– Мирные периоды в отношениях двух стран перемежались частыми вооруженными конфликтами. Поляки трижды вторгались в Россию во времена Смуты. А Россия трижды участвовала в разделах Речи Посполитой, в результате чего Польша как государство исчезло, – как по писаному задвинул Несмышляев.

– Иван, а ты часом не историк? – поинтересовался Качок у Несмышляева, впервые назвав его по имени.

Такое обращение польстило мэру.

– Да. Историк. Окончил истфак университета с красным дипломом, а школу – с золотой медалью, – четко ответил мэр.

– Тогда добро пожаловать в академию, теперь турьма – твои университеты, – хохотнул Чечен так, что шрам над его верхней губой разгладился. – Качок у тебя за историю интересуется, а ты про школу в уши дуешь, медалист. Я в шко-

ле тоже грамоту имел за победу в кроссе. И медаль золотую давали. Только я ее потерял. А так бы до сих пор ходил в чемпионах.

– А какая история вас интересует? Древнего мира, Средних веков, отечественная? Ну и у каждой страны своя история, – сказал мэр.

Разговором Качка, Чечена и мэра заинтересовались все сидельцы камеры «восемь-пять». Даже Федька Плешивцев – маньяк-людоед с белесыми ресницами и туповатым взглядом. Этот серийный убийца несовершеннолетних девчонок и молоденьких женщин пускал тела убиенных на фарш, а после лепил пельмени из человечины и продавал их на базаре.

Сокамерники сторонились людоеда: «Мало ли что на уме у Федьки-маньяка. Подвесить бы его на крюк за причинное место, но кто захочет себе добавить тюремный срок?».

Людоед говорил редко, но услышав слово история, пробурчал под нос: «Лу-блу сказки». Быть может, начитавшись сказок про великанов-людоедов, подломил себе психику в детстве Федька-маньяк? Но не он был сегодня героем хаты «восемь-пять».

Несмышляев резко вырос в глазах сидельцев...

– Так ты в натуре историк, – удивился Чечен.

Интересные загоны были в камере на вес золота, а тут, как выяснилось, настоящий дипломированный историк сидел на соседней шконке.

– Не жмись, Ваня. Поделись историей. Так и время в хате

быстрее затикает, – обратился к мэру Качок.

– Мне бы память освежить, я ведь лет 10 назад в школе преподавал, – ответил историк.

– Ты начни, а мы подскажем. Не томи, казнокрад интеллигентный, люди места заняли согласно купленным билетам, – недовольно загудела камера. – А то по жбану могут въехать...

ГЛАВА V

Гримасы историй

Историю стран, веков и континентов творят люди, насколько им позволяют силы и, конечно, прочие обстоятельства. И без божьего промысла тут, говорят, не обойтись. У всех сидельцев камеры «восемь пять» была своя история жизни. И в каждой четко просматривалась самая что ни на есть бесовская ухмылка.

Четверо из одиннадцати арестантов обвинялись в убийствах, еще шестеро подозревались в нанесении тяжких телесных повреждений... Мэр Несмышляев никого не убивал и не калечил, но и ему нашлось тут место. Чиновникам любого ранга, обвиняемым в должностных преступлениях, тоже нужно где-то сидеть под стражей.

За что были арестованы остальные сокамерники, мэр узнал не сразу. Каждый сиделец время от времени делился своей историей жизни или по доброй воле давал почитать материалы уголовного дела, которое изучал накануне суда

прямо в камере. Только людоед Фёдка Плешивцев не желал рассказывать о прошлых своих житейских буднях. Да и что взять с сумасшедшего. Он и мяса-то в хате не ел. Тихарился на своей шконке в неприметном сером свитерочке, как моль в шкафу.

Остальным хотелось выговориться. Да и что еще делать, когда свободного времени навалом. Можно, конечно, и в петлю слазить. Однако, чтоб такое развлечение не стало последним, конвоиры перед прогулкой меньше трех арестантов в камере не оставляли.

Какие еще радости в хате?

Ну похавал, что послал баландер, или расчехлил посылку с воли. Ну чифирнул. Ну вылепил из жёваного хлеба статуэтку дельфина или четки. Ну перекинулся в шахматишки с сокамерником на интерес. Например, на очередь прибраться в хате. Поставил мат, и вместо тебя дежурить будет проигравший.

Уборка в хате по графику. Каждый день тут начинался с мытья полов, параша и благодарки. Если на суд кого увезли из сидельцев, то дежурный прибирался тщательнее, чтобы арестант назад в СИЗО не вернулся – из суда чтоб на волю ушёл. Могли и под зад пнуть сокамернику при выходе из хаты на суд, «благословляя» не возвращаться назад. Такие поверья у арестантов.

В шахматных партиях Несмышляеву не было равных в хате «восемь-пять», поэтому он не дежурил вовсе. Выигры-

вал ли он от этого по большому счету – еще вопрос, потому что уборка – редкая возможность для сидельца косточки размять. Скучно же сутками сидеть на шконке тихо, да дышать ровно, чтоб не жрать драгоценный кислород.

Чтобы разогнать тоску, можно было, конечно, двинуть за парус к параше, «погонять лысого на Дуньку Кулакову» – картинку какой-нибудь смазливой дамочки. Мэр не развлекал себя в хате онанизмом. Стыдился. Лучше уж поболтать за жизнь да послушать историю жизни своего невольного соседа.

А уж если «нерв попер» у сокамерника, только слушай и запоминай его загоны, если, конечно, дело есть до него. Быль не сказка: из нее слова не выкинешь.

Шагает, значит, «нервный» по хате туда-сюда от двери до окна и шпарит, шпарит о том, что в душе накопилось.

Так мэр узнал историю Валеры Качка – бывшего начальника конвоя одной из зон, где мотают срок уголовники.

Товарищ старший лейтенант, отличник боевой и политической подготовки Валерий Качин во время несения службы застрелил генерал-майора внутренних войск.

На любовницу старлея врачиху Зинку командир дивизии Сафонов глаз положил.

– Ох и красивучая баба была эта Зинка – блондинка с длинными ногами и косой до попы, – вспоминал по нервяку Качок.

И начал прессовать генерал младшего по званию. Да еще

и перед строем оскорбил: «Только хреном махать перед бабами можешь, старлей, а пошли тебя в бой, спрячешься за короткую юбку в медсанбате».

Затаил обиду старлей. Выпил вечером с горя грамм триста болгарского бренди «Сльнчев бряг», разоружил дежурного по части, забрал у него два пистолета Макарова, сел в УАЗик и поехал квитаться с генералом.

– Что, честь офицерская была задета или перепил? – спросил у товарища Чечен.

– О чести офицерской, Чечен, не солдатам рассуждать. Ну, и выпил, конечно. Ревность меня распирала. Ведь этот хрен в лампасах мою Зинку все-таки приласкал, – пояснил сидельцам мотив своего преступления Качок и продолжил рассказ...

Генералу сообщили, что пьяный и вооруженный офицер Качин едет к его дому. Комдиву бы спрятаться. Да куда там. Я, мол, генерал, буду бояться какого-то старлея. И рванул комдив навстречу судьбе. Они сошлись как в вестерне ков-бои. Старлей выстрелил первым. Палил из двух стволов одновременно. Генерал упал лицом в снег, а Качок вогнал в лежащего обидчика 14 пуль.

– Хотел потом застрелиться, да духу не хватило, – грустно поделился пережитым Качок, когда градус его нервного рассказа начал спадать. – Где-то час в кювете просидел, а потом за мной пришли коллеги. Комбат Медведев мне сказал: «Валера, сынок, отдай мне оружие». Ну я и отдал.

– А что же Зинка? Шлет посылки? – спросил Качка Чечен.

– За два года, что я тут сижу один раз пришла на свидание. Так любовь и закончилась. Только матушка ко мне приезжает. Эх, скорей бы уже суд, – посетовал старший по хате и замолчал.

Не веселей была история жизни и у Чечена, ребрового хаты «восемь-пять».

Мамаша Сереги Лимаева, так звали Чечена по паспорту, с юных лет бухала беспробудно. Нагуляла по пьянке троих сыновей. Старший из них – Серега, когда подрос, записался в секцию рукопашного боя и добился спортивных успехов. Стал победителем первенства города по юношам. А потом ушел в армию, в десантуру. Там и отшлифовал свое убийственное мастерство, которое очень помогло ему выжить в Чечне.

В Чечне Чечен стал героем. Прикрывал отход своей роты в горах, а, когда кончились патроны в калаше, пошел в штыковую на «чехов». Их пятеро, Лимаев один, но с саперной лопатой. «Боевики» не стреляли, хотели живым взять «урус шакала», но просчитались.

Правоверным до смерти не повезло встретиться на узкой тропе с рукопашником. Старший сержант Лимаев вернулся с войны домой с Орденом Мужества на груди и яростной ненавистью ко всем жителям Кавказа, особенно к тем, кто совершает намаз. Три месяца перебивался Чечен на гражданке случайными заработками: где машину покрасит, где грузчи-

ком или разнорабочим подкалымит. Но «повезло». Серьезные ребята, те, с которыми Лимаев в юности занимался рукопашным боем, протянули руку помощи бывшему десантнику. Подхарчили, обогрели, предложили хорошо оплачиваемую работу.

Так Чечен стал киллером.

– Ты зачем, Чечен, в киллеры подался? – не единожды спрашивал своего товарища Качок.

– Братьев младших надо было кормить, – всегда спокойно отвечал на этот вопрос Чечен. – Нет плохой работы, есть плохие люди.

Киллер Чечен отправил на тот свет троих уголовных авторитетов, на которых ему указали заказчики. Они же, заказчики, и сдали Лимаева ментам. А следователи так заплели мозги орденоносцу, что тот все им рассказал: кто кого заказывал, как он убивал, где хранил оружие.

Не очень сложная задача заплести мозги тому, у кого их немного. Высшего образования у Чечена не было, а следователь пообещал, что если орденоносец ответит на все вопросы честно, то его отправят в Чечню на новую войну, дав возможность искупить вину.

– И ты поверил, Чечен? – в который раз интересовался Качок у кореша.

– А разве война кончилась? – вопросом на вопрос ответил Чечен. – Война в этой стране никогда не кончится. Так говорил мне в Ачхой-Мартане покойный комбат Силантьев.

Мэр Несмышляев не стал рассказывать Чечену о том, что такое синдром комбатанта, человека, который не может выйти из войны. Десантник, наверное, все равно бы не понял значения этого слова, а обозлиться на умника мог запросто. Поэтому Иван не стал грузить Чечена избыточной информацией. Тем более, что Качок и Чечен были в хате его семьей.

Валера Качин и Серега Лимаев не давали историка в обиду, вместе с ним харчились, с интересом слушали загоны мэра на исторические темы и очень ждали, когда же их повезут на суд.

Слушая истории сокамерников, Несмышляев думал о том, что его жизнь, пусть и проникнутая светом научных знаний, скорее похожа на монотонную повесть. В то время как судьбы Качка и Чечена – это и трагедия, и детектив, и триллер в одном флаконе. А про жизнь людоеда Федьки Плешивцева и говорить нечего. Настоящий фильм ужасов. Людоед заманивал доверчивых девчат в свое логово, месяцами их истязал под присмотром своей чокнутой мамыши, прежде чем отправить на тот свет, а после заняться фаршем из человечины.

Был кровавый след и в истории жизни Юрки Партизана – еще одного сидельца хаты «восемь-пять». Бывший охранник магазина инструментов и радиодеталей «Юный техник» Юрка Сажин по пьянке зашиб топором замначальника охраны магазина Григория Чурилина. Пили они после работы вместе в частном доме Чурилы. Съели на двоих три бутылки

водки, а когда взялись за четвертую, черт дернул Чурилу сказать, что, как охранник, Юрка Сажин – полный ноль. Так, бесплатное приложение к газовому пистолету. Юрке такая оценка собутыльника категорически не понравилась, он был более высокого мнения о себе – чемпионе города по стрельбе с 25 метров из произвольного малокалиберного пистолета. Но спортивного пистолета – детища конструктора Марголина – под рукой не оказалось, а стало быть, и возможности подтвердить высокий класс стрелка. Тогда Юрка тюкнул собутыльника точнехонько прямо в темя обушком топора. Башка у Гришки Чурилина была как у быка, и промахнуться по такой мишени было сложно. Вот только призом за такое попадание была не медаль.

Протрезвев, Юрка рванул в бега. И два, целых два года скрывался в погребе у своей мамы. Только по ночам, как крот, выходил из укрытия, проводя в убежище солнечные дни своей жизни. А когда Юрке исполнилось 40 лет, он пошел сдаваться полиции. Надоело кротовничать.

– Ну что, Партизан, в хате на шконке то лучше чалиться, чем в погребе на мешках картошки? – шутили над Юркой сидельцы камеры «восемь-пять».

Партизан в ответ улыбался и молча кивал головой. Мужик он был добродушный, ежели не пьяный. Да в камере водка не положена.

Или вот история дезертира Пети Николаева, которого в хате прозвали Лопух. В 18 лет Петьку призвали в армию и

отправили служить во внутренние войска. Молодому вертухаю, охранявшему эков в колонии, такая служба опостыле- ла через год. По весне он решил сбежать до дому. Поймали Петьку на столичном вокзале и препроводили в хату «восемь пять». И там дезертир дал маху.

– В каких войсках служил, солдатик? – спросил Петьку старший по хате Валера Качок.

– Да я радист в войсках связи, по рациям секу, – начал врать солдат, думая, что попал в камеру к уголовникам, а не к «ментам».

– А с какими рациями ты знаком, воин? – продолжил рас- спрос Качок.

Петька в ответ назвал только те, которыми пользуются со- трудники полиции.

– Ну а к ментам как ты относишься, солдатик? – продол- жал Качок качать юнца.

– Да я в натуре ментов ненавижу. Порвал бы всех легавых, дай мне только волю, – замахал руками дезертир...

Камера «восемь-пять» так и грохнула от смеха.

– Раз он своих не признает, давай под шконку дезерти- ра? – заржал ребровой Чечен, обращаясь к старшему по хате.

– Тогда этот Лопух из-под шконки никогда не вылезет, Чечен, – ответил Валера Качин и пожалел Петьку, определив ему место на нижней полке у входа в камеру. Ну а кличка Лопух так и прилепилась к молодому вертухаю.

Если история Юрки Партизана – трагикомедия, то у Петь-

ки Лопуха – комедия положений. А для бывшего сотрудника полиции Володи Чистякова, еще вчера доблестно ловившего хулиганов, заключение в хате «восемь-пять» стало прозрением. Служитель закона может ведь со скоростью выстрела превратиться в преступника, превысив свои полномочия.

– Кабы я знал, какие хреновые условия в камере СИЗО, то, клянусь, в два раза б реже задерживал мелких нарушителей. Пинка бы дал под зад и отпускал бы их на все четыре стороны, – признался как-то сокамерникам Чистый – вчера еще старший сержант батальона патрульно-постовой службы горотдела полиции. Вместо задержания мелкого хулигана, по пьяни обматерившего мента на автобусной остановке, оскорбленный Чистяков завалил буйного матершинника на месте из табельного «Макарова».

Во сне бывший старший сержант сильно скрипел зубами, мешая спать сокамерникам. Нервы. В камере Чистый держался обособленно, вероятно, крепко переосмысливал кульбиты своей жизни – еще вчера ему вручали медаль «За безупречную службу» в полиции, а теперь он кормит клопов на шконке.

Как нет на свете двух одинаковых людей, так не бывает и абсолютно идентичных биографий. В биографии Ивана Несмышляева тоже были сложные повороты. Далекое обо всем мэр хотел бы рассказать даже маме родной. Тем не менее, и у него была своя история. Для кого-то, быть может, незамысловатая, для кого-то совершенно сказочная, но,

в любом случае, неповторимая.

Сокамерникам было любопытно, как жил на воле Иван. А разве не интересно, как люди становятся мэрами или историками?

ГЛАВА VI

Исторический путь

Стать историком Ваня Несмышляев твердо решил, когда учился в десятом классе. Он прекрасно успевал по всем предметам, но именно учитель истории Александр Сергеевич Орлов был его любимым преподавателем. Неудивительно. Каждый его урок был ярким спектаклем одного актера.

Особенно восхищало Ваню в учителе умение совершенно просто, прямо-таки на пальцах объяснить сложные общественно-политические процессы. Например, происходившие в Великобритании. Скажем, почему виги и тори веками рубятся за места в парламенте, но какая бы из этих партий не получала преимущество в результате выборов, британская внешняя политика почти всегда антироссийская?

– Да потому что тори – это правая рука, виги – левая, а туловище-то у британского империализма одно, – жал себе руки рано поседевший историк Орлов. – Именно империалисты, владеющие основными богатствами Англии, крутят-вертят этими партиями как хотят, а наша страна с ее фантастическими запасами углеводов является для империалистов лакомым куском. Они давно бы превратили нас

в свою колонию, да только бояться ядерного советского кулака.

О каком бы этапе Отечественной истории не рассказывал Орлов, делал он это эмоционально. Жонглируя фактами, которых не было в школьных учебниках. На его уроках ученики и не думали шалить, замороженно слушая оратора. А как интонировал Орлов! Особенно хорошо получалось у него имитировать голос Сталина.

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала ряд городов и районов? Неужели немецкие войска и в самом деле являются непобедимыми, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты? Конечно, нет, – с характерным грузинским акцентом зачитывал историк Орлов фрагменты известной речи.

В эту минуту Ивану казалось, что это сам вождь народов обращается не только ко всему советскому народу, но и лично к нему – десятикласснику школы №4 города Л.

Орлов обладал даром перевоплощения, был человеком смешливым, обаятельным и весьма привлекательным для слабого пола.

Вокруг историка на переменах кружились молоденькие учительницы. Правда, эти классные дамочки яркий след в педагогике оставить не успевали, потому что к концу учебного года спешили в декретный отпуск.

Дети – на каникулы, а молоденькие учительницы – в декрет. Почему готовились стать мамами именно те, кого Орлов чаще всего смешил до слез? В том крылась загадка истории средней школы №4.

Сколько лет было историку Орлову, когда Иван учился в 10 классе? Наверное, лет 45?

Старшеклассник Несмышляев такой популярностью у противоположного пола не пользовался. В школе он был долговязым, застенчивым, угловатым подростком. К тому же носил очки в роговой оправе, а оттопыренные розовые уши были причиной постоянных насмешек над ним.

Ботан ушастый и Ванька-дурак – самые безобидные из его школьных прозвищ. Одноклассницы целовались с отпетыми хулиганами, а те держали в страхе таких ботанов как Несмышляев.

В 10-м классе Ваня влюбился в черноглазую и губастенькую Галочку Тимофееву, милую девочку из параллельного класса. Посылал ей записки, а однажды вызвался проводить до дома.

Девочку он провожал, бережно сжимая в руках ее синий портфель, но, едва за Галкой захлопнулась подъездная дверь, кто-то сзади постучал ему по плечу. Ваня обернулся и тут же получил кулаком в глаз от местного хулигана Сеньки Воробьева – Воробья.

– Я тебе дам, ботан ушастый, как за Галкой ухаживать, – наклонился Сенька над поверженным и показал ему кулак. –

Еще раз увижу вас вместе, убью.

Ваня был совершенно унижен. После клевета Сеньки Воробья очки влюбленного сморщились прямо на переносице, стекло в роговой оправе треснуло, и домой он шел буквально на ощупь, спотыкаясь о кочки. Хуже того, Несмышляев был так напуган вероломным нападением, что при виде Галки Тимофеевой готов был бежать куда подальше. С той поры привычка не смотреть собеседнику в глаза совершенно укоренилась в Иване. Страх получить кулаком в переносицу стал его спутником.

Был бы Ваня Несмышляев спортсменом, ну занимался бы там боксом, борьбой, да хотя бы футболом, то наверняка попытался дать отпор хулигану, потому что спортсмены, Ваня был в том уверен, умеют за себя постоять. Но к спорту в то время он был совершенно равнодушен, считая, что занятия атлетическими упражнениями лишь отнимают время от учебы. К тому же ему совершенно не хотелось быть в спортзале грушей для битья.

«Лучше быть первым в учебе, чем последним в спорте», — примерно так рассуждал Иван в детстве, соглашаясь с мамой.

Однако, несмотря на юношеское несовершенство гадкого утенка, на эти чертовы очки в роговой оправе и неумение дать сдачи обидчикам, у Ивана было одно важное преимущество перед многими сверстниками. Он всегда был опрятен, ходил в школу в отутюженных костюмчиках, а воротнички

его рубашек всегда были белоснежными. Более того, при нем всегда был чистый носовой платок. Мама Ванюши, врач-ортопед Зоя Николаевна Несмышляева, не жалела средств на то, чтобы ее отпрыск всегда был прилично одет. И только один раз она едва не всыпала сыну ремня, когда тот, учась в 5-м классе, пришел домой грязный с головы до пят.

Как выяснилось, Ванечка испачкался как трубочист во время урока природоведения, когда весь класс отправился на местное озеро наблюдать за чайками. Птицы эти из года в год прилетали на гнездовье в город Л.

По весне чаек тут становилась даже больше, чем самолетов – главных крылатых обитателей окрестностей. И днем, и ночью самолеты парили над городом, взлетая и приземляясь на бетонные полосы крупнейшего в стране аэропорта, единственного в стране обслуживающего регулярные трансатлантические рейсы. Город-самолет! Так называли местные жители свой населенный пункт, который лет 60 назад приобрел муниципальный статус. Аборигены города Л. даже грозили из окон многоэтажек пилотам-лихачам, которые слишком низко заходили на посадку, даря при этом недовольным горожанам воздушные поцелуи прямо из кабин самолетов. Служителям большой авиации не было дела до жителей провинциального городка, окруженного соснами и елками, болотами да мхами...

Тем не менее, не самолет, а озерная чайка прижилась на гербе города Л. Сначала места хватало им обоим. Однако,

после того, как аэропорт был прирезан чиновниками к территории другого городка, железная птица исчезла с герба города Л., хотя пилоты-лихачи продолжали досаждать местным жителям.

Но разве это повод так извозиться в грязи для хорошего и правильного мальчика Ивана Несмышляева?

– Береги платье снову, а честь смолоду... Ты же отличник и примерный ученик, а не какой-то там Иванушка-дурачок, – испуганно глядя на чумазого сына, изумилась мама, взялась было за ремень, но тут же отложила его в сторону. Бить детей ремнем она считала варварством.

Мама Ивана, очень набожная женщина, была и против занятий сына спортом, рассуждая так: «Спорт – это не смирение гордыни, а прямая дорога к созданию кумира, что совсем не по-христиански». К тому же все спортсмены, она это знала прекрасно, подвержены травмам.

А папы у Вани не было.

Точнее был, конечно, но он его никогда не видел, а мама все расспросы об отце пресекала на корню: «Был да сплыл лейтенант из военного училища».

От папы-лейтенанта осталась лишь одна пожелтевшая фотография в семейном альбоме, а фамилия Несмышляев досталась Ване от деда Николая, отца Зои Николаевны.

Маму радовало, что ее сын прилежно учится в школе, ходит в кружок «Юный фотограф» и собирает почтовые марки. Ну а что, – безобидное хобби. Зою Николаевну совер-

шенно не огорчало, что сын после школы все свободное время проводит дома за учебниками или перебирает альбомы с марками.

«Все лучше, чем бесцельно шататься по дворам, дуть пиво или еще какую гадость в компании с юными вертихвостками», – считала мама Ивана и очень гордилась, что сыну была доверена в школе общественная работа.

Нет, Ваня Несмышляев не был избран президентом 10 «Б», то есть его старостой, как эта школьная должность именовалась во времена Советского Союза. Несмышляев родился в СССР, но учился уже в российской школе. Он был избран в актив класса и назначен его мэром. По сути, став первым заместителем президента (старосты) 10 «Б».

На мэра класса возлагалась задача обеспечивать дисциплину и порядок на уроках.

Казалось бы, как ботан ушастый Иванушка-дурак мог справиться с такими обязанностями, не обладая особой физической силой? Как люди говорят: мал клоп мал, да вонюч. А для кого-то мал золотник, да дорог.

Ваня отмечал факты нарушения дисциплины во время уроков в специальном блокноте, а потом доводил их до сведения могучего одноклассника и президента 10 «Б» Андрея Курицына, сына местного бизнесмена, которого в городе Л. боялись все.

Курицын-младший, весь в отца, держал в кулаке не только свой класс, но и всю школу. Естественно, шалости одно-

классников на уроках не ускользали от внимания Курицына-младшего, но достойными родительского наказания они становились только после занесения в блокнотик Вани, который непременно просматривала классный руководитель и учитель физики Светлана Георгиевна Николаева. А эта отважная женщина не боялась даже Курицына-старшего.

Курицын-младший старался не ссориться с Ванькой, потому что в блокноте у Несмышляева был компромат на всех одноклассников.

Выходит, Ваня стучал на своих одноклассников учительнице. Но при этом стукачом Иван себя не чувствовал, потому что совершенно искренне считал, что выполняет важное общественное поручение по поддержанию дисциплины в классе. Несмышляев с детства был приучен мамой к порядку. Командовать одноклассниками он боялся и не умел, но покорно подчинялся учителям и президенту класса. В то же время ему невероятно нравилось занимать важный пост и чувствовать свою особую значимость.

В общем, нет ничего удивительного в том, что за годы учебы в школе послушный и ответственный ученик Иван Несмышляев не обзавелся близкими друзьями, но окончил ее с золотой медалью.

Когда Ваня сказал маме, что хочет быть историком, как школьный учитель Александр Сергеевич Орлов, она не сильно противилась. Конечно, мама хотела, чтобы Ванечка пошел по ее стопам и стал врачом-ортопедом, однако и работа

школьным учителем была, по ее мнению, не менее благородной, чем профессия врача.

Конечно, если бы мама настояла, Ваня, вероятнее всего, подал бы документы в медицинский институт. Ведь он никогда ей не перечил. Однако Зоя Николаевна знала, что сын боялся вида крови.

Ну что ж, исторический, так исторический.

И Несмышляев поступил в университет на истфак.

Когда через год студент зашел в школу, чтобы навестить классного руководителя, то узнал, что Галка Тимофеева из параллельного класса вышла замуж за Курицына-младшего, а Сеньку Воробья арестовали за распространение наркотиков. Но эти события мало волновали студента Несмышляева. Он с головой окунулся в новую жизнь.

ГЛАВА VII

Ивановы университеты

С каким багажом жизненных знаний он поступил в университет? Вкуса спиртного и сигарет первокурсник Несмышляев не знал. Не имел он ровным счетом и никакого сексуального опыта.

– Вредные привычки – помеха на пути человека разумного к самосовершенствованию, а прелюбодеяние – страшный грех, – твердила ему мама.

И эти слова так крепко засели в его голову, что он даже не желал задумываться о том, какие именно удовольствия ис-

пытаются сверстники, когда смолят сигареты или запросто перед уроком, например, химии, могут жახнуть банку пива, если не две. Про сладость сексуальных утех Иван и думать стеснялся.

Даже на «вписке» – самодеятельном посвящении одногруппников в историки – Ваня не пригубил и шампанского.

В комнате студенческого общежития редела из магнитофона модная тогда песня Леонида Агутина: «Хоп-хей, ла-ла-лэй, где вопрос, а где ответ. Хоп-хей, ла-ла-лэй, что не говори. Хоп-хей, ла-ла-лэй, то ли верить, то ли нет. Хоп-хей, ла-ла-лэй, но бог тебя хранит», а Иван тихо сидел в самом уголке, потягивая апельсиновую «Фанту» из граненого стакана. Сидел и внимательно слушал, как его сотоварищи, перебивая магнитофон и друг друга, делятся яркими примерами своей уникальнейшей самобытности.

Когда попойка уже грозила перерасти в буйную пьянку со стриптизом – Иван тихо исчез с вечеринки, как будто его там и не было.

Тихоню Несмышляева выбрали старостой группы как раз потому, что никто из одногруппников совершенно не желал возлагать на себя общественную нагрузку. До неё ли, когда молодая кровь бурлит шампанским, тиски былой родительской опеки ослабли, а инстинкт размножения туманит мозги, заставляя сближаться едва ли не с первой встречной.

Надо понимать, что в любом университете девичьих юбок не сосчитать и всех дам не переставить в интимную позу.

Необъятное не обнять, но нужно стараться шмелем облететь все яркие цветы, если ты, конечно, настоящий Студент. Товарищи Ивана без усталости кадрили студенток и гордо дышали перегаром даже на лекциях. Полный гаудеамус игитур! Что в переводе с латыни означает: будем веселиться или возрадуемся!

Пока староста группы Иван Несмышляев корпел над учебниками, вел групповой журнал посещаемости занятий и регулярно принимал участие в работе старостата факультета, его однокурсники «крольчатились» или «тараканились», как сумасшедшие.

Как будто кто-то, находящийся в студенческой иерархии много выше деканов и ректора, наделил однокурсников возможностью размножаться исключительно лишь во время учебы в университете. А дальше – ни-ни. В общем, умри, но возлюби скорей самую ближнюю.

С такой внутренней установкой прожигали студенческую жизнь два, как модно теперь говорить, brutальных товарища Ивана – высокий блондин Сергей Слабей и чернявый красавец Андрей Пересветов. Однокурсники называли их Ослябя и Пересвет, как монахов-воинов, легендарных героев Куликовской битвы.

За Иваном же поначалу закрепилось прозвище Несмышля, со временем съезжившееся до «С мышь». Мышиной возней казалось однокурсникам стремление тихони Ивана посещать каждую лекцию, быть вежливым до подобострастия

с каждым преподавателем и сдавать зачеты досрочно.

За глаза старосту Несмышляева уже поднаторевшие в латыни студенты называли еще хуже – Иванушка – stultus, то есть, дурак. Потому что большая половина из них считала, что задача студента сдать сессию не уча, ибо уча, каждый дурак сдаст.

Но дураком Ивана называли только за глаза, потому что, сколько не подсмеивайся над очкариком-активистом, именно староста группы ездил в университетскую бухгалтерию за деньгами, а потом по списку выдавал студентам стипендии.

Да и просто студенты могли попросить у Ивана конспект пропущенной лекции. Он не отказывал, ощущая особую свою ответственность за успеваемость целой группы.

Разбуди его в то время ночью и спроси: кто есть староста группы? Ваня без запинки ответил бы: «Староста группы – формальный глава группы и промежуточное звено между студентами и администрацией учебного заведения».

Пока Ослябя и Пересвет, не покладая «копий» и с богатырской удалью пронзали сердца симпатичных студенток, Иван усиленно грыз гранит науки. А чтобы притушить все сильнее разгоравшееся влечение к прекрасному полу, он решил заняться спортом.

Нет, не боксом или единоборствами. Наученный горьким опытом капитуляции перед кулачищем Сеньки Воробья, Ваня не хотел получать по лицу. Это, в конце концов, больно, черт возьми.

В университете Иван занялся полиатлоном.

Что такое полиатлон? – он навел справки в интернете, прежде чем записался в студенческую группу тренера Ивана Алексеевича Переверзева.

Чтобы достичь побед в полиатлоне, драться не требовалось. Надо было резво бежать 3 километра, быстро плыть в бассейне, далеко метать гранату и метко стрелять из пневматики.

– Каким видом спорта занимался? – спросил тренер у худосочного студента-очкарика во время знакомства.

– Никаким, – смущенно ответил Иван. – Но я упорный, обязательно наверстаю.

Спортивному упорству отличника Ивана Несмышляева можно было позавидовать. Он не пропускал тренировок, усиленно бегал и прыгал.

Мама Ивана, хоть и не любила спорт, была только рада, что ее сын нашел новое хобби. «Полиатлон – хорошее средство от полигамии. Не всю же жизнь ребенку марки перебирать» – рассудила она, продолжая обеспечивать сына-студента. Каждое утро Иван ездил из дома в университет и обратно на пригородной электричке. Полтора часа до Москвы и столько же времени обратно. Правда, из-за тренировок, Иван возвращался в город Л. поздно вечером, но время в дороге не терял, читая толстые учебники и не менее объемные биографии выдающихся исторических личностей.

Уже через два года занятий полиатлоном Несмышляев

стал призером чемпионата столицы и выполнил норматив мастера спорта. Таким значком не могли похвастать его одноклассники. Кажется, весь молодецкий пыл студенты Ослябя и Пересвет истратили на «дам-с» и алкоголь, так и не сумев окончить ВУЗ.

Ослябю отчислили из университета на втором курсе за неуспеваемость, а Пересвета на пятом. Но по другой причине. Пересвет чуть не стал участником громкого международного скандала, положив глаз на дочь президента одной африканской страны. Она тоже училась в этом университете и тоже желала страстной любви. Студент Пересвет едва не пал ее жертвой.

Дочь президента внезапно забеременела, о чем радостно сообщила своим африканским предкам. Перспектива стать зятем пусть даже короля целой Африки Андрея Пересветова совершенно не прельщала, потому что его «шоколадка» с белыми как рафинад зубами и курчавыми, куда не поцелуй, завитушками волос однажды рассказала возлюбленному историю, как неверных мужей дочерей президента в ее стране сажают на кол.

Не дожидаясь приезда будущего тестя в Москву, Пересвет по-быстрому забрал документы из ВУЗа и спрятался в рядах нашей доблестной армии.

Будущие историки, участвуя в археологических раскопках и копаясь в старинных архивах, пытаясь, так сказать, разгадать загадки прошлого, не должны удивляться тому, что

могут стать активнейшими участниками современных исторических процессов хотя бы африканского масштаба.

Быть может, лет через 20, бледнолицый губошлеп, как две капли воды похожий на студента Андрея Пересветова, станет новым президентом африканской страны. Ведь стал же курчавый внук арапа первым поэтом России...

Пример того, как непутевый студент Пересвет до предела приблизился к креслу президента африканской страны, подвиг Несмышляева к мысли о том, что уж ему-то, отличнику и активисту, Судьба тем более подарит шанс стать видным политическим деятелем. Спортивные победы в полиатлоне только подзадорили тщеславие старосты группы.

Эта мысль подогревала самолюбие студента Несмышляева до той поры, пока не состоялся его разговор с деканом истфака. Ваня учился тогда на пятом курсе университета. Декан Игорь Исидорович Толчков пригласил старосту группы к себе в кабинет.

Декана студенты уважали. Во времена Перестройки он первым в стране опубликовал книгу, где раскрыл неприглядные детали секретного протокола одного пакта от 1939 года, разделившего Европу напополам.

Научная работа Толčkова стала сенсацией, которая взбудоражила мировое сообщество, а ее автор моментально превратился в главного отечественного эксперта по данной теме. Вскоре он был избран деканом истфака университета.

Сын репрессированного священника Игорь Исидорович

Толчков во времена перестройки был яростным антисталинистом, но политическая ситуация в стране менялась в обратную сторону. Декан это чувствовал и уже не позволял себе публично критиковать «кровавого грузина», однако мог себе это позволить в общении с избранным кругов студентов, с кем связывал будущее отечественной историографии. Профессору было важно прощупать политические взгляды будущих аспирантов. Студент-активист и отличник Несмышляев, по мнению декана, входил в их число.

– Ну-с, молодой человек, будьте так любезны, поделитесь вашими дальнейшими творческими планами, – ласково заговорил Толчков, когда Иван переступил порог его кабинета.

– Хочу приложить максимум усилий, чтобы окончить истфак с красным дипломом и попытаться поступить в аспирантуру, – сказал Несмышляев, не глядя декану в глаза.

– Что ж, похвально, похвально... Ну а почему бы после получения диплома вам не пойти преподавать в обычную школу? – Толчков внимательно посмотрел на студента.

– Так ведь, История – царица всех наук, но, тем не менее, многие ее «пятна» не в полной мере изучены. И я хотел бы посвятить свою жизнь их глубокому изучению, чтобы пролить свет..., – возбужденно произнес Иван, но осекся и покраснел от того, что слова его прозвучали слишком высокопарно.

– Знаете, молодой человек, я очень сожалею, что не имел удовольствия тесно пообщаться с вами, когда вы учились на

первом курсе, – начал плести паутину слов декан, и по его размеренной интонации было понятно, что говорить он намерен долго. – С чего вы взяли, что именно История – царица всех наук? Только не пытайтесь меня убедить, что Историю мы обязаны знать, чтобы не повторять ошибок прошлого. Все это бред, приправленный юношеским максимализмом. История нас учит только одному. Тому, что она ничему не учит. Ни-че-му! Будь по-другому, человечество не наступало бы из века в век на одни и те же грабли. Не было бы войн и переделов собственности, новых конституций, не было бы глупых законов и прочей ерунды, мешающих человеку жить и дышать свободно, а не корчиться в муках под гнетом того или иного деспота. Помогать демагогам, прохвостам и лицемерам, опирающимся на сомнительные исторические факты для достижения сиюминутных целей – вот каково истинное значение этой «царицы наук».

– Но как же можно так говорить, профессор, – вступился за «царицу» Несмышляев. – Непреложные факты мировой и отечественной истории точнее всего подтверждают правоту руководителей нашего государства, относительно того, что у России особый путь развития и именно наша страна на протяжении веков является локомотивом исторического процесса. Историческая миссия русских – быть народом-освободителем! И я хочу служить российской истории во имя укрепления славы Отечества.

– О, господи, мой без пяти минут коллега. Где вы то успе-

ли набраться этой высокопарной демагогии? С такими взглядами вам надобно идти не в аспирантуру, а сразу в Государственную думу, – усмехнулся Толчков.

– А разве я что-то неправильно сказал? – смутился Иван.

– Это как посмотреть. Настоящие историографы могут опираться только лишь на сохранившиеся исторические источники, и только на их основе пытаться делать более-менее четкие выводы о том, что же на самом деле происходило на свете в тот или иной период развития цивилизации. Без исторических документов ваша дорогая «царица наук» – голая проститутка, заманивающая наивных клиентов в бордель устами сутенеров-лжеисториков, которые и пишут урапатриотические речи для политиков, – грустно ответил профессор.

Декан замолчал, что-то обдумывая. А потом вдруг спросил у Ивана: «Кем работают ваши родители?»

– Отца у меня нет, а мама – врач-ортопед.

– Так почему вы не пошли по стопам своей матушки? Лечили бы людей, принося им реальную пользу, а не ковырялись бы в архивах, очищая «пятна» на солнце российской истории во имя укрепления славы Отечества? – не без ехидства поинтересовался декан.

– Я крови боюсь, – честно ответил студент.

– Черт возьми, он крови боится. А судить о правоте руководителей государства ему не страшно. Вы разве не знаете, что издревле у наших великих правителей руки по локоть в

крови? А лже-историки готовы оправдать любые их жертвы во имя великих идей. Народ-освободитель, говорите? А вот ответьте мне, молодой человек, на один простой вопрос: хотя бы один день вашей совершенно безоблачной жизни вы имели удовольствие провести за решеткой в кутузке? Нет? И я вам этого не желаю, – декан Толчков едва не перешел на крик, но быстро взял себя в руки. – А теперь – идите, студент Несмышляев. И подумайте хорошенько, кем вы действительно хотите стать. С вашими верноподданническими взглядами и вашим усердием вы можете сделать большую карьеру во властных структурах, но зачем же для этого поступать в аспирантуру, а уж тем более, учить детей в школе... Вы сами для себя решите, кем вы хотите стать, настоящим историком или пропагандистом.

После тягостного разговора с деканом Толчковым студент Несмышляев первый раз в жизни напился. И едва не потерял девственность. Но винить в том товарища Пересвета было бы несправедливо.

Иван постучался в дверь комнаты студенческого общежития, где проживал его товарищ, который тогда крутил роман с дочкой президента африканской страны.

Иван спросил с порога: «Пересветушка, а есть ли у тебя водочка?»

– Водка есть, а ты не с ума ли сошел, сельский староста Иван? Какая тебе водка, если ты и пробки винной в жизни не нюхал. Ты же спортсмен, отличник и активист, – изумился

Пересвет.

– Тебе водки что ли жалко? Декан мне сегодня такую головоломку устроил, что без бутылки, как ты говоришь, не разберусь.

– Да с бутылки ты погром устроишь, – Пересвет плеснул немного водки на самое доньшко стакана. Иван выпил, закашлялся и снова попросил налить.

– Бьем рекорды, Ваня! С такого резвого старта можно не добежать до финиша.

– Ничего, как-нибудь.

Водка быстро одурманила мозги Ивана.

Ночь товарищи провели в комнате горячих африканских студенток, куда Ивана привел Пересвет. Чернокожие девицы что-то подливали гостям в стакан и страстно танцевали под зажигательную мелодию, которую Ваня, кажется, слышал в передаче «Клуб путешественников». Потом полуголые чертовки сунули в рот Несмышляеву раскуренную папиросу.

– Пыхни, Ваня! Один раз живем! – орал ему в ухо Пересвет.

Ваня пыхнул, ноги его подкосились, и он буквально сполз на ковер цвета утренних джунглей. В этот момент попугай, нарисованный на ковре, ожил, распушил хвост и начал биться огромным клювом в оконные стекла, вероятно, пытаясь упорхнуть в родную Африку. Однако стекло не поддавалось напору птички. Тогда попугай уцепился острыми когтями за шпингалет, повис вниз головой и проорал Несмышляеву в

самое ухо: «Иванушка – дурак, Иванушка – б-о-о-льшой дурак».

Иван швырнул в попугая стакан. Посуда не разбилась, а птичка упорхнула куда-то. Русского Ивана африканская дурь не сломила. Угар продолжался. Ваня пытался повторить танцевальные па полуголых африканок. Но ни черта у него не получалось. Он даже не попадал в ладоши, пытаясь аплодировать танцовщицам. Настолько был пьян – в доску, в дым, в Африку!

«Да это же какая-то оргия, – возопила бы от стыда мама Ивана, окажись она в тот момент в комнате африканок». Еще какая, Зоя Николаевна!

Пересвет вместе с президентской дочкой раскачивали кровать в такт странной мелодии, вторая танцовщица встала перед Иваном на колени и расстегнула ему ширинку на отглаженных брюках... «Болт» Несмышляева вмиг превратился в наконечник самого большого копья вождя африканского племени. Еще мгновение и...

Ангел-хранитель уберег Ивана от блуда. Копье не вонзилось в пасть черной «пантере».

– Ноу, стоп, хватит! Без любви я не могу... – как полоумный закричал Иван и выскочил из жарких «джунглей» комнаты африканских студенток.

Ночь он провел на холодной лестничной клетке студенческого общежития и с утра зарекся больше водку не пить. И уж точно не пыхать косяки.

Где-то через месяц после той шальной ночи Пересвет ушел служить в армию.

Студенческие годы шли на убыль. Редели ряды студентов, с которыми Иван Несмышляев поступил на первый курс истфака, а он продолжал неукоснительно не только идти, но и бежать к поставленным целям. Уже без очков в роговой оправе, а в линзах, окрепнув физически и напитавшись живой водой важных, как он считал до разговора с деканом Толчковым, исторических знаний.

Виват, полиатлон! Vivat Academia! Vivant professores!?

Несмышляев окончил университет с красным дипломом. Но в аспирантуру поступать не стал, как ни уговаривала его мама. Словно желая что-то доказать профессору Толчкову, Иван пошел работать в общеобразовательную школу родного города Л. – по стопам учителя Орлова.

Знал бы Иван, куда приведет его эта дорога, семь раз бы отмерил свой путь. Но чему быть, того не миновать.

ГЛАВА VIII

Ролевые игры

До 33 лет сын набожного врача-ортопеда хранил девственность. И все что не добрал по части женских ласк до возраста Христа, он жадно компенсировал в постели Василисы Антоновны Перемудровой – заместителя главы города Л. по социальным вопросам. Но не будем опережать события.

До встречи со своей первой женщиной, Ивану пришлось еще 10 лет отработать историком в средней школе города Л. Служба в армии после окончания университета ему не грозила. Врач-ортопед Зоя Николаевна Несмышляева поспособствовала, чтобы в медицинской карточке сына появился диагноз «плоскостопие».

Став дипломированным историком, Иван вернулся в город Л., в уютную комнату маминой квартиры на улице Ленина, из которой никуда, собственно, и не уезжал. Другое дело, что, когда Несмышляев стал студентом, комната эта съжилась до размера спального места, а после окончания университета она вновь стала шире в восприятии ее хозяина. Комната была не больше 12 метров. Половину ее занимали книжные шкафы. Старый диван-книжку Иван никогда не захлопывал, ловко перемещаясь по периметру своего лежбища вдоль полок с книгами. Так было удобнее вылавливать нужные учебники с верхних полок шкафов.

Правда, на многотомные труды выдающихся российских историков Татищева, Карамзина, Сергея Соловьева Иван после окончания университета смотрел уже с изрядной долей скепсиса. Яд сомнений, который впрыснул ему прямо в мозг декан Толчков, пошатнул веру Ивана в безукоризненность «Царицы наук».

«Неужели все эти изыскания отечественных историографов имели перед собой только одну лишь цель – причесать и облагородить историю великой страны?» – выпускник уни-

верситета Несмышляев постоянно задавал себе этот вопрос, лежа на кровати и рассматривая книжные полки. И сам же отвечал: «Не верю. Декан Толчков просто завидует тем, кто достиг в жизни более высокого положения».

Надо сказать, что несмотря на некоторое свое разочарование в Истории, к своей преподавательской деятельности в школе Иван относился как к высокодуховной миссии. Став школьным учителем, он ощущал себя настоящим монахом и вел праведную жизнь. Всякий день его педагогического служения Истории был похож на другой. Рано утром он брился, делал зарядку и шел пешком в школу. До работы было рукой подать. После уроков Несмышляев уезжал в столицу на тренировку полиатлонистов.

Среди студентов выпускник ВУЗа Иван уже не мог выступать на соревнованиях, но поддерживал спортивную форму, как адепт здорового образа жизни. Ну и чтобы физическими нагрузками обуздать тягу к прекрасному полу.

В школу Несмышляев устроился на две «ставки» – 36 часов в неделю. Шесть дней по шесть уроков. Директриса школы Маргарита Семеновна Середя ценила нового историка за дисциплинированность, пунктуальность, не-конфликтность, молчаливую отрешенность и желание ей угодить. В классных журналах на страницах «История» Иван Петрович Несмышляев после каждого урока аккуратно вписывал в клеточки оценки ученикам, никогда не откладывая на потом заполнение важных документов.

Ни влево, ни вправо от школьной программы учитель Несмышляев во время уроков не отклонялся, указывая школьникам на то, что дополнительную информацию по непростой теме вы можете найти в определенных источниках. И делился этими источниками с теми, кто проявлял к любопытной теме особенный интерес. Надо отметить, что свой предмет историк знал крепко, и его ученики успешно демонстрировали свои знания на городских и даже областных исторических олимпиадах, занимая там призовые места.

Любили ли историка ученики и коллеги? До популярности своего предшественника – Александра Сергеевича Орлова, в родной школе Ивану Петровичу было так же далеко, как древней Греции до современного Китая.

Голосам вождей народов Несмышляев не подражал. Смешных анекдотов рассказывать он не умел, редко улыбался, поэтому мог только завидовать прошлому успеху у женского пола теперешнего пенсионера Орлова.

Как появилась вдруг в монашеской жизни историка Несмышляева чиновница Василиса Перемудрова? Она вошла в его жизнь ровно через пару дней после того, как совет депутатов города Л. проголосовал за назначение Несмышляева мэром.

Как тихоня Иван, который всю жизнь боялся взглянуть в глаза собеседнику, выбился в мэры?

Не боги, как известно, горшки обжигают. Тем более в сказочной русской печи по выплавке управленцев. Волшебная

печь! Вчера ты был государев охранник, а сегодня, глядь, уже губернатор области или края. По щучьему велению, по царскому хотению, из грязи да в князи.

Пройдя успешно несколько этапов национального конкурса «Учитель года», историк из города Л. Иван Несмышляев оказался в финале. Его спокойная манера общения, обходительность, поставленный голос, скромность и значок мастера спорта России на лацкане чистенького пиджака произвели впечатление на жюри конкурса.

О победе Ивана Несмышляева в конкурсе пресса растробила на всю страну. Сам губернатор области лично поздравил историка с успехом.

Надо отдать должное Ивану. Из этой победы он выжал максимум, четко отвечая на вопросы журналистов, красиво и с придыханием в голосе говоря о том, что воспитание патриотизма среди подрастающего поколения должно быть одной из приоритетных задач великого государства.

Да он же был находкой для местной ячейки любой политической партии!

Только полюбуйте краткой биографией Ивана Петровича Несмышляева: родился и всю жизнь прожил в городе Л., школу и университет окончил с отличием, в школьном коллективе пользуется авторитетом, лучший учитель страны с активной гражданской позицией, вредных привычек не имеет...

Ну подумаешь, не женат и никогда не смотрит людям в

глаза. Не смотрит – значит, скромный. Не женат – все свободное время посвящает работе, к тому же это дело легко поправимое. Вон сколько в стране одиноких порядочных женщин.

Сначала перспективный молодой человек был принят в главную партию страны, затем был избран в городской совет депутатов. Других кандидатов на пост мэра, тех, кто по своему возрасту и уровню лояльности соответствовали бы всем критериям областного правительства, в городе Л. не нашлось.

И тогда в администрации губернатора пристально рассмотрели кандидатуру Ивана. А в его биографии не было ни единого пятнышка.

По ходатайству губернатора Несмышляев был выдвинут на пост главы города, ну а местный Совет депутатов за него единогласно проголосовал.

Виват мэру Ивану Несмышляеву! Так он стал главой города Л.

Зоя Николаевна Несмышляева была невероятно счастлива оттого, что ее сын Ванюша выбился в большие люди. Она всю жизнь об этом мечтала. Знала бы мама, какие испытания выпадут на плечи ее послушного мальчика.

После инаугурации Иван возликовал: «Ну что, декан Толчков. Теперь можете и мне позавидовать, законному представителю власти – мэру города Л.!»

Что ж, прощай, обшарпанный кабинет истории средней

школы №4, прощай кружок «Юный историк» и здравствуй, дорогая Василиса Антоновна Перемудрова.

Не успел толком Иван Петрович Несмышляев обосноваться в мэрском кабинете на улице Ленина, как ему позволили из областной администрации и настоятельно порекомендовали взять в заместители нужного и полезного человека, обладающего необходимым опытом и всеми качествами для этой сложной работы: «Василиса Антоновна Перемудрова – настоящий профессионал, умеет найти правильный подход к простым людям. Грамотный управленец. Она поможет вам быстрее войти в курс дела».

Иван Несмышляев не привык обсуждать указания руководства.

Так в его жизни появилась Она.

То, что не вышло даже у страстных африканских студентов, у Перемудровой получилось на раз-два. Войдя в кабинет мэра, и едва успев представиться, Василиса Антоновна по-хозяйски заявила секретарше Зиночке: «Ивана Петровича не беспокоить», и закрыла за собой дверь. О том, что было дальше, Несмышляев всегда с наслаждением вспоминал, особенно часто – в тюремной камере.

Дело было так. Василиса приблизилась к рабочему креслу Ивана, уперлась горячей грудью ему в лоб, а правой рукой схватила мэра за галстук и притянула к себе: «Ну иди же ко мне, мой козленочек, твоя мамочка пришла к тебе и никуда больше не денется».

Движения ее были точны и быстры. Раз! И пиджак сковал руки его владельца словно смирительная рубашка. Два! Ноги в стороны. Три! Ширинка настежь и...

– Мамочка моя, – как жеребец заржал мэр через пару минут после того, как напористая посетительница в короткой серой юбке зашла в кабинет.

– Я с тобой, мой хороший, – прощепетала Василиса Антоновна, утирая свои сочные губы носовым платком, беззастенчиво позаимствованного из нагрудного кармана Ивана. – Я теперь всегда буду рядом.

В дверь кабинета забарабанила секретарша Зиночка: «Вам плохо, Иван Петрович?».

– Нет, Зинаида. Все нормально...

Если бы секретарша в этот момент попала в кабинет, то застала бы удивительную картину: недавно избранный глава города сидит в кресле, на лице его блуждает безумная улыбка, а на коленях Ивана Петровича, распустив густые черные волосы, восседает самоуверенная посетительница. И не просто восседает, а скачет, как опытная наездница на мустанге.

Действительно, Василиса Антоновна, умела найти правильный подход к людям. Но и она, обладавшая богатым опытом по части налаживания различного рода коммуникаций, была весьма поражена мужским потенциалом главы города Л.

– Так где же будет мой кабинет, могучий пикадор? – спросила она, когда бешеная скачка выбила из сил и наездницу,

и мустанга.

– Напротив моего, – сладостно прошептал новоиспеченный мэр города Л.

Василиса Антоновна быстро закрутила под свою резьбу не только «болт» Ивана, но и фактически стала главной фигурой в городской администрации, принимая решения по всем ключевым вопросам жизнедеятельности муниципального образования. Она курировала ЖКХ, отделы образования, по учету и распределению жилья, потребительского рынка и услуг, строительства, архитектуры и рекламы. В общем, всем, чем только можно было управлять в небольшом городке, проявляя при этом особое рвение в контроле за теми проектами, на которые выделялись немалые деньги из городского и областного бюджетов.

Иван был только рад административному восторгу Василисы. Командовать Несмышляев никогда не умел. Вести бумажную работу, подписывать документы – вот это было его. «Пусть Василиса будет президентом класса, а я мэром. Все как в школе», – рассуждал Иван Петрович, отдавая бразды правления городом Л. в руки любовницы.

Механизм управления городком работал так. Василиса Антоновна принимала решения, а мэр давал соответствующие указания подчиненным и подписывал необходимые документы.

Где принимались самые судьбоносные решения для города Л.? В алькове любовницы. Василиса завела правило суб-

ботных встреч с мэром на своей территории – в коттедже, расположенном в пяти километрах от столицы.

– Ну почему мы не можем видеться чаще? – всякий раз спрашивал любовницу Иван, когда время субботнего свидания подходило к финишу.

– Мы и так с тобой видимся каждый день в администрации, мой козленочек, – шептала она. – Или ты хочешь, чтобы про нас сплетни ходили по городу?

– Нет, что ты. Я не ропщу. И сплетни меня не страшат. Как только ты скажешь «да», мы тут же поженимся, и я все расскажу про тебя моей маме, – блеял «козленочек». – Но мы же можем встречаться чаще тет-а-тет, моя повелительница?

– Ты же знаешь, Иван, как я отношусь к тебе. Но настоящая бизнес-леди не может вести домашнее хозяйство. Тем более, когда столько дел в городе Л. Скажи лучше, какую Игру ты приготовишь мне к следующей субботе, мой сладкий козленочек с историческими фантазиями? – Василиса ловко переводила разговор на самую важную тему с точки зрения исполнения мужских желаний любовника.

– Мои фантазии не знают границы, о, свет очей моих, прекрасная Шахерезада, – приободрялся мэр.

И тут он был прав. Историческое образование давало ему невообразимый простор для воплощения сексуальных фантазий. Ролевые игры, после того, как он сблизился с любовницей, стали главным его увлечением. К каждому свиданию он готовил настоящие сексуальные представления с истори-

ческим подтекстом. Любовница охотно включалась в Игру.

Екатерина Великая и Григорий Потемкин, Наполеон и Жозефина, Марина Мнишек и Лжедмитрий I, снова Марина Мнишек и уже Лжедмитрий II, адмирал Нельсон и леди Гамильтон, королева Марго и Генрих де Гиз, Николай I и фрейлина Варвара Нелидова перевернулись бы в гробах, если бы узнали в каких позах моделируют их интимные отношения экстравагантные потомки – Иван Несмышляев и Василиса Перемудрова.

На эти сексуальные игрища и тратил всю свою зарплату глава города Л. А получал он почти 200 тысяч рублей в месяц. В четыре раза больше, чем зарабатывала его мама – врач-ортопед.

К каждой субботней встрече с любовницей Несмышляев готовил наряды той эпохи, в которой жили прототипы его ролевых игр. По портретам известных исторических деятелей портные современной столичной мастерской «Арт-нате» воссоздавали, или, как модно нынче говорить, реконструировали нужные наряды для неизвестного заказчика из города Л.

Любопытно, что любовь к костюмам из далекого прошлого привила сыну его мама, покупая Ивану марки с изображением исторических личностей разных эпох. Вот бы удивилась Зоя Николаевна, узнав, во что трансформировалось детское хобби сына.

А как же проходили эти ролевые игры, которых мэр так

ждал и к которым так тщательно готовился?

В субботу к полудню Несмышляев приезжал на своем автомобиле к коттеджу любовницы. С порога дома на плечи Ивану с верхней полки шкафа запрыгивал толстый зеленоглазый кот хозяйки. Кота звали Васька...

Был котяра добр к Ивану. Запрыгнув на плечи любовнику хозяйки, Васька тут же начинал тереться мордой об оттопыренное ухо Ивана, оставляя на пиджаке мэра серую кошачью шерсть. Со стороны могло показаться, что кот силится шепнуть в ухо гостю что-то совершенно удивительное. Но Несмышляев знал кошачий язык куда хуже латыни.

Кот каждую субботу повторял свои бесплодные попытки поделиться с гостем чем-то важным, но минут через пять «тёрок» с мэром, терял к нему интерес и перебирался на пуфик в столовой, где начинал лизать толстые свои лапы, естественно, не теряя из виду Ивана и Василису. На игрища любовников он взирал с любопытством.

Мэр и любовница пили чай в большой столовой на первом этаже, обсуждали текущие дела мэрии, подводя итоги рабочей недели. А где-то через пару часов делового чаепития шли переодеваться в разные комнаты. Иван и Василиса облачались в наряды из прошлого, потом возвращались в столовую, где начинали вести светские беседы, пытаясь подражать героям прошлого, в чьи наряды они переоделись.

– Катенька, свет очей моих, чем порадуешь сегодня преданного твоего раба – светлейшего князя Таврического? –

вопросал «Потемкин» Несмышляев, поправляя на голове повязку, будто не имел глаза, точь-в-точь как светлейший.

– А вот я сейчас хорошенько отшлепаю тебя, Гришенька, плеточкой по розовой попochке, – отвечала ему Василиса – «Екатерина Великая», с нарочитым немецким акцентом коверкая русские слова.

Почти четыре года продолжались эти эротические театральные постановки мэра и его заместительницы. До той поры, пока из администрации губернатора не раздался звонок, и Ивана Несмышляева попросили уйти в отставку.

Однако четыре года – срок немалый. Целый олимпийский цикл по меркам современного спорта. Играли, кстати, любовники и в героев Олимпиад: Иван в роли древнегреческого историка Плутарха – олимпийского чемпиона по панкратиону, поднимался на импровизированный пьедестал в чем мать родила, а Василиса изображала в этот момент Нику – богиню Победы. Ника смотрела на героя снизу-вверх, а после жадно целовала гордость чемпиона, но не лавровый венок.

Кстати, для реализации этой олимпийской фантазии Ивану тратиться особо не пришлось. Только на тунику и сандалии для богини. Ведь древнегреческие олимпийцы, как было известно современному историку Ивану Несмышляеву, соревновались на Играх голышом. Наряд Плутарха-чемпиона мэру ничего не стоил, а пьедесталом послужил розовый диван в большой спальне Василисы. Спальня была на втором

этаже коттеджа.

Несмотря на умение Василисы выглядеть на все сто в любом наряде, нельзя сказать, что обстановка в ее доме была уютной. Скорее, она была похожа на обстановку в номере какой-нибудь столичной гостиницы, вроде гостиницы «Алтай». Одинаковые голубые обои во всех комнатах коттеджа, чуть затертый серый ковролин на полу, на всех окнах коттеджа – одинаковый белый тюль. Но не обстановка коттеджа манила сюда Ивана.

Однако какой бы богатой фантазией не обладали чиновники, она была через край лишь перед стартом сексуальной прелюдии. Финал игрищ Ивана и Василисы особым разнообразием не отличался: мэр был хорошенько отшлепан, а после – по-хозяйски оседлан черноволосой наездницей и загнан бешеной скачкой до изнеможения.

Но не сексом единым, конечно, была наполнена их жизнь. Как уже было сказано, Иван и Василиса по субботам не только предавались любовным утехам, но и решали важные вопросы, говоря официальным языком, касающиеся жизнедеятельности города Л.

Так вместо новой трансформаторной будки, покупка которой была заложена в смету расходов по строительству Камерного театра, Василиса предложила мэру починить старую. Она же предложила любовнику идею об установке в городе бронзовых памятников.

– Каких еще памятников, Василиса? – удивился мэр. – В

городе до сих пор не построен роддом, школ не хватает и детских садов, а ты мне про какие-то памятники. Меня же расстреляют в администрации области за такой проект.

– Мне кажется, ты мелко мыслишь, Иван. Ну хорошо, появится в городе роддом, еще три школы и четыре новых детсада. А они все равно появятся, поверь мне. Как только область решит, что пора бы эти объекты возвести – объявят конкурс, найдутся подрядчики, и все будет построено в срок, – начала издаലെка Василиса Перемудрова. – Но только какая будет в том твоя заслуга, Иван? Надо успевать оставить яркий след в истории. Ведь ты же не знаешь, какой срок тебе отмерян на посту главы города.

– Как не знаю. Совет депутатов избрал меня на пять лет, – ответил Иван, еще не разобравшись к чему клонит любовница.

– Хорошо если пять, еще лучше – лет десять. Но ведь в любой момент тебя могут сместить с этой должности. Стоит лишь губернатору захотеть. А ты не задумывался, Иван, какую память лично ты оставишь о себе, как глава города Л.? Ты же историк, и прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– А о чем же ты говоришь? – вновь не сообразил мэр, чего хочет услышать от него Василиса.

– Я говорю о наследии, которое останется после тебя, когда ты оставишь свой пост. Каким тебя запомнят люди? – Василиса Перемудрова и даже начала сердиться на непонятливого любовника.

– А что вы предлагаете, дорогая Василиса Антоновна? – с шутиливой интонацией спросил мэр.

– Да хоть бы церковь успеть построить. Ну или памятник в городе какой бы установил.

– Храмов в городе и без того хватает. А памятник-то ставить кому? Черту лысому? – рассмеялся Иван. У него было игривое настроение после «скачки».

– Да кому хочешь. Лишь бы был. Хочешь – Антону Чехову, а хочешь – Иванушке-дурачку, – очень серьезно ответила Василиса.

– Иванушке-дурачку? Ты меня что ли имеешь ввиду? – с обиженной интонацией спросил мэр, услышав свое детское прозвище.

– Ну что ты, Ваня. Ты же самый мой умный на свете, – чмокнула она любовника в щечку. – Ну а почему, собственно, герой русских народных сказок не годится для памятника? Нигде и бюста ему нет, а в городе Л. целый монумент появится! Ты представляешь, какая городу реклама на всероссийском уровне. Если Сергиев Посад – духовная цитадель страны, то мы станем городом Русской сказки, столицей нашего фольклора. Птица Сирин, Гамаюн и Иванушка-дурак отлитый в бронзе на постаменте в центральном парке... Чувствуешь, каков масштаб идеи по развитию патриотического воспитания соотечественников? Губернатор оценит, городской совет депутатов я беру на себя, а горожанам, собственно, все равно, какой памятник будет в сквере стоять... А ты

войдешь в историю, Ваня!

– Или вяпаюсь, – хмуро ответил Иван, но слова Василисы его заинтересовали.

– А кто памятник изваяет?

– Как кто? Конечно, знаменитый скульптор Гиви Цетерадзе.

– Ты с ума сошла? Он же денег запросит два вагона, – замахал руками Иван.

– Ну почему сразу два, я уже все справки навела... По 20 миллионов рублей за каждый памятник.

– Это же безумие, выкинуть 40 миллионов из городского бюджета неизвестно на что...

– На два красивых памятника, которые украсят облик города Л. А один из них, Ванечка, мне кажется, может быть похож на мэра нашего славного города, – нежно улыбнулась Перемудрова и прижалась к любовнику.

– Подожди, Василиса, мы говорили про или-или. Или памятник Чехову или Иванушке-ду..., – осекся мэр на слове «дурачок», уж больно оно его ранило в сочетании с собственным именем.

– Нет, вы только поглядите, какой же у мамочки в кроватке скупой козленочек, никак не может оторваться от титечки, – засюсюкала Василиса. – А мамочка возьмет и лишит козленочка молочка, да еще и накажет плеточкой по попчке. А-та-та, а-та-та...

– Накажи меня, мамочка, – жеребчиком заржал глава го-

рода...

На следующий день в воскресенье любовники отправились в мастерскую Гиви Цетерадзе. Василиса заранее договорилась о встрече с известным скульптором.

ГЛАВА IX

Витязь в волчьей шкуре

Гиви Цетерадзе ждал гостей в подмосковном особняке, над входом в который возвышались два здоровенных бронзовых сфинкса. Особняк и прилегающую территорию скульптор превратил в творческую лабораторию или гайд-парк. Иван и Василиса в сопровождении пожилого сухощавого грузина Шалвы – помощника скульптора пересекли культурное пространство парка по диагонали за 10 минут, неспешно пройдясь по аллее мимо памятников бывшим правителям страны.

Гостей скульптора Цетерадзе молча встречали покрывшиеся патиной бронзовые изваяния. Иван Грозный, Петр I, два Лжедмитрия, Екатерина II, Владимир Ленин, Иосиф Сталин – бывшие властители страны были собраны тут... Они были отлиты в разные годы и в любой подходящий исторический момент могли занять достойное место на главных городских площадях. Но ветры перемен дули над страной так часто, что пока истуканы вынуждены были ютиться возле особняка своего создателя – плодовитого скульптора Гиви Цетерадзе. Естественно, до лучших времен, когда исторический путь

этих правителей становился ориентиром безукоризненного служения интересам Родины. Обычно это происходило после смены власти в стране. Тогда со старых монументов скоблили патину, шлифовали до блеска и при огромном стечении народу устанавливали в самых видных местах.

Поэтому Гиви Цетерадзе не спешил отправлять истуканов в плавильный цех. Ведь свалка истории в любой момент может превратиться в ее Лобное место. В мастерской мудрого скульптора было не меньше десяти памятников российских самодержцев, не считая монументов руководителей КПСС. Точнее сказать, не монументов, а бронзовых голов бывших правителей.

Подставить нужную голову к памятнику для Гиви было делом техники. Тут все зависело от интересов и размера кошелька заказчика. Скульптор Цетерадзе мог изваять статую любого размера. Нельзя сказать, что Гиви был никудышным художником или скульптором. Нет, нет и нет. Но все же не Микеланджело. Талантливых художников немало, но лишь единицы становятся знаменитыми и богатыми. Скульптор Цетерадзе был богат, знаменит и обласкан властью.

Как удалось добиться таких высот сыну тбилисского портного?

Главным талантом Цетерадзе, просто-таки талантищем божественного масштаба было его умение разбираться в людях. Это умение прекрасно трансформировалось в знание кого именно лепить, чтобы самым коротким путем добиться

широкого признания и самых дорогих заказов. Он нащупал этот талант, еще учась в тбилисской школе, когда нарисовал портрет своего классного руководителя Нодара Хизанишвили, потом директора школы Зураба Гуридзе, затем заведующего Районо Анзора Далидзе... Не гнушался Гиви рисовать и своих одноклассников, особенно тех, чьи родители занимали высокие должности. Или родителей одноклассников. Например, маму Шалвы Копалейшвили, которая работала директором мясного магазина. Гиви рисовал ее портреты, не утруждая мясистую и крикливую натурщицу позированием, а благодарная мама Шалвы взамен открыла двери к мясным деликатесам родителям талантливого мальчика.

Надо сказать, что портреты юного художника отличались фотографической точностью, за одним маленьким исключением. Гиви не выпячивал на портретах недостатки. Например, нос у мамы Шалвы напоминал гигантский клюв птерозавра из древнего отряда летающих рептилий мезозойской эры, но Гиви легким движением кисти превратил его в такой волшебный носик, которому позавидовала бы и грузинская царица Тамара.

Так благодаря таланту изобретательного Гиви, лысый директор тбилисской художественной школы Тенгиз Куртанидзе на огромном портрете обзавелся кудрями до плеч, а уши директора средней школы Зураба Гуридзе на картине совсем не напоминали ослиные, а обрели идеальную форму мочек. Поэтому не стоит удивляться, что обе школы «насто-

ящий волшебник» Гиви Цетерадзе окончил с отличием.

Переехав в Москву после окончания школы живописи, перспективный художник продолжил свой исторический путь в нужном направлении и через четверть века творческих исканий стал самым модным скульптором самой большой страны в мире. Чтобы проникновение творческих идей художника было безграничным, Гиви много внимания уделял общению с журналистами, привечая самых известных из них за своим хлебосольным столом. И не только выдающихся журналистов популярных газет и телеканалов потчевал Цетерадзе, но и знаменитых артистов, политиков, космонавтов, поэтов и, конечно же, коллег художников, чтобы те не сильно ревновали к успеху собрата по искусству.

Конечно, Гиви Цетерадзе рисовал портреты нужных для его творческого взлета современников. Например, скульптуру одного Президента страны он создал по эскизам, которые набросал, лишь взглянув на экран телевизора. В «ящике» могучий правитель в белоснежном кимоно клал на лопатки соперника по правилам дзюдо.

Прогиб дзюдоиста был засчитан как чистая творческая победа скульптора. Так благодаря беззаветному служению самому высокому искусству Гиви Цетерадзе стал бессменным президентом национальной академии живописи и создал столичный музей самого современного искусства.

Творческие успехи Цетерадзе не ограничивались лишь территорией одного государства. Размах его таланта привле-

кать к своим работам внимание потенциальных заказчиков со всего света благодаря многочисленным связям был поистине колоссальным.

На всех континентах планеты красовались скульптуры мастера Гиви. Он с легкостью рушил стереотипы о том, что только соотечественники могут наиболее точно передать в камне или бронзе характер своих великих земляков.

Так Гиви Цетерадзе отлил памятник строителям Вавилонской башни выше эпического архитектурного оригинала, создал монумент размером с гору Арарат, посвященный всем обитателям Ноева ковчега и взялся за скульптуру мужа Статуи Свободы. Если у куклы Барби должен быть друг Кен, то и у символа американской демократии должен быть верный спутник.

Очень жаль, что выдающийся скульптор тут немного замешкался (заказов было много, его творческая бригада скульпторов-шабашников работала на износ), и, когда муж Статуи Свободы окончательно обрел соответствующий масштабам памятника детородный орган, в США был избран новый президент.

Президент-демократ в отличие от своего предшественника республиканца не оценил творческий потенциал Гиви Цетерадзе, посчитав, что скульптор задумал в аллегорической форме увековечить превосходство России над всеми Соединенными Штатами вместе взятыми. Проект был свернут, и муж Статуи Свободы не смог пересечь океан целиком, за-

то его мужское достоинство пригodiлось памятнику Симону Боливару, который был установлен в Южной Америке. Правда, местные ревнители искусства прикрыли всю красоту бронзовых гениталий огромной шляпой народного героя, чтобы и без того горячие южноамериканцы не устроили совершеннейшую сексуальную анархию.

Вот к какому выдающемуся скульптору современности Василиса Перемудрова привезла в гости своего любовника.

Несмышляев поначалу очень боялся общения с известным человеком. Но скульптор умел найти подход к нужным людям. Он вышел навстречу к гостям с обезоруживающей улыбкой и пригласил к огромному столу, который ломился от яств грузинской кухни.

Маленький лысоватый грузин с огромными ручищами Гиви Цетерадзе настойчиво предлагал попробовать каждое блюдо... Сулугуни и хачапури, долму и чаклапули, лобио и цыплят табака, оджахури и сациви. И, конечно, «Саперави»!

Несмышляев был очарован таким гостеприимством, хотя вино пить не стал. Когда же трапеза подошла к концу, художник пригласил гостей в мастерскую, где в момент облачился в фартук цвета «Киндзмараули».

Иван кушал молча, потому что хозяин стола не давал гостям и слова вставить, а вот в мастерской Несмышляеву захотелось продемонстрировать широту своих познаний.

– Гиви, скажите, как вы относитесь к современному искусству? – не поднимая глаз скромно спросил мэра.

– Искусство невозможно сразу оценить. Особенно современное. Для того, чтобы его понять и принять, нужно время. Современное искусство – это сложный организм, в нем много интересного и талантливого, и только история покажет, кто в ней займет достойное место, – ответил художник с такой интонацией, как будто за его столом когда-то обедал самый великий Творец.

Мастер Гиви увлек гостей в центр огромной мастерской и остановил у мольберта. Чтобы не тратить время, художник решил сделать эскиз с будущей природы для памятника. Беседа не мешала Гиви творить.

– Гиви, у вас наверняка много критиков. Как вы относитесь к ним? – продолжил Иван свой расспрос.

– Критика, Иван Петрович, это очень хорошая реклама. К этому пониманию я пришел не сразу. Истории великих художников меня научили. Сегодня мы удивляемся, как могли ругать Микеланджело, а ведь современники его не так поняли. Это, увы, участь большого художника, чья главная обязанность – быть художником во все времена. Когда я общался с Огюстом Роденом и Полем Гогеном, то понял главное: надо быть внутренне свободным, чтобы выражать видение мира в любых доступных формах. Эта свобода и есть личный почерк мастера.

Мэр весьма удивился тому, что скульптор Цетерадзе общался с такими великими художниками, которые ушли из жизни раньше, чем началась Гражданская война в России,

но из скромности промолчал. Для мэра гораздо важнее было перевести разговор на тему, ради которой, собственно, они с Василисой и приехали к скульптору. Но мэр не знал, как лучше это сделать, чтобы не огорчить хозяина дома – художника с мировым именем.

– На ваш взгляд, Гиви, как должны строиться отношения между властью и художником? Берет ли скульптор на себя какие-то обязательства, помимо правильного расходования казенных средств, если получает деньги у государства? – задал вопрос Несмышляев.

Скульптор понял, что клиент окончательно созрел до того нужного состояния души, чтобы перейти к материальным вопросам, но все же продолжил отвечать витиевато:

– Дорогой Иван Петрович. Это очень трудный вопрос. Есть люди, которые больше дают государству, а есть, наоборот, те, кто больше от государства получают. Художник создает произведения, а государство его оценивает. Если произведение может быть музейной ценностью, то государство его покупает. От Ивана Грозного до сегодняшнего дня для этого выделялись бюджеты. Но вкусы у всех разные. Поэтому нужно обсуждать каждую ситуацию индивидуально.

– Да, именно, индивидуальную ситуацию мы и хотели бы обсудить с вами сегодня, – сказал Иван.

– Мы с вашей прекрасной спутницей уже обсуждали в целом ваш гениальный проект будущего памятника, Иван Петрович. Кажется, речь шла о монументе герою русских ска-

зок? – скульптор пытался помочь Несмышляеву направить разговор в нужное русло.

– Да. И еще речь про памятник Антону Павловичу Чехову, – уточнил мэр.

– А стоит ли делить надвое великий творческий порыв, Иван Петрович? Может быть, стоит все средства, выделенные на эти благие цели, направить на изготовление одного памятника? Судите сами. Два маленьких памятника – оставят меньший след в общественном сознании жителей и гостей вашего прекрасного города Ж., чем один большой монумент, – пустился в рассуждения художник.

– Да нет же, город Ж. находится в Сибири, а мы приехали к вам из околостолничного города Л., – поправил скульптора Иван.

«Да какая разница, в городе Ж. или в городе Л. установят мой памятник, лишь бы хорошо за это заплатили», – подумал Гиви, но не стал озвучивать свою мысль.

– Да-да, конечно, город Л., – улыбнулся Цетерадзе. – Но все ж таки подумайте над моим предложением, Иван Петрович. А на следующий год мы можем вернуться к проекту памятника Антону Павловичу. Чехов, кстати, мой любимый писатель, хочу вам сказать.

– Что ж, интересная мысль, – сказал мэр и многозначительно посмотрел на любовницу.

Та кивнула, дав понять Ивану, что идея Цетерадзе ей очень нравится.

– Хорошо, Гиви. Ваша идея принимается. В этом году мы сконцентрируем наши усилия на создании памятника Иванушке-дур..., – запнулся Несмышляев. – Только мне пока не очень понятно, как будет выглядеть этот монумент.

– Вы очень вовремя обратились ко мне, Иван Петрович. Я вижу в этом знак свыше. Как бы это объяснить... В общем так. Мысль о создании памятника главному герою русских сказок витала в воздухе, и за полгода до встречи с вами я по наитию начал работу над образом этого героя. Не желаете взглянуть? – художник пригласил гостей пройти в дальний угол мастерской.

Гости последовали за волшебником, который предугадал их желания. Цетерадзе подошел к алой занавеске и резко одернул ее и... О чудо!

Перед гостями мастерской открылся во всей наготе макет скульптуры молодого мужчины.левой рукой гипсовый истукан указывал вперед, а другая его рука не просто покоилась на плече, но и сжимала в кулаке шкуру какого-то зверя. Шкура как шаль укрывала спину и ягодицы скульптуры. Высота макета была не меньше пяти метров. Скульптура имела лишь один серьезный изъян – мужчина с бицепсами как у Шварценеггера не имел головы.

– Ну как? – спросил художник удивленных гостей. – Вас не смущает нагота будущего монумента?

– Нагота прекрасна, – с восхищением ответила Василиса.

– Ты находишь, Василиса? – недоверчиво посмотрел Иван

на свою заместительницу.

В ответ Перемудрова утвердительно затрясла головой.

– Ну нагота, так нагота... Только, мне кажется, у этого героя нету головы и шкура на его плечах какая-то что ли тигровая, – робко возразил Иван.

– О, исправить детали по воле заказчика – это дело техники, а тем более для скульптора с мировым именем, – похвалил себя Гиви, не краснея. – Тигровую шкуру мы заменим на волчью, а нужную голову приставим, то есть отольем...

– А почему волчью? – спросил Иван и почесал затылок.

– Ну как же, сказочный Иван на сером волке добыл какие-то волшебные фрукты – гранат, абрикос, персик, хурма, мандарин, – уверенно сказал хозяин мастерской. – А потом усмирил дикого зверя. Настоящий мужчина!

– Так-то Иван-царевич на сером волке, а памятник-то Ивану, извиняюсь, дураку, – смутился Несмышляев.

– А был ли умен тот Иван-царевич, рискуя жизнью ради женщины?! Конечно же, только настоящий дурак и романтик может бросить все к ногам любимой, но будь по-другому, он никогда бы не познал счастья обладания прекрасной Женщиной, лучшего создания Творца! А ленивая мудрость – это удел старых холостяков, – как грузинский тост красиво произнес Цетерадзе и непременно осушил бы целый рог вина за Ивана-дурака – самого умного дурака на свете, который вышел в царевичи. Но рог с «Саперави» был уже выпит за обеденным столом...

– А какой может быть голова у этой скульптуры сказочного героя? – спросил Иван.

– Важно найти прототип, который бы наиболее точно соответствовал образу героя русских сказок... Тут надо хорошо подумать. Хотя, постойте, Иван Петрович. Да, да, вот так. А теперь поверните голову чуть набок и внимательно посмотрите вдаль, – попросил мэра скульптор и торопливо засуетился вокруг клиента.

После нескольких вращений головы Несмышляева, художник вытянул шею и поднял вверх указательный палец: «Эврика, Иван Петрович. Да вы же вылитый былинный герой, словно сошедший в нашу современную жизнь со страниц русских сказок. Скромный взгляд из-под длинных ресниц, чуть оттопыренные уши, волосы – солома, нос – как у Аполлона. Нет, вы как хотите, а рисовать голову памятнику нужно непременно с вас. И я уже успел сделать кой-какие наброски вашего портрета».

– Да ну что вы, это нескромно, – смущенно замахал руками мэр и покраснел. – Меня не так поймут жители родного города. А давайте мы еще подумаем над вашим предложением, Гиви.

– Конечно, надо непременно подумать и обсудить такой серьезный проект. Ведь памятники – это на века и тут ошибок быть не может, – без искренности ответил художник, прекрасно понимая, что даже самым великими памятникам приходит конец, чего уж говорить о заказчиках, пусть даже

с самым большим кошельком на свете. Ничто не вечно под Луной. Ни деньги, ни слава, ни памятники.

Гости тепло попрощались с хозяином мастерской, договорившись о новой встрече.

Скульптор был доволен беседой. От взгляда матерого художника с мировым именем не могло укрыться, что заказчик, эта «золотая рыбка» художника заглотила наживку тщеславия, когда речь зашла о реальной возможности стать прототипом памятника. Мастер Гиви прекрасно знал, как падки люди быть отлитыми в бронзе еще при жизни.

Помощник хозяина особняка Шалва проводил гостей до ворот гайд-парка, над которыми возвышались два здоровенных бронзовых сфинкса, а потом вернулся в дом.

– Ну что, Гиви, продал гостям Витязя в тигровой шкуре, от которого отказались в Рустави? – спросил художника Шалва Копалейшвили, не только его помощник, но и одноклассник и сын директора мясного магазина в Тбилиси.

– Ах, генацвале, если бы не великий дар небес продавать скульптуры, я бы до сих пор рисовал портреты твоей мамы в Сакартвело... – ответил художник. – Принеси-ка лучше кувшин «Саперави», мы поднимем с тобой бокалы за искусство для искусства....

ГЛАВА X

«Иван-дурак из города Русской сказки»

Идея с установкой памятника Иванушке-дурачку в городе

Л. настолько явственно обрела очертания после встречи со скульптором Цетерадзе, что Несмышляев не удержался и поделился этим планом с корреспондентом федерального издания «Мукомольская правда» Андроном Лекаловым.

Хотя, конечно, никто Ивана Петровича за язык не тянул, если это вообще применимо к такому жанру журналистики, как интервью. Андрон Лекалов был большой мастер вытягивать ценную информацию из кого угодно. О, если бы камни умели говорить, этот журналист смог бы выудить и у сфинкса, охраняющего пирамиду Хеопса, сколько любовников было у жены фараона.

А если бы Лекалов жил во времена, скажем, Цезаря, то непременно первым бы передал заметку из далекого прошлого в самый свежий номер «Мукомольской правды» о том, что именно коварный изменник Брут предал своего покровителя.

Журналисту Лекалову на вид было не меньше 60 и большую часть своей жизни он вышаркивал неизменные свои джинсы по командировкам туда, куда и мифический пастух Макар телят не гонял. Макар пожалел бы, конечно, гнать свое стадо в самые «горячие точки» планеты. А сухой как жердь пожилой репортер себя не берег. Такой неумный характер.

Начни Андрон рассказывать, где ему удалось побывать в качестве журналиста, пожалуй, сам Федор Конюхов – известный на весь мир путешественник, ему бы не поверил.

Ну невозможно же в рамках одной человеческой жизни па- лить из двустволок по львам в африканской саванне, как лю- бимый писатель Лекалова Эрнест Хемингуэй, играть в фут- бол в команде легендарного полярника Матвея Шпаро на самом Северном полюсе, гнить в зиндане чеченских боеви- ков в Ачхой-Мартане и целовать ручку принцессе Монако в Монте-Карло... Но Андрон Лекалов не врал. Он бывал даже там, куда бы не сунулся и Одиссей.

В последнее время Лекалов специализировался на очер- ках о жизни российской глубинки и интервью с чиновни- ками самого высокого ранга. Не гнушался и бесед с глава- ми городов, которые по мнению редакционного начальства, были интересны читателям удивительными фактами своих биографий. Чем был любопытен федеральной газете мэр Несмышляев? Нечасто, согласитесь, учитель истории стано- вится главой города, пусть и провинциального.

Иван Петрович, конечно, давал интервью журналистам местной телерадиокомпании города Л., потому что был на сто процентов уверен в лояльности ее руководства, кормя- щегося из городского бюджета. А вот встреч с журналиста- ми федеральных СМИ всячески избегал, опасаясь, как бы не ляпнуть чего лишнего.

Но отказать в интервью «Мукомольской правде» Несмышляев не мог, потому что ему позвонили из област- ной администрации и настоятельно попросили побеседовать с известным журналистом.

Андрон Лекалов написал книгу, о том, как нужно брать интервью. Она так и называлась «Как правильно брать интервью. Советы мэтра». В этой книге автор категорически настаивал на том, что первый вопрос журналиста должен вывести собеседника из равновесия, заинтересовать своей яркостью и вызвать желание отвечать небанально, и в то же время не озлобить, чтобы герой интервью не послал репортера по известному адресу.

Насколько часто посылали Лекалова, особенно когда он был юн, после таких небанальных вопросов, репортер умолчал в своей книге. Иначе поставил бы под сомнение свое журналистское величие. На деле же интервью Лекалов брал несколько по иной методе. Сначала он осыпал своего собеседника комплиментами на выбор: «ах, какие надои в вашем хозяйстве, ах, какая производительность труда на вашем предприятии, ах какой высокий уровень зарплат у ваших сотрудников, ах, как вы хорошо выглядите, значит, занимаетесь спортом».

А после того, как клиент от лестных слов репортера становился мягче горячего шоколада, Лекалов извиняющимся тоном заводил разговор о том, что его издание невероятно ценит открытых и честных собеседников, как вы, Сидор Сидорович Шебутько или вы, Гаврила Гаврилович Чешкин, или вот вы – Иван Петрович Несмышляев.

Первый вопрос интервью журналиста Лекалова никогда не бил собеседнику под дых своей оригинальностью. И лишь

когда герой интервью окончательно расслаблялся, спокойно ответив на пять-семь легких вопросов, начиналась настоящая репортерская коррида. А вот теперь, господа, встречайте на арене тореадора журналистики Андрона Лекалова... Еще мгновение, и он воткнет в разговор свои коварные вопросы-«бандерильи». Но бык, то есть, герой интервью не умрет на месте встречи с тореро.

Смертельный удар будет нанесен, когда материал выйдет в печать... И первым в статье будет стоять совсем не тот вопрос репортера, который он задал в начале беседы. И вот тут уже тушите свет на арене и тащите носилки, служители арены, репутация «быка» уничтожена....

Журналист Лекалов быстро расслабил мэра Несмышляева похвалами: «Ах, как красив ваш город Л., сколько зелени кругом, как чисты его улицы, как доброжелательны люди, как вы органично смотрите в кресле мэра, о, да вы к тому же мастер спорта по полиатлону».

Далее по известному плану Лекалова шли легкие вопросы:

– Сколько новых уютных микрорайонов здесь построено с того момента, как вы стали мэром? Насколько увеличилось городское население за последние 15 лет? Сколько братских могил солдат Красной армии, погибших здесь в 41-м, расположено на территории города? Это правда, что именно здесь в вашем городе фашисты ближе всего подошли к Москве?

Эти вопросы мэр Несмышляев щелкал как семечки и сам

не заметил, как тореадор Лекалов стал вонзать в разговор «бандерильи».

– Иван Петрович, ведь вы же дипломированный историк, победитель всероссийского конкурса «Учитель года». Наверняка вы задумывались о правильности своего выбора, когда сменили благородную профессию учителя на должность чиновника?

– Конечно. Но делая выбор, я, прежде всего, руководствовался интересами жителей родного города, мной двигало желание сделать их жизнь лучше, качественнее, богаче во всех смыслах. И не только в материальном, но и в духовном плане. Чтобы подрастающее поколение россиян...

– Да. Про подрастающее поколение, – перебил мэра журналист. – Ведь служение Истории в школе, работа с детьми были вашим призванием... Вашим, если не возражаете, Лобным местом...

– Поясните ваш вопрос, пожалуйста, – мэр чуть напрягся. – На Лобном месте казнят преступников, насколько я знаю.

– Ну что вы, Иван Петрович. Я в более широком смысле. Лобное место – как Голгофа, куда каждый из нас несет свой жизненный крест, – Андрон Лекалов прекрасно расслаблял собеседников не только лестью, но и вежливым тоном.

И тут Ивана Несмышляева понесло.

– Весь наш город с его богатейшей историей я воспринимаю не только как лобное место, где несу свой жизненный

крест. Но и как возвышенную местность, заметную для всей России. Да, именно здесь фашисты ближе всего подошли к сердцу страны, и именно отсюда началось победоносное наступление Красной Армии под Москвой. И сегодня наш город не утратил своего важного значения, потому что совершенно неподалеку находится главная воздушная гавань страны, где трудятся тысячи наших горожан...

– Да, и эта воздушная гавань страны привлекает внимание всего мира с тех пор, как Никита Хрущев решил построить тут русский «Хитроу». К этой гавани, кстати, пристал легендарный сотрудник ЦРУ Джордж Лоуден. В этой гавани был пойман известный политик Алекс Авральный... – подсыпал «дровишки» в костер разговора журналист, пытаясь вывести собеседника на более масштабные, чем благоустройство улиц провинциального городка, темы.

– Именно, именно так. Теперь вы сами понимаете, какое особое историческое, а то и сакральное значение имеет наш город... Судите сами, несмотря на наш провинциальный статус, здесь творилась и творится мировая история. И я горжусь, что родился здесь и являюсь главой этого муниципального округа. Ну а моя профессия историка лишь помогает мне оценить, насколько это важно – сохранить историческое наследие нашего возвышенного места и попытаться его преумножить...

– Поясните вашу мысль? Каким образом наследие можно преумножить? – переспросил журналист. – Если оно есть, то,

стало быть, уже есть...

– В том и штука, что мы сами можем творить историю нашего города, нашей страны и не только! Наш город воинской славы мы хотим превратить еще и в мощный культурный кластер, в город Русской сказки, в столицу нашего национального фольклора...

– И каким же образом, позвольте спросить? – удивился журналист.

– Мы планируем установить в нашем городе памятник герою народных сказок – Иванушке-дурачку, создать национальную библиотеку русского фольклора... – мэр осекся, потому что почувствовал, что ляпнул лишнего, ведь ни о какой библиотеке они с Василисой речь не вели...

– Стало быть, где памятник Ивану-дураку, там место и лешим с кикиморами в бронзе?

– А почему бы нет? Да, действительно, почему бы и нет, – мэр Несмышляев был в ударе.

– А кто будет скульптором памятника Иванушке-дурачку?

– Известный скульптор Цетерадзе.

– А какова предварительная смета на изготовление данного монумента?

– Порядка 40 миллионов рублей, – уверенно сказал Иван.

– А губернатор области в курсе вашей инициативы?

И тут Иван впал в ступор, не зная, что ответить на простой, казалось бы, вопрос. «Господи, зачем я вообще рас-

сказал журналисту об этом памятнике?» – укорил себя мэр, но после небольшой паузы ответил: «В данный момент идет проработка проекта на областном уровне».

Больше вопросов к мэру журналист не имел. Слушая Несмышляева, репортер не переставал про себя удивляться. «Какие все-таки невероятные чудачки становятся мэрами в этой стране и где таких только находят».

Богатый опыт общения Лекалова с чиновниками позволял ему делать такие выводы. Например, мэр Томска как-то удивил Лекалова тем, что создал макет перспективного развития города в миниатюре, словно без макетов домов со спичечный коробок развитие Томска являлось делом не то что бесперспективным, а совершенно невозможным.

Мэр Ярославля, в свою очередь, поразил столичного журналиста тем, что хранил в своем кабинете футболку английского клуба «Манчестер Юнайтед», но, тем не менее, мечтал превратить свой город в столицу отечественного футбола. А теперь вот вчерашний учитель, сев в кресло мэра города Л., хочет установить памятник Ивану-дураку в будущем городе Русской сказки, чтобы, видите ли, творить новую историю страны.

Тут важно добавить, что ровно через месяц после интервью Андрона Лекалова с мэрами-фантазерами Томска и Ярославля оба градоначальника вдруг оказались в СИЗО по обвинению в коррупции, но репортер не стал рассказывать Несмышляеву о таких удивительных жизненных поворотах.

«Может, этого чудака не посадят», – подумал журналист, прощаясь с Иваном Петровичем.

Через пару дней после их беседы в газете «Мукомольская правда» вышел материал под заголовком «Иван-дурак из города Русской сказки».

Вместо интервью получился очерк. Его автор искренне недоумевал: «Как в такое сложное для страны время мэр города Л. Иван Несмышляев вместо того, чтобы построить в городе роддом, планирует установить памятник Ивану-дураку? Да еще и на бюджетные деньги».

– Я не удивлюсь, если этот бронзовый памятник как две капли воды будет похож на самого мэра Несмышляева, – было написано в публикации. И еще про то, что в городе Л. давно пора построить не только роддом, но и новую железнодорожную станцию.

У обычного читателя после прочтения статьи вполне могло возникнуть впечатление, что мэр города Л. – либо дурак, либо коррупционер, либо удивительный преданный патриот своей страны и настоящий державник.

– *Sic transit gloria mundi*, – вслух произнес мэр Несмышляев, когда прочел статью в газете. Причем, с такой интонацией, с какой прощаются не только с земной славой, но и с жизнью.

Казалось бы, смертельный удар матерого тореро журналистики по репутации мэра Несмышляева достиг цели.

Да кто бы знал, как наше слово отзовется? Не угадаешь,

где упадешь, где встанешь. Вчера не догонишь, а от завтра все равно не уйдешь.

ГЛАВА XI

Пряники и кнут

Прочел эту статью и губернатор. Его резюме было кратким: «Полный идиот!»

А вот тут позвольте не согласиться с мнением уважаемого Сергея Андреевича Секирова.

Совершенно несправедливо думать, что Несмышляев был полным идиотом. Во-первых, он окончил школу с золотой медалью, а затем с красным дипломом и ведущий университет страны... И сам себя Иван считал умным, образованным и успешным человеком.

Да он и производил впечатление абсолютно нормального молодого руководителя. Мэр ведь не афишировал на каждом углу, какую тотальную власть имеет над ним Перемудрова. И странные, быть может, для представителей старшего поколения ролевые игры Ивана с любовницей были только их личным делом. В каждой избушке, как известно, свои погремушки.

А на работе глава города старался, как мог, выполнять возложенные на него трудовые обязанности.

Раз в неделю Несмышляев проводил прием населения по личным вопросам.

Чванливым чинушей мэр, кажется, не был. Он вниматель-

но выслушивал каждого, кто обращался к нему за помощью. Или казалось, что внимательно, ведь мэр не смотрел на просителей, а молча что-то записывал в своем блокноте. Когда же проситель заканчивал говорить, Иван Петрович давал указание конкретному чиновнику городской администрации разобраться с данной ситуацией.

– Мы обязательно разберемся. Если это будет в наших силах, то мы постараемся решить вашу проблему, – таким был дежурный ответ мэра каждому жителю города Л., записавшемуся к нему на прием.

Трогали ли Несмышляева проблемы и беды горожан по-настоящему? Тут правильнее говорить о том, что делил он их натрое – по степени тяжести возможного наказания губернатора, которое может последовать в том случае, если ходоки обратятся с такой же жалобой в областную администрацию. Скажем, если в доме жалобщика уже неделю нет зимой тепла, а городские службы бездействуют – это высшая степень тяжести. Вторая степень – не сделан тротуар во дворе многоквартирного дома или ветеран Великой Отечественной войны мало того, что живет в деревянном бараке, но и ходит оправляться в уличную уборную. Ну а если не хватает мест в детском саду, или общеобразовательные школы работают в две смены, то это третья степень вины, которую в принципе можно разделить и с областной администрацией. За третью степень жалоб мэра наверху и не ругали. Принимали к сведению.

Конечно, мэр не бездействовал. Несмышляев регулярно совершал объезды городских районов, чтобы лично проверить, как ведутся работы по уборке территорий, посадке деревьев, скашиванию травы. Не пропускал и субботники. Мог лично спуститься в подвал любого дома, не боясь запачкать пиджак, чтобы убедиться, ликвидированы ли последствия аварии водопровода. В канализацию мэр, правда, не спускался, но если бы рядом находился представитель областной администрации, то непременно нырнул бы и в канализационный люк вниз головой.

С гораздо большим удовольствием, чем посещение строительных площадок, мэр Иван Несмышляев выполнял представительские функции – вручал награды ветеранам и учителям, ключи от квартир воспитанникам детских домов, выступал с приветственными речами на открытии учебного года или театрального сезона, или на митингах, посвященных праздничным датам.

Особенно ему нравилось приехать с плановой проверкой в какое-нибудь учебное заведение и со слегка отрешенным видом наблюдать, как директора школ, лицеев и техникумов лебезят перед ним – бывшим учителем истории.

– Дорогой Иван Петрович, спасибо, что приехали к нам. Все недостатки в работе устраним в срок, не сомневайтесь. А какие у нас хорошие детки учатся – отличники, активисты. Мы вот и школьный концерт готовим художественной самодеятельности к 8 марта. Приезжайте к нам чаще, – рассыпал-

ся в любезностях перед мэром всякий начальник городского образовательного учреждения, непременно предлагая мэру сразу после официальной инспекции пройти на чаепитие в столовую.

О, как любил Иван Петрович эти плановые чаепития во время объездов территории родного округа. С шоколадными конфетками и бутербродиками с колбаской, с блинчиками и оладушками, с душистым медом и вишневым вареньем.

Представителям власти в нашей Отчизне во все времена – самые сладкие пряники от раболепных подчиненных.

Другое дело – общение мэра с местными промышленниками, чьи предприятия пополняли городскую казну. Фабриканты, конечно, так не лебезили перед мэром, как бюджетники, но зато и банкеты закатывали не чета школьным чаепитиям. Тут тебе и малосоленая осетринка, сбрызнутая лимонным соком, и жареные поросята, и расстегайчики с семгой... Предлагали промышленники, конечно, и сбрызнуть по пять капель дорогого коньячку в честь какого-нибудь очередного праздника, но Иван Несмышляев был равнодушен к алкоголю, особенно после той памятной ночи в студенческом общежитии, когда он заблевал весь подоконник на лестничной клетке.

Доходы промышленников не зависели напрямую от благосклонности мэра, но было и у них понимание, что в случае какой-нибудь неприятности глава города может и не закрыть глаза на какой-нибудь факт нарушений, которые повлияли

на ухудшение экологической ситуации в городе Л.

А махровым коррупционером Иван, действительно, не был. Решение любых вопросов финансового характера он полностью доверил своему первому заместителю и любовнице. Казалось бы, про таких чудаков на Руси принято говорить – «ни украсть, ни покараулить». Но применима ли эта формула к Несмышляеву в самой полной мере?

На себя он эту формулу точно не примерял. Да и зачем, когда занимаешь ответственный пост. Ивану Петровичу очень нравилось быть мэром. Например, ему очень льстило, что на этих закрытых для простых горожан ответственных чаепитиях в городе Л. он был на равных с великой спортсменкой и олимпийской чемпионкой по фигурному биатлону Вероникой Чужой – немолодой, но еще интересной женщиной с короткой стрижкой. Миниатюрная депутатка всегда была одета с иголочки, предпочитая известные бренды. Вероника Чужая была депутатом Госдумы от города Л. и гостила в вотчине мэра Несмышляева, проводя нечастые встречи с местными жителями.

Блистательную спортивную карьеру Вероника Чужая завершила еще во времена СССР и вошла в историю фигурного биатлона не только благодаря бесподобным выступлениям на международной арене, а своей запоминающейся манере праздновать спортивный успех. После каждой победы она всегда бурно рыдала на пьедестале от переполнявших ее эмоций. И эти слезы Чужой, растиражированные на весь свет

телевизионщиками, стали визитной карточкой спортсменки.

Куда бы она не приехала, люди всюду просили не только автограф у легенды фигурного биатлона, но и, хотя бы, одну слезинку на память. Надо сказать, что слезы она давила из себя мастерски, радуя поклонников этого популярнейшего вида спорта.

Чужая плакала в каждой точке планеты, куда ступала ее изящная ножка. Рыдала на Красной площади и на сопках Сахалина, в Новокузнецке и в Калининграде к вящему удовольствию своих поклонников. Не плакала она только в своем двухэтажном домике в США, куда перебралась сразу после окончания спортивной карьеры. Да и чего рыдать вдали от Родины, которая переживала трудные времена перестройки, распад СССР и насколько лихие, настолько же голодные 90-е. Родину тогда слезами было не удивить.

В США Вероника Чужая обзавелась американским паспортом, но, когда жизнь в Отечестве наладилась, она предпочла вернуться на Родину, где каждая ее слезинка теперь была на вес золота. Тренировать ребятишек Веронике Чужой совершенно не улыбалось по обе стороны океана. Потому что труд этот бесконечно кропотливый и далеко не всегда приносящий успех. Попробуй-ка отыскать маленькую девочку с выдающимися спортивными задатками, да воспитай из нее чемпионку под стать самой себе. Для этого нужны годы тренировок. Да и зачем, собственно, воспитывать новых чемпионов, если Вероника Чужая считала себя самым совершен-

ством в мире фигурного биатлона.

Гораздо больше пряников и плюшек приносила Веронике Чужой депутатская деятельность, которая много сил не отнимала. Главное в этой работе было правильно голосовать на заседаниях Госдумы.

Правильно, значит, так, как велит руководитель твоей фракции. Ничего тут нет сложного, когда ты с детства привык во всем соглашаться со своим тренером, иначе можешь не достичь нужного спортивного результата.

Таких спортсменов-депутатов, как Вероника Чужая, в Госдуме было пруд пруди. Депутатами «спартачи» становились только потому, что в свое время быстрее всех бегали или плавали, выше и дальше всех прыгали на палке или без, изящнее других оттягивали ножку на спортивном бревне и часто плакали или заразительно смеялись на спортивных пьедесталах. Им не мешало становиться депутатами даже двойное гражданство и ключи от заграничных коттеджей.

Хотя, если называть вещи своими именами, эти «спартачи» ни-черта не смыслили ни в экономике, ни в политике, ни в строительстве или медицине. Даже по-русски писали с большим трудом. Если с детства ты ставишь рекорды в спорте, то где взять время на школьные уроки. А о чем же тогда говорили бывшие спортсмены – депутаты с трибуны на встречах с избирателями, если ни в чем, кроме как в своем виде спорта не разбирались?

Тут важно сказать, что спортсмены вовсе не дебилы. За-

учить текст из пяти предложений может и ученик начальной школы. Вероника Чужая, например, во время публичных выступлений садилась на любимого «конька» и страстно вещала о пользе патриотического воспитания подрастающего поколения: «Наша молодежь должна уважать свое государство, знать историю своей страны, любить ее, как любит ее старшее поколение, те титаны духа и беззаветного служения Родине, которые в годину суровых испытаний сумели победить врага и построить самое мощное государство в мире. Мы должны равняться на наших ветеранов, чтобы наша держава продолжала неуклонно развиваться, а новое поколение соотечественников всегда было готово отразить любую агрессию врагов нашей страны». После таких речей Чужой всегда долго хлопали избиратели города Л.

Естественно, во время публичных выступлений чемпионка умалчивала о своем американском паспорте и двухэтажном домике во Флориде. Не говорила и о размере зарплаты депутата Госдумы, во много раз превышающей прожиточный минимум в родной стране. Хотя была ли она для нее родной...

Легенда фигурного биатлона Вероника Чужая родилась в казахских степях и не имела ровным счетом никакого отношения к городу Л., однако уже целых два срока являлась депутатом Госдумы от этого муниципалитета, да и с мэром Несмышляевым давно была на «ты»: «Ванечка, давай сегодня побыстрее проведем встречу с избирателями. Ко мне

дочка из США прилетает, хочу лично ее встретить. Может, вместо митинга сразу приступим к чаепитию?»

– Да какой разговор, Вероника Аркадьевна, – соглашался мэр, гордясь тем, что вот так запросто может быть полезен великой чемпионке. Ивана Несмышляева очень грела такая доверительная близость с известным на весь мир человеком.

Все было прекрасно в работе мэра для Ивана Петровича, если бы ни одно большое «но». Больше смерти мэр боялся заседаний, которые проводил губернатор области. Хоть лично, хоть по видеосвязи.

Не было хуже пытки для Несмышляева, чем попасть под огонь губернаторской критики. Даже когда и критики-то не предвиделось, мэр сидел на стуле во время совещаний с ощущением, что в любой момент ему вдруг воткнется в задницу острый кол, которого так боялся его студенческий товарищ Пересвет.

Каждый ответ губернатору на любой его вопрос Иван сопровождал словами «есть» и «так точно», хотя в армии не служил и дня. Даже если бы губернатор вдруг спросил Несмышляева: «Иван Петрович, это правда, что для вашей заместительницы Василисы Перемудровой вы Наполеон, а она для вас – Жозефина?» – И тут бы мэр, верно, ответил бы: «есть» и «так точно».

Впрочем, поводов для критики Несмышляев давал губернатору ни больше, чем его коллеги – главы других муниципальных округов.

Иван Петрович был совершенно среднестатистическим мэром по всем меркам около столичного региона. Не лучший в рейтинге, но и не худший, а где-то посерединке.

Да, были у города Л. неразрешенные проблемы со сдачей в эксплуатацию домов-долгостроев, обманутые дольщики устраивали пикеты у городской администрации и писали жалобные письма губернатору. Но ровно такие же проблемы были и в любом другом муниципалитете.

Местный бюджет города Л. пополнялся стабильно за счет налоговых отчислений, жалобы горожан на бездействие местных властей в городе Л. приходили в областное правительство не чаще, чем из других городов. Ну а явка избирателей на выборы в городе Л. была не хуже, чем в остальных округах, а даже наоборот. Более того, чтобы обеспечить достойную явку, на выборы в городе Л. являлись даже, страшно сказать, «мертвые души». Кто-то может заметить, что заслуги в том мэра Несмышляева не было ровным счетом никакой, а только лишь исключительно по воле нечистого в голосованиях принимали участие даже бывшие горожане, отошедшие в мир иной лет десять назад. Но не черт же составлял избирательные списки, а наличие в нем умерших жителей города Л. справедливо можно списать на нерадивость и лень составителей. Другой вопрос, каким способом покойники заполняли избирательные бюллетени? Когда история об этом стыдливо умалчивает, а явка на выборы бьет рекорды, стоит ли ворошить былое? Тем более, когда результа-

ты голосования полностью устраивают организаторов. Случались, конечно, и казусы в этом деле, когда, например, в списке избирателей не находилось место особенно дотошным пенсионерам, тем, кто прожил в городе Л. более 10 лет. Но разве это срок в истории становления демократии в самой большой стране в мире.

Поэтому скажем честно о том, что мэр Иван Петрович Несмышляев был на своем месте, если чиновники областной администрации до поры до времени не высказывали суровых претензий к его работе.

Конечно, каждый около столичный градоначальник знал самый верный способ усидеть в своем кресле в случае «грозы». Для этого надо было иметь четкий и разумный ответ на любую критику вышестоящего руководства. Вот с этим у Ивана Петровича Несмышляева и были проблемы. В ответ на критику мэр мог не только отвечать односложно, но и начать нести белиберду: «Я не виноват. Простите, готов взять всю вину на себя. Все исправим позавчера».

Надо сказать, что ничего хорошего такие ответы не таят, а только усугубляют гнев начальства, особенно когда ты с детства не можешь смотреть собеседнику в глаза.

В общем, если шлепки плеточкой от Василисы Перемудровой мэру доставляли неизъяснимое блаженство, то губернатор области мог в любое время суток так ожечь Несмышляева кнутом, что страх буквально сковывал волю Ивана. Это обстоятельство было, пожалуй, единственным, омрачав-

шим существование главы города Л.

Между тем, губернатор области хоть и являлся, по глаубоко личному мнению Ивана Петровича, самым страшным обитателем планеты Земля, но был не чужд человеческих слабостей. Впрочем, это еще как посмотреть на сильную любовь губернатора к футболу.

Начальник Несмышляева считал, что этот вид спорта закаляет характер и усиливает не только физическую мощь игроков, но и деловые связи между представителями власти. Каждое воскресенье губернатор Секиров устраивал футбольные матчи в городе К., где располагалась областная администрация.

В этих спортивных баталиях принимали участие влиятельные чиновники областной администрации и главы городов. Понятно, что отказаться от участия в таких матчах можно было лишь по очень уважительной причине – например, по болезни. Однако мэр Несмышляев не производил впечатление больного человека, а очень даже наоборот, был розовощек и весьма подвижен.

ГЛАВА XII

Футбол с губернатором

Губернатор Секиров очень любил побеждать. И не важно, на губернаторских выборах или играя в преферанс. Про таких говорят: человек из породы победителей. Ему было чуть за 50 и на своем пути к успеху он никогда не уступал, если,

конечно, речь не шла о Президенте страны.

Секиров, как и его предки, в самые главные начальники не лез, потому что у тех были свои дети. А Секировы во все времена были воеводами, губернаторами, верой и правдой служа царям. И Сергей Андреевич очень ревностно нес государеву службу на вверенной ему территории. За верность и преданность губернатор был обласкан.

Потомок Секировых играл в одной хоккейной команде с самым главным начальником Отечества! Ну как играл, скорее был на подхвате – где своевременно пас отдаст лидеру державы, а где прям рухнет на лед, чтоб не стоять на пути правителя государства к чужим воротам.

Но не всякий же день играть в поддавки. В виде компенсации за податливость на высшем уровне, губернатор имел возможность тотально верховодить в играх с подчиненными на собственной спортплощадке с изумрудным травяным газоном. Трава эта была привезена на губернаторское футбольное поле прямо с английского стадиона «Уэмбли».

Губернатор Секиров обожал участвовать в футбольных матчах с теми, для кого являлся начальником. Там он был уже не на подхвате, а просто-таки королем футбола – куда там Пеле с Марадоной, Месси и Роналду.

Какие великолепные голы забивал губернатор в этих матчах – и пяткой, и ударом с прямого подъема, и «щечкой» – главное было точно пробить по воротам. А там уж только чудо могло спасти соперников от гола. Если мяч, посланный

губернатором, тихонько катился по центру ворот, то голкипер готов был перепрыгнуть планку, лишь бы не помешать мячику встретиться с сеткой. Настолько не берущимися для вратарей были волшебные удары форварда Секирова.

Однажды, увидев по телевизору, как португальский чудесник Криштиану Роналду забил гол ударом через себя, губернатор решил во чтобы то ни стало повторить эффектный трюк. Но это оказалось делом непростым. Мало того, что надо было оттолкнуться от земли, чтобы в воздухе нанести удар «ножницами», но еще и удачно приземлиться.

Попробовав самостоятельно вдарить по мячу как Роналду, Секиров больно упал и повредил себе копчик. Однако выход был найден и тут. Во время подачи углового у чужих ворот губернатора подхватывали за руки партнеры по команде так, что форварду оставалось лишь задрать ноги кверху – и суметь попасть по летящему мячу. Тоже не самая простая задача, но губернатор не привык отступать от намеченных целей. К тому же болезненное падение губернатору с такой мощной подстраховкой уже не грозило. Попал, не попал он по мячу – преданные подчиненные все равно очень бережно опускали на землю руководителя региона.

Если посмотреть со стороны глазами обычного болельщика на губернаторский удар «через себя», то, конечно, никакого сравнения с «ножницами» Роналду он не выдерживал. Скорее это был заход «под себя» обездвиженного инвалида, которого держат под руки санитары, но не в белых халатах, а

в футбольных майках. Да только кто из игроков двух команд посмеет сказать губернатору об этом. Дураков среди партнеров и соперников Секирова на поле футбольной славы губернатора не наблюдалось.

Тут важно отметить, что задача удержать чудо-голеадора на руках во время воздушного трюка была не из легких. При небольшом росте бомбардир от бога весил больше центнера.

Исполнив-таки одну удачную попытку удара а-ля Роналду, губернатор оставил затею шлифовать данный элемент до совершенства. Футбол с поддержкой не приносил большого удовольствия даже губернатору-бомбардиру. Другое дело – забивать голы.

В каждом поединке Секиров забивал по семь-восемь голов в ворота соперников. С такой результативностью он давно бы ходил в лучших бомбардирах Европы, вот только скауты «Ювентуса» или «Реала» почему-то не обращали внимания на перспективного форварда. Впрочем, губернатор не сетовал, продолжая увеличивать свой бомбардирский счет. Подчиненные скрупулёзно вели статистику футбольных достижений своего начальника.

И довольно скоро по футбольным меркам, всего через пару лет, он перешагнул отметку 1000 мячей за карьеру, превзойдя по этому показателю самого Роналду. По такому случаю прямо на футбольном поле губернаторского стадиона после матча был организован концерт звезд российской эстрады. Пышнотелая певица зажигательно исполнила песню

«Виват, король» и вручила рекордсмену памятную медаль.

Из динамиков, расположенных вокруг поля, грянула песня британской группы Queen «We Are the Champions», и на головы участникам матча посыпалась золотая мишура. Точь-в-точь, как во время чествования команды, победившей в финале Лиги чемпионов.

Среди почетных гостей мероприятия были Пеле и Марадона. Глава Ватикана Папа Римский приехать не смог, приболел. Зато Патриарх выступил с приветственной речью. Сергей Андреевич Секиров похлопал по плечу обоим: сначала Пеле, по старшинству, потом Марадону. А после короли футбола сфотографировались с ним на память.

Далее, конечно, был банкет. Такой пир, что промышленникам города Л. и не снилось. Устрицы с «Шабли», черная икра в хрустальных вазах, дальневосточные крабы с гребешками и прочая изысканная снедь... Как в праздник хороводы водить – мы всему миру дадим фору. Был приглашен к столу и Иван Петрович Несмышляев.

Но не все было так празднично в матчах с участием губернатора для его подчиненных. Иногда мяч предательски не шел в ворота после ударов рекордсмена. Вратарь команды соперников готов был провалиться от страха под землю, оттого, что настроение сиятельного бомбардира ухудшалось с каждым его новым неточным ударом. И тут гнев вельможи прорывался наружу. Тогда уж доставалось всем участникам игры. Секиров ругал партнеров за неточные передачи, и за

корявую обводку, и даже за неправильный, с его точки зрения, цвет футбольных бутс: «Ты куда пас даешь, дятел, ты меня что ли не видишь?! А ты куда, олень безрогий, в обводку лезешь с кривыми-то ногами?! А ты петух что ли, голубые бутсы на себя напялил?!».

Олени, дятлы и петухи – мэры городов и их заместители, а также министры областного правительства в ответ лишь виновато помалкивали и начинали допускать еще более грубые ошибки в игре, потому что губернаторский ор множил их суетность не только во время рабочих совещаний, но и на футбольном поле.

Даже соперники команды губернатора – те же чиновники, но более низкого управленческого звена, подвергались жестокой обструкции за то, что играют они, по мнению Секирова, слишком прямолинейно: «У вас других комбинаций что ли больше нет, тюлени моржовые, знай, лупите по нашим воротам отовсюду?!»

Во время одного из таких нервных матчей досталось от губернатора и Ивану Несмышляеву. Вообще-то мэр старался играть на поле так, чтобы гнев Секирова если бы и коснулся его, то в самую последнюю голову. Иван, благодаря своей отличной физической подготовке – спасибо полиатлону, честно носился по полю как угорелый – от своих ворот до чужих, совершая не меньше сотни «челноков» за игру. Большой футбольной техникой Иван не обладал, потому что в детстве не принимал участия в играх двор на двор и в спорт-

школе не оттачивал футбольное мастерство, но в команде губернатора от него оно и не требовалась. Главная функция его на поле была совершенно примитивная – отобрать мяч у соперника и как можно быстрее отпасовать в ноги начальнику.

– А ты чего глаза в землю опустил, Ванька-дурак?! Беги назад, если мяч потеряли, – как бичом хлестанул Несмышляева окрик губернатора, хотя мяч упустил из-под своей волосатой ноги сам Секиров. Но не возвращаться же великому бомбардиру в защиту.

Если бы губернатор просто назвал мэра оленем или дятлом – то оно бы и ничего, дело привычное. Тогда Иван как обычно ответил бы: «есть» и продолжал бы рассекать без усталости по полю как сайгак. Но Секиров добавил к «придурку» имя Несмышляева. Добавил, можно сказать, по-отечески, чтобы отчасти приободрить подчиненного, мол, знаю тебя и по имени. Но для Ивана это прозвучало как самое обидное оскорбление в его жизни.

И мэр на автомате, как в детстве, ответил: «Сам дурак».

«Олени, дятлы и петухи» от такой дерзости открыли рты и застыли на месте. Если бы игра продолжалась, то скорее всего «заигрался» бы скоропалительный ответ Ивана, забылся как не бывало, ведь чего только не ляпнешь – кто играл, тот знает, – в горячке спортивного поединка... Но игра от страха замерла.

– Что, что ты сказал? Ты кого посмел назвать дураком,

дурень! – белугой заревел губернатор и глаза его налились кровью.

И тут губернатор начал орать такое, что лучше б и вовсе не слышать. На голову Ивана сыпались отборнейшие маты. Но это было полбеды. Губернатор припомнил Несмышляеву все его недостатки в работе – и жалобы жителей города Л., и не построенный роддом, и ветхую железнодорожную станцию, которая вот-вот рухнет.

Чтобы унять гнев губернатора, нужно было проявить все искусство подхалимажа. Но тут смелых среди оленей, дятлов и петухов не нашлось. Казалось, еще полминуты и маты бомбардира Секирова перестанут извергаться горячей лавой из кратера его глотки. Но тут губернатор вспомнил про недавнюю статью Андрона Лекалова в «Мукомольской правде».

– Да, кто тебе дурню дал право памятник Ивану-дураку в городе устанавливать? А ты со мной советовался? Да ты ж на всю страну всю нашу область опозорил, придурок из города русской сказки! Завтра же, слышишь, завтра же, чтоб твое заявление об отставке лежало у меня на столе. Всё. Пошел вон! Игра закончена... – прорычал губернатор.

Иван стоял, как оплеванный, в центральном круге футбольного поля на травяном газоне, привезенном со стадиона «Уэмбли», потупив в землю глаза. А потом медленно поплелся в сторону раздевалки. Он ушел, а матч, конечно, продолжился и завершился, как обычно, победой дружной команды губернатора. Лучший ее бомбардир – блистательный

форвард Сергей Андреевич Секиров забил в этом поединке девять голов... Об этом невероятном спортивном достижении главы региона тут же раструбили на всю область местные СМИ.

Старая слава новую любит.

ГЛАВА XIII

Исповедь и кворум

Иван надеялся, что пронесет его нелегкая. Губернатор слыл среди подчиненных человеком суровым, но отходчивым, и нередко сменял гнев на милость. Иван это знал. И Василиса успокоила любовника: «Ну что ты, Иван, голову повесил. Сергей Андреевич погорячился на футболе, но и ты тоже хорош, назвать дураком самого губернатора. Да он же отец для тебя родной, сколько лет уже тебя прикрывает, а мог бы давно убрать с высокой должности».

– А зачем меня прикрывать, если я выполняю возложенные на меня обязанности. В областном рейтинге мэров далеко не последний, – грустно возразил Иван.

«Дурак ты, Ваня», – хотела сказать Василиса и добавить, что никакой горсовет депутатов тебя не избрал бы, если б ты не губернатор. Но смолчала.

– Василиса, у тебя же есть связи в областной администрации? – спросил Иван с надеждой на помощь, памятуя о том, по чьей рекомендации Перемудрова оказалась его заместителем.

– Связи, говоришь, – Василиса Антоновна задумалась. – Да, конечно. Я приложу все усилия, чтобы замять дело. Слушай, Иван. А, может быть, в церковь пока сходишь, да свечку поставишь. А то и исповедуешься отцу Евстафию. Глядишь, время пройдет и все рассосется...

– Ты думаешь, бог поможет? – поинтересовался мэр.

– Ну а что ты предлагаешь? В ноги сейчас же кинуться губернатору? Так он тебя после вчерашнего футбола вряд ли примет, – спокойно ответила Василиса.

На исповедь к отцу Евстафию Иван идти совсем не хотел. И не потому что мэр не верил в бога. Атеистом Иван не был. Мама Несмышляева с детства водила сына на службы в старинный Никольский храм, который находился возле самого озера с чайками.

В солнечную безветренную погоду белокаменный храм отражался в водной глади настолько явственно, что его зеркальная копия казалась Ивану совершенно не хуже оригинала. Архитектором рукотворной церкви был известный зодчий Карл Иванович Бланк. К бесстолпному помещению храма с востока примыкал прямоугольный алтарь, а с запада – трёхъярусная колокольня, увенчанная шпилем, и небольшая трапезная.

Ивану, сколько он себя помнит, всегда нравился запах ладана, куличей и горящих восковых свечек, зажжённых прихожанами. Одеяния священников только пугали маленького Ванюшу – черные рясы до пола, такого же цвета клобуки на

головах. О том, что платье священнослужителей называется рясой, а шапка – клобуком, он узнал позже, но, как и тогда в детстве, так и сейчас, Несмышляев верил в Бога. Тут все было без изменений.

А не хотел Иван исповедоваться отцу Евстафию совсем по другой причине. Город Л. был невелик. Площадь его не более 30 квадратных километров – считай, что копейка на карте страны, и все слухи, и сплетни, которые блуждали по городу, очень скоро доходили до его главы.

Прошел по городу слушок, тихий-тихий, как дуновение редкого июльского ветерка в этой местности, о том, что отец Евстафий как-то по-особенному засматривается на юношей певчих...

Мэр усовестил сплетницу – пресс-секретаршу администрации Глашу Стожкову, которую считал женщиной недалекой, но исполнительной: «Да как же тебе не стыдно, Глаша, такие сплетни и вслух-то произносить? Отец Евстафий почти святой человек».

Однако же с той поры Иван Петрович стал гораздо реже приезжать на званые обеды в Никольский храм. Не то, что раньше.

А вот раньше – с преобладающим удовольствием. Отец Евстафий был хлебосольным батюшкой. В трапезной Никольского храма даже в пост подавали такие вкусные блюда, что не только свои пальчики оближешь.

В постном меню для гостей батюшки Евстафия было ме-

сто и отменно хрустящим соленым груздочкам, и запеченным баклажанам под чесночным соусом, и салатам из свежих огурцов и помидоров, изрядно политых горчицей. А какими волшебными были на вкус рулетики из трески, фаршированные морковью с лучком... Ммм, мое почтение, ваше преподобие...

Настоятель Никольского храма отец Евстафий любил не только вкусно покушать и пропустить за обедом стаканчик «Кагора», но и вести умные беседы о спасении души. Иван Несмышляев во время этих бесед чаще слушал высокого и весьма упитанного священника, чем говорил, редко вставляя в разговор свои замечания.

– Что всего нужнее человеку грешному? Милость Божия, невзыскание по грехам нашим, продолжение к нам долготерпения Божия, дарование еще времени на покаяние, самое возбуждение души к покаянию, прощение грехов, а в конце концов – помилование на Страшном Суде Божьем, – частенько за обеденным столом повторял отец Евстафий наставления Иоанна Кронштадского.

Мысли о Страшном суде мэра Несмышляева не особенно волновали, потому что в силу собственной молодости он еще не задумывался о том, что когда-нибудь навсегда покинет этот мир и предстанет перед Господом.

А вот обеды в храме были вкусными в режиме настоящего времени. Иван, сидя за столом в трапезной, как обычно, потупив взор, кивал головой, в пол-уха слушал наставления

отца Евстафия, и с большим рвением налегал на дары божьи. Но это было до той поры, пока нехороший слушок не дошел до ушей мэра.

Если бы не конфликт с губернатором, Иван Петрович, вряд ли бы пришел на исповедь. Но настало и его время. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Мэр по сотовому набрал номер отца Евстафия и договорился о встрече в Никольском храме.

В будний день в церкви было совсем безлюдно.

Имя исповедующегося, священник перед аналоем спрашивать не стал. Он и так прекрасно знал, как зовут главу города. Но покрыл голову Ивана епитрахилью и спросил: «Что раб божий желает исповедать пред Богом?».

И Иван Петрович, как никому и никогда, совершенно искренне поделился с батюшкой тем, что его особенно волновало.

– Грешен, я батюшка. Путь был мне предназначен, да свернул я с него. Был учителем – стал чиновником.

– Христос с детства помогал плотнику Иосифу. И сам знал это ремесло. Но нам неизвестно, был ли плотник Иосиф счастлив в своей работе или же занимался ею по смирению и безысходности. Но мы знаем, что святое семейство было счастливой семьей. Уверен, что в этом немаловажную роль играло и играет правильное отношение к труду. Если тебе не нравится работа чиновника, не бойся начинать заново или вернуться к тому роду занятий, к которому лежит душа. А,

быть может, это и есть твое истинное предназначение, служить своему народу, преумножая славу родного края и Отчизны нашей?

Ивана удивился вопросу протоиерея. Точного ответа на него он не знал.

– В чем еще хочешь покаяться, раб божий Иван? – не услышав ответа, снова спросил мэра отец Евстафий.

– Грешен в том, что вчера назвал дураком самого губернатора...

– Обиженный кем-либо, не будь злопамятен, и когда обиженные тебя покажут ласковый вид, обратятся с речью к тебе, не обрати сердца своего к злобе, а говори с ними ласково и добродушно, как будто бы ничего не бывало между тобою и ими. Научись побеждать благим злое, злобу благостью, кротостью и смирением, – как по писаному давал наставления справный протоиерей.

В храме снова воцарилось молчание. Иван медленно переваривал слова священника.

– Это все, что беспокоит тебя, сын мой? – снова задал вопрос батюшка.

– Грешен в том, что в трапезной этого храма больше думал о хлебе насущном, чем о спасении души.

– Будешь удерживать чрево от пресыщения и услаждения, а также и тело от излишнего покоя, и Господь вскоре поможет тебе более работать для души, чем для тела, – приглушенном басом ответил поп.

– И грешен в блуде телесном я, батюшка...

– Против блудных помыслов вооружайся воздержанием в пище и сне, старайся всегда находиться в труде и при деле. Раб божий, назначаю на тебя епитимью: от блудной страсти молись преподобному Иоанну Многострадальному и святой мученице Фомаиде, каждый день клади по три поклона. Молись и за тех сестер, к которым имеешь расположение... Или за братьев?

Задав этот вопрос, отец Евстафий как-то особенно нежно и выразительно посмотрел на Ивана, который, наверное, впервые за долгие годы поднял глаза на своего собеседника.

От этого взгляда священника мэру стало не по себе.

– К сестре, к сестре я имею расположение, – буркнул Иван, густо покраснел и опустил глаза.

– Если себе легко всё прощаешь, если согрешишь против Бога или против людей, тогда легко извиняй и других, – как будто извиняющимся тоном сказал протоиерей, словно пытался вложить в свои слова собственное покаяние. А после прочитал разрешительную молитву над головой Ивана.

У иконы Иоанна Крестителя мэр поставил в храме три больших свечи, а от трапезы с отцом Евстафием отказался, сославшись на срочные дела.

Поп грехи прощает, а полиция все их знает.

Визит в храм божий не спас Ивана от земных проблем. Через час после исповеди в его кабинете раздался звонок. Хорошо известный Ивану Петровичу голос руководителя ад-

министрации губернатора ему сообщил: «Сергей Андреевич Секиров ждет вашего заявления об отставке».

Конечно, Иван от страха подписал бы прошение в ту же секунду, едва руководитель администрации губернатора повесил трубку. Так бы, вероятно, и произошло, если бы не Василиса.

После неприятнейшего звонка, мэр вбежал в кабинет к заместительнице: «Что же делать? Я пропал». Любовница поднялась из кресла ему навстречу, отработанным до автоматизма движением схватила Ивана Петровича за галстук, привлекла к себе и горячо шепнула в самое ухо: «Надо бороться, Иван. Будь мужчиной, мой козленочек». Что было дальше в кабинете в кабинете Василисы пояснять не нужно. Кому гнило, а им было мило.

Весь фокус этой истории с отставкой мэра оказался в том, что даже всемогущий губернатор Секиров не мог в одночасье пусть даже самым волевым решением снять Несмышляева с должности, потому что только совет депутатов города Л. имел на это право. Однако для этого требовалось собрать кворум на заседании горсовета.

Василиса Перемудрова сделала всё, чтобы не было никакого кворума. Депутаты горсовета боялись ее гнева не меньше, чем губернаторского. «Губернатор – далеко, а Перемудрова на месте, и пока влиятельная фурия не покинет свой пост, она может так прижать наш бизнес, что по миру пойдешь за то время, пока в городе не установится но-

вая власть», – примерно так рассуждали депутаты – местные бизнесмены и находили сотню мнимых причин, чтобы не являться на заседания горсовета.

Естественно, губернатор рассвирепел от того, что в городе Л. его указания волшебной силы не имеют. И только лишь через месяц после неприятнейшего звонка из областной администрации, когда нужный компромат на мэра города Л. был собран и сшит в папочку следователем Сергеем Чеботаревым, Несмышляев был арестован, сменив кресло чиновника на шконку в СИЗО.

Однако за этот месяц Иван Петрович успел дать столько интервью журналистам, что мелькал по телевизору и на газетных полосах не реже, чем, даже страшно сказать, глава государства. Губернатор не мог запретить опальному мэру общаться с прессой. А Василиса Перемудрова поощряла медийную активность любовника не только в СМИ, но и в социальных сетях.

Как выглядели это поощрения, прекрасно знали ее «козленочек» и кот Васька.

ГЛАВА XIV

Момент славы

Как мухи на сладкое в город Л. налетели роем телевизионщики центральных каналов, газетчики ведущих изданий страны – причем, как государственных, так и оппозиционных. Иностранные СМИ тоже проявили неслыханный инте-

рес к главе провинциального российского городка.

Матерый журналист Андрон Лекалов своим очерком о странном мэре, который решил установить памятник Иванушке-дурачку, открыл не ларец Пандоры, а малахитовую шкатулку народных чаяний о светлой жизни и первым представил широкой публике, ни много ни мало, вполне вероятного духовного лидера нации. По крайней мере, именно так представляли теперь в репортажах Ивана Петровича Несмышляева журналисты различных изданий и телеканалов.

– Ваше заявление об установке памятника Иванушке-дураку – это причуда сумасшедшего, или глубоко осмысленная попытка сформировать четкую национальную идею? – интересовались у мэра Несмышляева репортеры-государственники.

– Да. Конечно. Очень глубоко осмысленная попытка верной самоидентификации русского народа. Ведь сказочный образ Иванушки-дурачка – истинное олицетворение русского характера, русской души. Наш национальный сказочный герой – добрый, немного ленивый и бескорыстный молодой человек, который долго запрягает, но быстро едет к успеху. Он бесстрашен и справедлив... Феномен Ивана-дурака – ключ к познанию фундаментальных ценностей русского народа, код миропонимания наших великих предков, которые позволили стать нашему Отечеству великой и непобедимой державой... – отвечал Иван Петрович.

– Но ведь ваш национальный герой, извините, дурак? – глумились польские журналисты.

– Это как посмотреть. Иван следует к своей цели, невзирая на здравый смысл и вероятные жертвы. Враги пытаются надуть простака, и иногда им это удается, но всегда с плачевным для супостатов исходом. Русский сказочный герой никогда не сдаётся, как бы ни складывались обстоятельства. Многие государства в Европе хотели бы повторить наш путь, но так и остались карликовыми. Да, отчасти потому, что пошли по той дороге, которой их повел наш национальный герой Сусанин, тоже, между прочим, Иван, – срезал поляков мэр Несмышляев.

На интервью к мэру города Л. была невероятная очередь. Пресс-секретарь городской администрации Глаша Стожкова только успевала выдавать аккредитации репортерам.

Журналистка японской телекомпании «Восходящее солнце» Асука Токуяма спросила Несмышляева на ломаном русском:

– Будь вы российским лидером, то пожелали бы установить памятник Ивану-дураку на Сахалине и островах Курильской гряды? Или у вас есть понимание того, что это исконно японские земли и этот недружественный шаг может еще более отдалить во времени подписание мирного договора между нашими странами?

– Дорогая Асука, так далеко я не думал, предлагая установить памятник Иванушке-дураку в нашем городе. Но если

вы так ставите вопрос, то моя позиция предельно четкая. Тут все будет зависеть, прежде всего, от волеизъявления нашего народа, от мудрых решений нашего уважаемого Президента. Ведь при всем уважении к вашей стране, я гражданин великой России и мне ближе чаяния наших простых граждан, к числу которых я с гордостью себя отношу. Но это совершенно не значит, что установка памятников на российской территории нужно воспринимать, как недружественный знак. Это, прежде всего важный шаг в укреплении национального самосознания российского народа.

Асука в ответ кивнула и подарила Ивану Несмышляеву японскую игрушку – прототип русской матрешки. С каким подтекстом был сделан этот подарок, Асука не пояснила. Японский аналог был расписан под гейшу. В самой большой гейше было восемь деревянных сестер, каждая гейша одна другой меньше.

Едва Асука Токуяма покинула кабинет мэра, Несмышляев позвонил пресс-секретарше Стожковой: «Так кто у нас еще сегодня на очереди?».

– Двое журналистов из американской телекомпании, а также съемочная группа ТВ-«Дорога к храму», ну и еще один репортер из популярной желтой газеты с неприличным названием, – проинформировала начальника Глаша Стожкова.

– Любопытно. А какие же вопросы подготовила мне желтая пресса? – поинтересовался мэр.

– Предварительный список вопросов, присланный на согласование, огромен.

– Прочти хотя бы два, – торопил Иван подчиненную. Ему не терпелось поделиться глубокомысленными идеями с самой широкой аудиторией.

– Хорошо, Иван Петрович. Вот такой, например, вопрос: как вы относитесь к однополю любви? И почему вы официально неженаты?

– Та-а-к. Желтую прессу – разворачивай. Толерантность – не есть фундаментальная ценность для русского человека. Зови, Глаша, наших, православных. «Дорога к храму» – красивое название.

Бородатых журналистов этой степенной телекомпании более всего интересовало, в каком именно виде будет изображен Иванушка-дурачок в бронзе.

– Пока проект памятника прорабатывается с известным скульптором Гиви Цетерадзе. Но вы подсказали мне хорошую идею устроить на сей счет народное голосование в интернете. А сами-то вы каким видите будущий памятник нашему сказочному национальному герою? – неожиданно сам спросил репортеров съемочной группы Несмышляев.

К такому вопросу журналисты оказались не готовы, они сами привыкли их задавать, совершенно разучившись за что-либо отвечать.

– Вот видите, насколько сложна эта тема, – покачал головой мэр Несмышляев. – А мелочей тут быть не может. Пред-

положим, вложи в руки бронзовому Иванушке меч-кладенец или лук со стрелами. Сразу возникнет подозрение в воинственных планах нашего государства. А вы же знаете, как болезненно относятся к нашей стране представители бывших республик Союза, а поляки, а американцы... Иван-дурак с гусями в руках или на печи – тоже не совсем верная трактовка образа национального характера. Потому что не только своей богатой культурой славен русский народ.

– Можно голого Ивана изваять с березовым веником в руках. С намеком на то, что русский народ – открытая душа, особенно после парной... – внезапно предложил репортер «Дороги к храму», справившись с замешательством после того, как мэр обескуражил его вопросом.

– Еще скажите, что с рюмкой водки в руке. Тут важно не переборщить, не заиграться, а отразить истинную суть русского человека, – очень серьезным тоном сказал мэр. – Мне лично видится постамент в виде Лобного места, где Иванушка читает «Отче наш».

– На Лобном месте перед тем, как ему отрубят голову? – предположил журналист.

Такое сравнение мэру не понравилось.

– Ну зачем же сразу голову рубить? – Иван невольно потер шею. – Дураков на Руси любили во все времена.

Следующие на очереди к мэру города Л. были американские телевизионщики.

– Мистер Несмышляев, а это правда, что памятник Ива-

нушке-дурачку будет больше Статуи Свободы? – спросили немолодые уже репортеры Билл и Джон. Билл пришел на интервью в розовых брюках, Джон в рубашке такого же цвета. Судя по их веселенькому внешнему виду, оба были старыми членами известной и популярной в последнее время на Западе секты слабозадов.

Иван начал ответ издали, стремясь продемонстрировать широту своих познаний.

– Давайте вспомним историю, господа. Соединенные Штаты Америки, как цитадель демократии во всем мире – один из главных мифов 20-го века. Ваша страна, господа, это монетный двор, который печатает доллары, а Пентагон заставляет поверить всех, что зеленая бумажка с изображением американских президентов – главная мировая валюта. А теперь вспомним само значение слова «демократия». Как известно, оно состоит из двух частей и переводится с греческого как «власть народа». Так почему наш народ должен ориентироваться на размеры вашей Статуи Свободы и американские жизненные стандарты? – не без гордости ответил американским журналистам Иван Петрович, по сути намекнув им на то, что какой захотим, такой в городе Л. и установим памятник Иванушке-дурачку.

Целый месяц большую часть рабочего дня опальный мэр отвечал на вопросы журналистов. Городским хозяйством продолжала руководить его помощница Василиса Перемудрова, а пресс-секретарь Глаша Стожкова не покладая рук ве-

ла страницы начальника в социальных сетях.

После публикации Андрона Лекалова в «МП» и сотен новых интервью мэра Несмышляева на его аккаунты народ стал липнуть тысячами.

Но была у популярности и изнанка. Иван больше не мог встречаться по субботам с Василисой в ее коттедже. Папарацци буквально следовали за ним по пятам, пытаясь запечатлеть его в разных ситуациях – вот Несмышляев пьет кофе, вот он садится за руль видавшего виды автомобиля, а вот ковыряется пальцем в носу. По этой причине ролевые игры Ивана с любовницей пришлось отложить до лучших времен. Зато возобновились бешеные «скачки» в кабинете мэра.

Что тут поделаешь. Путь в народные герои требует жертв. Несмышляеву, конечно, было невыразимо приятно оттого, что он, словно по щучьему велению, стал одним из самых популярных чиновников в стране, не являясь даже федеральным министром. Для сравнения, на аккаунт губернатора Секирова было подписано меньше миллиона человек, а на мэра Ивана Несмышляева уже в 40 раз больше. И народ все прибывал и прибывал на виртуальную поляну мэра-патриота...

Благодаря счастливой идее установки в городе Л. памятника Иванушке-дурачку мэр Иван Несмышляев не просто вляпался в историю, он в нее ворвался словно на огненной ракете. Почти как первый в мире космонавт – улыбочивый парень Юрий Гагарин. Русские долго запрягают...

Однако долго радоваться триумфу Ивану Петровичу не пришлось. Городской Совет депутатов не поддержал инициативу мэра об установке в городе Л. памятников Иванушке-дурачку и Антону Чехову, как не убеждал глава города в необходимости осуществления масштабного и прорывного для развития муниципалитета проекта.

Противников принятия решения в горсовете оказалось всего на три человека больше, чем сторонников. Если быть точнее, то пятеро депутатов из 21-го на заседание вовсе не пришли, еще пятеро во время голосования воздержались. Против установки монументов подняли руки семь народных избранников. И только квартет депутатов поддержал инициативу мэра.

Не сложно было предположить, что причиной блокировки инициативы мэра стал звонок председателю горсовета Николаю Манкину из областной администрации. Старик Манкин был труслив и податлив, как глина, а мнение губернатора было для него законом. Если бы, скажем, губернатор предложил ему развестись, то бывший агроном Николай Гаврилович Манкин и тут бы не ослушался представителя высшей власти, хоть и прожил вместе со своей дорогой и любимой супругой Серафимой Никитичной более 40 лет. Председатель Манкин накануне заседания довел до сведения большинства депутатов горсовета высочайшее мнение по данному вопросу, и инициатива мэра была отклонена. Даже самая могущественная женщина в городе Л. Василиса Перемудро-

ва была бессильна изменить соотношение сил на заседании горсовета, когда в дело лично вмешался губернатор Секиров. Или не особенно и старалась? История пока о том не ведает.

Иван Несмышляев воспринял отказ от установки памятника как временную трудность, которую они непременно преодолеют вместе со своей заместительницей Василисой Перемудровой благодаря влиянию на умы депутатов передовой российской и, быть может, мировой общественности.

Иван был уверен, что с таким защитным оберегом, как великая народная слава, ему ничего не страшно. Ни губернатор Секиров, ни опала, ни тюрьма...

Как же он ошибался. Живи тихо – не увидишь лиха, а назвался груздем – полезай в кузов.

Поэтому и был так подавлен Иван Петрович во время ареста, когда за ним пришли люди в масках с автоматами и увезли на допрос к следователю Чеботареву.

«Василиса же говорила, что меня не посадят, что Бог поможет, что в случае чего и на губернатора найдется управа. Все-таки не 37-й год. Вся общественность поднимется», – очень часто вспоминал слова любовницы Несмышляев на шконке в СИЗО.

Жизнь – не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит. Сегодня ты на коне, а завтра по уши в дерьме. Еще совсем недавно мэр рассуждал в беседах с журналистами об особенностях национального характера, а теперь готовился

преподавать Историю сидельцам хаты «восемь-пять». Иначе в «натуре» можно было получить по жбану.

ГЛАВА XV

Вульгарная историография

Интересные загоны-разговоры арестантов в камере на вес золота. Когда сидельцы в хате СИЗО узнали, что их сосед Иван Несмышляев настоящий историк, то дали, мягко говоря, ему наказ поделиться знаниями с коллективом.

– Так какого периода история вас интересует? – переспросил сокамерников мэр Несмышляев.

– Хорош умничать, Ваня, – сказал старший по камере Валера Качин. – Пятый век до нашей эры, пятый срок до старой веры. Ты про войну загоняй, где русские всех супостатов насадили на кукан – фашистов, наполеоновцев, панов польских...

– А с кем из них мы раньше воевали? – поинтересовался владелец угольных шахт, яхт и недвижимости в Альпах долларовый миллиардер Игорь Евгеньевич Полесов. В школе будущий олигарх учился плохо, что не помешало ему войти во вторую сотню списка «Форбс» самых богатых людей страны. Пронырлив он был с детства, с юности фарцевал импортными шмотками, а по окончании политехнического института женился на дочери директор угольного разреза. В СИЗО 62-летний Полесов попал после того, как на одном из его предприятий произошла трагедия: взрыв в шахте унес

жизни 50 горняков. Личная нажива была для Полесова куда важнее, чем траты на создание для шахтеров безопасных условий труда. На том олигарх и погорел, хотя еще за полгода до ареста на одном из онлайн-совещаний лично хвалился Президенту страны высокими показателями угледобычи на шахтах сибирского региона, откуда Полесов и выколачивал доллары на безбедную старость всем своим потомкам.

– Раньше – с польскими интервентами, – негромко ответил мэр на исторический вопрос олигарха.

– Так задвигай про них, а потом про этих козлов безрогих – гитлеровцев с наполеоновцами, – бодрым голосом произнес Чечен. – Мы не торопимся.

Торопиться и правда было некуда. И дипломированный историк Иван Несмышляев по вечерам стал читать лекции сидельцам. Про войну, так про войну. Про наполеоновцев – так про наполеоновцев, хотя это слово резало слух Ивана. Гитлеровцы – не резало, половцы – тем более, а наполеоновцы – более чем. Несмышляев с юношеских лет с теплотой относился к Бонапарту, прочел тонны воспоминаний его соратников от Коленкура до маршала Мармона, а теперь был вынужден общаться с теми, для кого что Гитлер, что Наполеон – «козлы безрогие». А что делать, если народ в хате требует базара за Историю. По два часа в день после ужина Иван Петрович «загонял» сокамерникам истории об основных войнах Российского государства.

Например, о Ливонской войне.

– Целью этой войны был выход Русского царства к Балтийскому морю и обеспечение торговых и политических связей с Европой, чему активно препятствовал Ливонский орден. Некоторые историки называют Ливонскую войну, продолжившуюся 25 лет, делом всей жизни Ивана IV Грозного, – монотонно, как на уроке в школе, преподавал сокамерникам Несмышляев, сожалея о том, что не обладает таким ярким талантом рассказчика, как его школьный учитель Орлов.

Мэр «загонял» и про Северную войну, и про войны с турками, и про Отечественную 1812 года, и про две Мировые войны, и про Гражданскую, и про Смутное время...

Арестанты слушали лектора внимательно, не перебивая, и только после окончания лекций начинались активные дебаты.

– Слышь, Историк, так сколько цариц «жарил» Иван Грозный? А сколько любовниц было у Петра I? А зачем Гитлер с Наполеоном попёрли на Россию, если под ними и так вся Европа ноги раздвинула? А почему Романова выбрали царем, других что ли не было кандидатов? А почему все бабы у русских царей были немками?

Сотни вопросов сыпались на голову Ивана. Он старался отвечать на каждый, но далеко не на все знал точный ответ. Изучая историю в университете, его гораздо более интересовали другие темы. Например, цели и задачи революционной организации «Народная воля», значение реформ Петра Великого или отличия в оценках государственной деятель-

ности Наполеона Бонапарта в работах отечественных историографов Тарле и Манфреда. А тут: «Сколько цариц жарил Иван Грозный?». А попробуй-ка сосчитать всех жен непостоянного правителя, а если и сочтешь, то тут же получишь вдогонку другой «исторический» вопросец: «А сколько ж тогда крепостных девок жарил Грозный?».

И поди объясни, как великий князь московский Иван Грозный, став Царем всея Руси, мог отжарить во всех смыслах кого хочешь. Хоть царицу, хоть боярина, хоть митрополита... Попробуй, втолкуй в головы арестантам, что челядь, смерды и холопы – еще не совсем крепостные, что основная часть крестьян на Руси в 9-15 веках всё ещё оставалась лично свободной, но татаро-монгольское нашествие и последующая политика Московского княжества по объединению земель привела к закрепощению русского крестьянства...

А начнешь рассказывать сидельцам хаты «восемь-пять» о том, какой беспредел творили в стране царские опричники в черных кафтанах, мигом услышишь в ответ: «Не кроши батон на Грозного, историк, он Казань взял и Сибирь начал покорять».

Когда Несмышляев не находился, что ответить арестантам, они ему охотно «помогали», рождая чудные выводы на основе лекций Ивана. И, конечно, опираясь на свой богатый жизненный опыт.

– А отчего наша страна в каждой войне побеждает, даже когда поначалу проигрывает? – спросил олигарх Полесов.

– Ну не во всех, надо сказать. В Первой мировой войне, например, мы не стали победителями, – начал было Историк.

– Ты это брось, Ваня. Россия своих врагов всегда, как говорят душманы, салам алейкум, – не только сказал Чечен, и показал, как именно будет происходить это «приветствие» будущих неприятелей родного государства. «Приветствие» в исполнении Чечена больше напоминала скорое спаривание млекопитающих.

– Охолопись, Чечен, – успокоил кореша Валера Качин. – У историка знания, а у тебя одна вера в победу. Знания – сила, конечно. Но можно и проще было сказать, Ваня. Чтоб прям на пальцах...

– Это как? – с удивлением спросил Несмышляев.

– Да вот так, – начал втирать за Историю Качок. – Если в России царь в страхе народ свой держит, ну типа в авторитете большом, как смотрящий в СИЗО, значит, хана врагам Отчизны. А если царь-батюшка сопли пускает да с холопами сюсюкать начинает, – то все, крышка. И сам башку потеряет и народ свой подведет под монастырь. Иван Грозный, Петр I, Сталин – чего там говорить, и так все понятно. Они сами кому хочешь башку бы лично отсекли. А этот царь, прости господи, имя забыл. Ну тот, который сам подписал отречение от престола... Так его потом быстренько вместе с семьей большевики к стенке поставили. А сколько потом еще народу положили в Гражданскую? А всё этот царь малахольный виноват со своим отречением.

Сидельцы взяли паузу на осмысление исторической «гипотезы» старшего по хате.

– Ну что, правильно я говорю, историк? – спросил у мэра Несмышляева Качок.

– Валера, твое обобщение – это же чистой воды образец вульгарной историографии. Чтобы делать такие выводы о важных исторических процессах, нужно иметь соответствующий багаж знаний, – с явным недоумением ответил Несмышляев.

– За твоим багажом, Ваня, сколько лет надо в очереди простоять? Лет пять не меньше в университете штаны мне предлагаешь протирать? Только нет на то времени, потому как тюрьма меня ждет, да все никак не дождется, – беззлобно ухмыльнулся Качок. – Да и чему меня там научат в твоём институте, если и так все понятно в твоей Истории. Есть в стране диктатор с железными яйцами, – никакой тебе Смуты вместе с интервентами. Нет смотрящего – и полный беспредел в стране, что хоть вешайся или за топоры хватайся.

– А какая тебе разница, Качок, при слабом или авторитетном царе ты на шконке клопов кормишь? – ухмыльнулся Чечен.

– Зато в своей стране сижу, а не в чужой. А то проснешься поутру, а конвоиры сплошь одни японцы, а по-японски я только «х...» могу сказать без словаря, – рассмеялся Качин.

Вслед за ним грохнула от смеха вся хата.

– Ну что ж, если ты знаешь, Валера, ответы на любые во-

просы Отечественной истории, так может ты так же доступно откроешь нам механизм глобальных геополитических процессов? – когда смех утих, Несмышляев обратился к старшему по камере.

Произнес это Иван с иронией, но Качка замечание историка не огорчило.

– Да легко. Куля там понимать, – на пальцах начал объяснять Качок. – Было на земном шарике два «пахана» – США и Советский Союз. Вокруг них всю дорогу тёрлись шестерки, типа шакалы возле тигра Шер-Хана, как в том мультике. Потом один пахан дал слабину, и его шестерки быстро переметнулись шестерить пиндосам, то есть, американцам. Да тут и ежу понятно, что лягают теперь эти шестерки прежнего пахана, чтобы выслужиться перед новым.

– А какое тогда место в твоей истории ты отводишь Китаю, Валера? – спросил Иван старшего по хате. Несмышляеву самому стало интересно послушать, как Качин справится с этой задачей.

– Тоже вопрос не сложный. Китай в тюряге ходил в мужиках, да решил в паханы заделаться. Бабла у него много стало. Но тут уже как китайцы с нашим российским паханом договорятся. Если сговорятся, то США у них под шконкой будет спать... Хотя, черт его знает, все-таки ядерное оружие есть и у Китая, и у нас, и у пиндосов...

– Выходит, Качок, у кого волына в кармане, тот и главный в мире? – этот вопрос Чечена тоже бы занял почетное место

в анналах историографии.

– Волына тут в помощь, конечно. Но, думаю, куда важнее, чтобы у пахана были железные яйца. И все чтоб кругом понимали, что случись кипишь какой, его волына молчать не станет. И в любой момент он из нее бабахнуть может прямо промеж рогов, – такая трактовка вероятного развития международных отношений от Качка вызвала живейший отклик у сидельцев.

Народ в хате начал активно обсуждать, кто победит в войне, если паханы мировой политики бабахнут из всех волын одновременно.

– Да какая волына, Валера, – обратился к старшему по хате миллиардер Полесов. – Это несерьезно. Никто из паханов бабахать не будет. Если все бабахнут – то негде деньги тратить будет. А паханы точно не дураки.

– А ты все меряешь на бабки? Вот из-за таких как ты, единомышленников сраных президента перестройки Миши Горбатого, шестерки и побежали от нас служить к пиндосам, – грубо ответил Качок. Добрых чувств к олигарху старлей не питал.

Богат, да крив; беден, да прям.

– А что я. Я ничего, – примирительно сказал Полесов. – Все рубят бабки. С деньгами ты человек. А еще лучше, когда ты при власти. Тогда у тебя и бабки, и власть.

– А потом бац, и в наручники тебя. И спасут тебя твои бабки от тюрьмы? – поинтересовался у миллиардера Качин,

но уже без металла в голосе.

– А может, и спасут, – насупился Полесов. – У нас прав тот, у кого больше бабла и кто поближе к власти. Либо ты быдло, либо – хозяин жизни. Либо холоп, либо барин.

– А ты спроси у Историка, спасла его власть от шконки? – ответил Качин.

– А может еще и спасет, – буркнул Полесов.

Иван Несмышляев в этот спор вступать не стал.

На том вечерние дебаты в хате «восемь-пять» подошли к концу. Дело было 31 августа, накануне Дня знаний.

Пора спать. Свет лампочки бил прямо в глаз, но за три месяца сидения в камере мэр Несмышляев привык ко многому. Отбарабанив двухчасовую лекцию и приняв активное участие в ненаучных дебатах, историк быстро уснул.

В его сон вновь вторгся дух бомбиста-«народовольца» Желябова. Террорист похлопал Несмышляева по плечу.

– А я не повернусь, потому что вы меня бить будете, – ответил мэр во сне.

– Ну что же вы, Иван Петрович, так боитесь взглянуть в глаза своему товарищу – революционеру? Это же я – Желябов.

Мэр повернулся на шконке: «Да какой же вы мне товарищ, если вы террорист, черт вас возьми?»

Желябов в ответ страшно захохотал, как будто он главный демон в Преисподней.

– Конечно, дорогой коллега. Самые что ни на есть, това-

рищ. Я ходил в народ, и вы пришли к чтению лекций в тюремной камере для простых арестантов. Значит, мы оба – народники, Иван Петрович. Неужели вы до сих пор этого не поняли?

– Я отказываюсь это понимать. Боевики вашей организации убили помазанника божьего, пытаясь расшатать устои государства. А я по своим взглядам – державник, – не без гордости ответил Иван.

– И все же, мы – коллеги, Иван Петрович. Наша «Народная воля» считала своей главной задачей совершить политический переворот с целью передачи власти народу. Ведь именно государство, которое возглавляет верхушка капиталистов, – единственный политический притеснитель русского народа. И власть этой верхушки держится исключительно на голом насилии. Мы отвечаем насилием на насилие, – как на маевке начал агитировать дух бомбиста Желябова.

– Так вы дурак, Андрей Иванович, – резко ответил Несмышляев. – И дальнейшие исторические события после вашего цареубийства только это подтверждают. Как показало время, без жесткой диктатуры власти Россия рушится. И с какими бы революционными идеями не приходил к власти новый правитель, он вынужден превратиться в диктатора, чтобы сохранить целостность страны. Нет диктатора – нет страны. И только агент иностранной разведки может желать нашему Отечеству демократических перемен, ибо они разрушат ее изнутри гораздо быстрее, чем ваши бомбы, гос-

подин дурак, – зло ответил бомбисту Несмышляев.

Желябов, кажется, не обиделся.

– И потому вы, Иван Петрович, корчите из себя Ивана-дурака в лаптях и косоворотке. Памятник решили воздвигнуть герою русских сказок, ожидающему чуда, которое все никак не настанет. Да вы бы, Иван Петрович, будь ваша воля, и в тюрьме б устроили крестный ход с хоругвями в честь помазанника. Глядишь, помилуют. И все же мы – товарищи. Мы хотели дать волю народу через террор, а вы решили преобразовать страну после мирного прихода к власти, – ответил мятежный дух революционера.

– Желябов, а с чего вы решили, что я стремлюсь к верховной власти? – поинтересовался Несмышляев.

– Так у вас во лбу печать горит, печать гордыни, сын сатрапа. На патриотической волне желаете въехать в царствие божье? Должности мэра вам было мало.

– Ну, знаете, сын крепостного Андрей Иванович Желябов. Про своего отца я вам уже говорил, что не знаю его. А что касается гордыни, то надо еще посмотреть у кого ее печать во лбу большего размера. Из грязи захотели в князи... И прекратите, наконец, ко мне являться. Привет, Кибальчику и Софочке Перовской! – презрительно ответил Несмышляев и проснулся.

Иван Несмышляев спал дольше обычного. Его разбудил крик конвойного: «Несмышляев! По сезону! С вещами! На выход!».

В пять минут Иван собрал баул с вещами. Половину из них он оставил Качку и Чечену.

– Дуй отсюда, Историк, чтоб я тебя никогда тут больше не видел! – перед самым выходом Ивана из камеры Валера Качин со всей дури зарядил историку под зад коленом, чтоб тот не возвращался. А Чечен дал подзатыльник. Такое поверье.

Несмышляев в сопровождении конвойных шел по продолу и думал: «Хорошо б ребята получше в камере прибрались, чтоб никогда в нее не возвращаться. А я уж им такой подгон обеспечу – два вагона харчей будет мало». Друг в беде – друг вдвойне?

ГЛАВА XVI

Воля!

Арест мэра города Л. Ивана Несмышляева вызвал невероятную шумиху. Хорошая слава далеко заходит, а худая – еще дальше.

Василиса Перемудрова приложила все силы, чтобы придать этому событию планетарный масштаб. За пару дней до ареста мэр официальным приказом назначил ее врио главы города Л., и она не только успешно рулила городским хозяйством в его отсутствие, но и буквально взорвала общественность, едва ее любовник попал за решетку.

Шумела мировая пресса: «Задолго до следственных действий в городе Л. сложилась парадоксальная ситуация: оппо-

зией мэру города выступила фактически администрация области и даже губернатор Сергей Секиров – непосредственный шеф Ивана Несмышляева. Итог противостояния очевиден. Инициатору возведения памятника национальному герою – Ивану-дурачку грозит тюремный срок!»

А вот что писал Андрон Лекалов в «Мукомольской правде»: «Иван Несмышляев имел неосторожность противопоставить себя областной администрации и губернатору Сергею Секирову, в частности, отказавшись добровольно сложить полномочия».

По стране катилась массовая волна манифестаций. Ширилось протестное движение как тесто на дрожжах. В разных городах огромного государства тысячи людей вышли на улицы с хоругвями и православными крестами. Шагая по центральным площадям, они громко требовали освобождения Ивана Несмышляева: «Памятнику национальному герою – быть! Руки прочь от духовного лидера страны! Свободу Ивану-дураку!»

Что интересно, представители законной власти не особенно препятствовали манифестантам «волеизъявляться». Ни арестов тебе, ни задержаний. За три месяца, пока шумел народ за свободу Ивана Несмышляева, полицейские задержали лишь десятка два нарушителей правопорядка, которые, надравшись водки, орали на площадях: «Ивана-дурака в Иванцаревичи!» Но, что особенно удивительно, уже на следующее утро после пьяных дебошей протрезвевших горлопанов

отпускали восвояси.

Центральные каналы страны транслировали демонстрации в поддержку Несмышляева в прямом эфире. И даже главный журналист самого государственного канала вышел в прямой эфир со значком на лацкане. На значке был изображен мэр города Л. Иван Несмышляев за решеткой.

– Мы все понимаем, что заключенный заключенному рознь. Убийцы сидят в тюрьме за убийство, подонки за изнасилования, шпионы иностранных государств за то, что предали свою Родину. Но есть и другой пример. Вот за что, скажите, сидит в СИЗО настоящий патриот нашей страны Иван Несмышляев? Только за то, что захотел установить в городе Л. памятник русскому национальному герою – Иванушке-дурачку! Я представляю, как потирают руки в Госдепе американские лже-демократы, как восторженно скулят шавки мировой закулисы, наблюдая за тем, как истинные патриоты нашей великой страны страдают за правое дело. За то, что, не жалея себя, пытаются поднять на заоблачную высоту дух национального самосознания. Будь моя воля, я первым бы радостно встретил у входа в тюрьму настоящего русского героя-богатыря Ивана Несмышляева. И я уверен, что смогу это сделать уже в ближайшие дни, когда наше правосудие разберется в этой истории, – заявил главный журналист главного государственного канала и прокричал в конце эфира: «Иван, мы с тобой!»

За три месяца, что Несмышляев провел в СИЗО, следо-

ватель Чеботарев вызывал мэра на допросы нечасто. Майор задавал одни и те же вопросы про старую трансформаторную будку и про деньги на памятник Ивану-дураку. У мэра возникло ощущение, что встречи со следователем Чеботаревым – как День сурка. Те же портреты вождей на стене за спиной непременно страдающего с похмелья майора, одинаковые вопросы и обязательное наставление Чеботарева: «Отчего вы, гражданин Несмышляев, не идете навстречу вашему руководству? Возвращайтесь в камеру и подумайте над своим поведением. В вашем случае не поздно все исправить».

Чеботарев, вероятно, намекал на то, чтобы мэр написал прошение об отставке. И Иван Петрович давно бы это сделал, если бы не записки с воли от Василисы, которые передавал Несмышляеву адвокат Масленников. Все три месяца, пока Иван сидел за решеткой, любовница ему писала: «Ванечка, будь мужчиной, никаких прошений об отставке не подписывай. Целую тебя, мой козленочек. Твоя мамочка». Ну и все в таком духе.

«Козленочек» не мог послушаться свою «мамочку». И был очень сильно удивлен, когда через три месяца мытарств в хате «восемь-пять» получил от Василисы записку с другим напутствием: «Иван, пора! Срочно пиши прошение об отставке. Скоро увидимся. Твоя Василиса».

Ошибок быть не могло, это был ее прекрасный каллиграфический почерк, который Несмышляев знал до запятой. «Что же такого могло произойти за эти три месяца, если сна-

чала Василиса требовала быть терпеливым, а теперь поменяла свою позицию?» – спрашивал себя Иван, но не находил ответа.

И в этот раз Иван Петрович поступил, как ему велела любимая женщина. Прощение об отставке, обращенное к депутатам горсовета города Л., Иван передал своему адвокату.

И надо же, свершилось чудо! Через два дня после встречи с юристом, 1 сентября, конвойный прокричал в хату «восемь-пять» эти заветные для Ивана слова: «Несмышляев! По сезону! С вещами! На выход!»

Следователь Чеботарев подписал постановление об освобождении Ивана Петровича Несмышляева из СИЗО в связи с отсутствием состава преступления.

«Так что же он мне три месяца голову морочил?» – подумал уже бывший мэр города Л. Иван Несмышляев. Но подумал без злости, а даже с некоторой теплотой, с какой, верно, цепной пес относится к злому хозяину, снимающему ошейник со своей собаки.

Вдохнув воздух свободы за воротами СИЗО, Иван опьянел от восторга. А к нему уже бежала толпа журналистов с телекамерами и микрофонами на длинных палках.

– Иван, скажите, вас пытали? А уголовники пытались вас насиловать? – перекрикивали репортеры друг друга.

«Что за глупые вопросы они задают мне», – подумал Иван.

Никто его не пытал, а с уголовниками он не встречался даже во время прогулок в тюремном дворе, потому что си-

дельцев ментовской хаты «восемь-пять» выводили на прогулку отдельно от блатных.

– Нет, не пытали и не насильовали. Какие еще будут вопросы? – спокойно ответил Несмышляев.

– А какую вам кличку дали арестанты? Ну типа того, тюрьма-тюрьмуха, дай мне кликуху? Может, Иванушка-дурачок? – поинтересовался бойкий молодой репортер с Третьего канала.

– Типа того, говорите? Ну типа того, – с улыбкой ответил Несмышляев журналистам и сам удивился, что после выхода из СИЗО он вдруг перестал бояться смотреть в глаза собеседникам. «Быть может, боязнь ушла, потому что нет ничего на свете страшнее тюремной камеры?» – попытался Иван найти мысленное объяснение такой перемене, но тут же снова невольно потупил глаза, испугавшись собственной смелости.

Журналисты-государственники наседали: намерен ли настоящий патриот и бывший мэр начать политическую карьеру? Репортеры оппозиционных СМИ пытались выведать, продолжит ли Несмышляев яростную борьбу с кровавым режимом по установке памятника Иванушке-дурачку?

– На все вопросы я отвечу позже, господа. Мне нужно привести себя в порядок и отдохнуть. О дальнейших планах вы узнаете на моем официальном аккаунте в интернете. Там же будет указано место и время будущей пресс-конференции. Готовьте вопросы, господа. Честно отвечу на каждый.

Всем вам спасибо за поддержку. – Иван поклонился в пояс, осенился крестом и побежал вприпрыжку навстречу заплаканной маме.

Материнская любовь Зои Николаевны всегда согревала Несмышляева, а ее богатые посылки в СИЗО здорово грели сидельцев хаты «восемь-пять». Даже Федьке Плешивцеву перепадало от щедрот. Тоже ведь тварь божья, хоть и людоед, сукин сын.

Иван обнял маму, одним движением поднял ее сильными руками и закружил. Мама плакала навзрыд, успевая при этом придерживать полы длинной черной юбки.

– Ванечка, Ванюшенька. Как хорошо, что ты теперь не мэр. Зато на свободе... В школе работать учителем – оно спокойнее, а хочешь – в аспирантуру поступай, тебе ведь в университете очень нравилась Отечественная история, – проглатывая слезы, торопливо щебетала мама.

Через минуту к Несмышляевым подбежала Василиса и крепко обняла Ивана за шею.

– Ну здравствуй, мой хороший, – сказала любовница на ушко милому другу поцеловала его в губы.

– Здравствуй, солнышко мое ненаглядное.... Мама, знакомься. Это моя Василисушка, – радостно произнес Иван.

Зоя Николаевна внимательно посмотрела на Перемудрову, которая была запахнута в модный серый плащ...

– Здравствуйте, здравствуйте дорогая Зоя Николаевна! – приветствовала маму Ивана Василиса. – Вы нас простите,

ради бога, но Ивана сейчас ждет одно очень важное и неотложное дело.

Иван с Василисой помахали Зое Николаевне, и Перемудрова увлекла любовника к автомобилю. Она сама села за руль.

– Как же я соскучился, – простонал Иван, откинувшись на заднем сидении. – А ты скучала ли, моя царица?

– Конечно, ты еще спрашиваешь... – улыбнулась Василиса.

– А как там наш Васька-толстячок, пушистый серенький бочок? – спросил Несмышляев любовницу про кота.

– Васька куда-то пропал. Уже неделю ищем, – посерьезнела Василиса.

– Кто это мы? – с ноткой притворной ревности поинтересовался Иван...

– Ну я искала, соседи по поселку. Его же, болтуна кошачьего, все в округе привечали, кормили, – без большой охоты ответила любовница. – Надеюсь, не пропадет, паразит. Может, мышей ловить научится...

– А куда мы поедем, моя повелительница? Я весь горю от нетерпения, – Несмышляев и начал игриво раздувать ноздри, точь-в-точь как родовитый мавр Отелло в театральной постановке.

– Это будет долгая дорога, мой козленочек. Я приготовила нам новую Игру. Но ты должен быть послушным, чтобы сюрприз удался.

– О, моя колдунья, ради тебя я готов к любым испытаниям, – игриво засмеялся Несмышляев.

Повелительница надела на глаза уже бывшего мэра города Л. широкую шелковую повязку иссиня-черного цвета.

– Сидеть тихо и не подглядывать, Иван! Иначе мамочка отшлепает своего козленочка... – заразительно рассмеялась Василиса, и машина тронулась с места.

Ехали они в тишине больше часа. «Москва – звонят колокола. Москва – золотые купола. Москва – по золоту икон проходит летопись времен», – в салоне авто крутилась одна и та же песня.

– Кажется, пластинку заело, моя Шахерезада? – весело спросил у Василисы Иван.

– Это же часть нашей Игры, Ванечка. Ну потерпи же.

Несмышляев замолчал. Машина ехала плавно...

Куда ехал наш Иван? Да и важно ли это. Лишь бы ехал и радовался, что без наручников, не в автозаке, а на пассажирском сидении и без конвоя.

Эх, чтоб всем нам ехать по бескрайним просторам страны по грибы да по ягоды к маме в деревню. Туда, где сказочный лес пьянит запахом фиалок и распутившейся черемухи или раскаленной на солнце тягучей сосновой смолы. А после долгой прогулки по лесу да в русскую баньку с березовым веничком... Ух, хорошо, твою Россию-мать. Жива была бы русская деревня...

Ну и пусть обгоняют тебя по дороге слева и справа маши-

ны с мигалками. Их хозяева думают, что быстрее въедут в рай на земле, а ведь, вернее всего, спешат на тот свет, нарушая правила, подрезая и давя тех, кто отправился в путь без мигалки.

И другие торопятся, из кожи лезут вон, чтоб волшебную мигалку заполучить: «Вперед, в начальники, чтоб не холопствовать всю дорогу». Да, вот авария на трассе – две мигалки вдребезги, а кто виноват? А вон тот, у кого мигалка чуть меньше.

Но сколь не взнудывай кобылу, да не дави на газ, – все в срок туда придут, где не бывает опозданий. Хоть с мигалкой, хоть без.

Бескрайность дороги дарит ощущение бесконечной свободы. Обманчивое впечатление для пассажира, если ехать по жизни с закрытыми глазами на легковушке с ветерком, доверяясь всецело водителю. А если шпарить по длинному этапу из СИЗО в тюрьму, то о какой свободе базар-разговор? Этап нескончаем в бескрайней стране. И непонятно, кто кого тянет как за веревочку – конвоиры или осужденные. Вся лишь разница меж ними – у кого за плечами автомат Калашникова, а кто налегке. Выходит, вместе мотают срок и те, и другие ныне и присно...

«Дураки и дороги – главные беды бескрайней страны? Да ерунда, конечно. Устаревшая информация. Вместо разбитых дорог – уже автобаны, а дураки и вовсе перевелись, если верить следователю Чеботареву, – размышлял в пути Иван

Несмышляев, вспоминая конфликт с губернатором Секировым. – Главная наша беда, похоже, мотает срок в тюрьме самосознания. «Я начальник – ты дурак. Ты начальник – я дурак» – вот ее формула. Эта беда, пожалуй, и есть главный тормоз в развитии правового общества. Ну а спросит кто смелый: «Умен ли начальник, а глуп ли дурак? А верной ли дорогой идем, господа и товарищи?» – тут же окрик свыше: «Молчать, придурок! Народ вопросами не смущать!» А, может, и, правда, зачем простому народу такие вопросы, если ответ известен заранее: «Начальнику виднее, куда едем. Нам бы постоянный двор не проехать, да хорошенечко пожрать, пока начальник кормит, а там куда нелегкая вывезет.»

Иван Несмышляев чуть не заснул на заднем сидении автомобиля. Какие только дурные мысли не придут в голову по дороге вслепую.

Но, кажется, приехали...

Василиса резко притормозила: «Мы прибыли, козленочек. Теперь пешком».

ГЛАВА XVII

Секретная операция

После того как машина остановилась, еще минут 15 любовники шли по брусчатке. Василиса вела временно незрячего Ивана под руку, крепко прижимая его к себе. Своим правым плечом он ощущал прикосновения ее горячих «дынь».

Потом они минут пять поднимались по длинным лестницам какого-то помещения. «Не то дворец, не то офисное здание», – подумал Иван.

Затем скрипнула деревянная дверь, они сделали еще три шага вперед и...

– Всё, Иван, мы на месте. Через минуту можешь развязать глаза. Время пошло, – твердым голосом сказала Василиса.

Через минуту Несмышляев снял с головы шелковую повязку и еще с полминуты, наверное, щурился, пока, наконец, глаза не привыкли к свету.

«Вот это сюрприз» – подумал Иван, оглядевшись. Он стоял в огромном кабинете, в три раза превышающем размер хаты «восемь – пять», и раза в четыре – его теперь уже бывший кабинет в администрации города Л.

Стены огромного кабинета были отделаны дубом. Иван стоял на красной дорожке ковра, прямо перед длинным столом. В конце стола, у окна, задернутого шторами, восседал в кресле массивный мужчина в иссиня-черном кителе и генеральских погонах. Он тщательно перебирал какие-то бумаги. За спиной хозяина кабинета висели портреты правителей – те же, что и в кабинете следователя Чеботарева, только тут нарисованные маслом вожди смотрели на Несмышляева куда как более пристально, как будто решили рассмотреть насквозь все тайные мысли Ивана Петровича.

На другой стене, по правую руку от генерала, красовались портреты князя-«кесаря» Федора Ромодановского – сорат-

ника Петра I, опричника Малюты Скуратова-Бельского – подвижника Ивана Грозного, и, конечно же, милейшего Александра Христофоровича Бенкендорфа – начальника Третьего отделения канцелярии его величества Николая I.

Историк Несмышляев легко узнал этих личностей, оставивших глубокие шрамы в биографии Родины-матери. Если князь-«кесарь» глядел на Ивана Петровича с портрета весьма сурово, нахмутив смоляные брови, то Александр Христофорович, как показалось Несмышляеву, даже одобряюще кивнул лысоватой головой. А Малюта даже не удостоил Ивана Петровича взглядом, так как опричник был нарисован в профиль и смотрел с портрета куда-то в сторону, вероятно, на царя Иоанна Васильевича, который где-то задерживался. Не то на казни, не то на службе в церкви.

– Ну здравствуйте, здравствуйте, Иван Петрович! – мужчина в генеральском кителе встал из-за стола и, протянув вперед широченную пятерню, двинулся навстречу Несмышляеву. – Будем знакомы. Генерал-майор Дронь. Петр Сергеевич Дронь. Как же долго я ждал этой встречи, почти сорок лет...

– Почему сорок? Мне скоро исполнится 37, а я точно не ждал этой встречи, – удивился Иван, здороваясь с генералом.

– А разве ваша мама вам ничего не говорила? И даже альбомы с почтовыми марками не показывала?

– Не помню, – внутренне сжался Иван от обиды на Василису за такой сюрприз.

Перемудровой в кабинете не было.

– Ну раз мама ничего не говорила, значит, верна своей клятве. Железная женщина, – сказал крепко сбитый, словно бы вытесанный из дуба, хозяин кабинета. – Ну что ж, тогда перейдем к делу.

– Надеюсь, не к уголовному? – поинтересовался Иван, едва взглянув генералу в глаза. Если в кабинете майора Чеботарева он чувствовал себя в полной власти следователя, то здесь у него вдруг возникла некоторая уверенность в своем превосходстве над генерал-майором.

– Нет. Не к уголовному. А к вашему личному делу, агент Stultus!

– Как, как вы сказали? Потрудитесь объяснить, товарищ генерал-майор, – Несмышляев чуть не сел на красный ковер. – Что за глупый розыгрыш?

– Я буду предельно краток, а если у вас возникнут вопросы – я отвечу на все. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь на стул, агент Stultus, – добродушно предложил генерал.

– Да уж, звучит лучше, чем садитесь. Я весь внимание, – уверенно сказал гость и сел на ближайший к нему стул.

– Итак, с чего начнем, чтобы ваш рассудок не помутился разом? – шутливым тоном спросил хозяин кабинета.

– Наверное, с самого начала, товарищ генерал-майор, – над такой шуткой Несмышляеву смеяться не захотелось.

– Ну что ж. Почти сорок лет назад наша секретная организация приступила к работе над реализацией проекта «Про-

должатель». Суть проекта – подготовка достойного кандидата, которому со временем было бы по плечу возложить на себя громадный груз ответственности, став руководителем нашего государства. Проект был начат еще в СССР и продолжен в современной России, так как наша страна является правопреемником этого величайшего в мире государства, – с каким-то особенно серьезным и одновременно торжественным видом произнес хозяин кабинета.

Генерал Дронь взял паузу, внимательно посмотрел в глаза собеседника и продолжил.

– Вам, вероятно, будет сложно в это поверить, Иван Петрович, но вы именно тот кандидат на пост Продолжателя.

Иван слушал собеседника и, конечно, не верил ему. Такие розыгрыши хороши для популярных ток-шоу и далеки от правды жизни.

– Нет, я верю-верю. И внимательно слушаю, – спокойно ответил Несмышляев. После трех месяцев в СИЗО его трудно было чем-либо удивить.

– Итак, примерно за полгода до своего рождения вы получили секретное прозвище Stultus. Я лично контролировал весь процесс вашего становления и воспитания, Иван Петрович, – не без гордости сказал генерал-майор.

– И даже процесс моего появления на свет? – поинтересовался гость с неприкрытой иронией.

– Это детали, о которых мы поговорим позже. Но не будем отвлекаться. В вашем воспитании в духе любви и пре-

данности нашей Отчизне принимали участие лучшие агенты нашей организации, – ответил генерал-майор Дронь.

– Вы хотите сказать, что школьный историк Орлов – секретный агент? Или декан Толчков, или тренер студенческой команды по полиатлону Иван Алексеевич Переверзев? – засмеялся Иван.

– И не только. Например, отец Евстафий...

– Как интересно. А правда, что отец Евстафий любит маль... – не успел закончить богохульную фразу Иван, как его перебил генерал.

– Нет, неправда. Это лишь часть легенды агента Иуды.

– А скульптор Цетерадзе? – поинтересовался Несмышляев.

– Зачем вербовать скульптора, если он вылепит хоть черта лысого ради гонорара. С такими жизненными установками прямая дорога в нештатные агенты всех спецслужб мира, – отчеканил генерал-майор. – У нас мастер Гиви всего лишь на полставки.

– Неужели и студент Пересветов, который едва не женился на дочке африканского президента, тоже, хотите сказать, ваш? – спросил Несмышляев.

Генерал уверенно кивнул.

– Пересвет выполнял в университете важное задание по налаживанию контактов с африканским государством. Нашей стране нужно было установить контроль за незаконным экспортом алмазов в этом регионе. Пересвет с честью спра-

вился. Президент африканской страны получил наследника с белоснежной кожей, и его племя причислило младенца к богам, – спокойно и без тени улыбки ответил генерал Дронь.

– А где теперь Пересвет? – поинтересовался Иван судьбой товарища, который пропал с радаров сразу же после того, как ушел служить в армию – и ни письма, ни строчки от него.

– Сегодня Пересвет выполняет важное государственное задание в Южной Америке. Дочь наркобарона влюбилась в него по уши и тоже ждет ребенка. Майор Пересветов передал вам привет и вот этот подарок! – при этих словах генерал резко раздвинул белую шторку на окне и указал на клетку. Клетка стояла на массивном подоконнике, а за ее решетками скрупулёзно чистил крылья настоящий попугай с огромным клювом. Точно такую же птичку Несмышляев видел в комнате африканских студенток, когда учился в университете.

Едва попугай заметил Ивана, как по кабинету раздался его истошный крик: «Иванушка – дурак, Иванушка – б-о-о-ольшой дурак».

– Ишь, раскудахтался, на нового хозяина! А ну молчать, Гамаюн! – Генерал тут же задернул шторку, и птичка заткнулась, а Иван нервно затряс головой, не веря глазам своим.

– Так, выходит, я всю жизнь прожил под колпаком у органов? – тихо поинтересовался совершенно обескураженный Несмышляев.

– Ну почему же всю и почему под колпаком, Иван Петрович? – вновь озарился улыбкой хозяин кабинета. – Скажем

так, под отеческим и дружеским присмотром.

– Тогда мой самый горячий привет Пересвету, – отрешенно сказал Иван, но любопытство все же сильнее разгоралось в нем. – А учитель Орлов часом не подскажете, Петр Сергеевич, в каком звании служит? А репортер Лекалов? А декан Толчков? А Глаша Стожкова – тоже ваш сотрудник?

– Орлов вышел на пенсию в звании полковника. Агент Лекало пока подполковник. Скажу по секрету, Андрон Лекалов – уникальный шпион. Таких уж мало. Однажды он взял самое откровенное интервью у одной принцессы. Принцесса давно мертва, а выведенные секреты европейской монархии до сих пор позволяют нам влиять на ее внешнюю политику. Замечательный историк – майор Толчков – никогда бы не сделал себе имя в науке, если бы не получил от нашей организации допуска к секретным архивам. Это именно декан истфака направил вас поработать в школе – стать ближе к народу, чтобы затем мы плавно перетащили вас в кресло мэра. Надеюсь, вам не нужно объяснять, почему именно вы стали «Учителем года», Иван Петрович? Ну а ваш пресс-секретарь Глаша Стожкова – обыкновенная дура, которая к нашей организации не имеет и не может иметь никакого отношения, – улыбнулся генерал-майор Дрость.

– А в камере «восемь-пять» я тоже был под присмотром? – ухмыльнулся Иван.

– Я думал, что вы сразу догадались, какая роль была отведена в камере СИЗО олигарху Полесову.

– Стало быть, Василиса – тоже агент, – обхватил свое лицо руками Иван.

– Да, вот и она, – генерал перевел взгляд на дубовые двери.

Василиса зашла в генеральский кабинет в красивом фирменном кителе. Он словно создан был, чтоб подчеркнуть красоту ее глаз. Черные волосы разведчицы были собраны в пучок.

– Разрешите представить. Агент «Васса» – полковник нашей, я бы сказал, государевой службы, – гордо пробасил генерал. – И честь и жизнь за Родину она готова отдать. Василиса – настоящий пример для подрастающего поколения наших соотечественников.

Василиса кивнула, но не проронила и слова в ответ.

«Вот это ролевою игрою она мне устроила», – Иван взглянул на свою любовницу изумленными глазами и снова вперил взгляд в красную ковровую дорожку. Благодаря Василисе история его жизни открывалась Несмышляеву в совершенно новом и неожиданном для него свете.

Теперь Ивану стало понятно, почему агент Васса получила протекцию из областной администрации на работу его заместителем в городе Л., и почему домашняя обстановка в ее коттедже была так скромна, как будто он предназначался для командировочных.

– А кот Васька – тоже секретный сотрудник? – попытался пошутить Иван, чтоб разогнать невеселые мысли.

– Кот оказался двойным агентом, работал на американцев. Хотели пристрелить, но ушел, мерзавец, огородами. Матерый шпион, подлая морда. Как бы не сдал всю нашу резидентуру на Аляске. Кот, кстати, и вас пытался вербовать, Иван Петрович. Помните, как он терся возле вашего уха каждую субботу в коттедже? Только мы были в вас абсолютно уверены, – серьезным тоном сказал генерал и обратился к Василисе: «А вы, товарищ полковник, можете идти. С Иваном Петровичем поговорите позже, если, конечно, у вас возникнет такое желание».

Агент Васса вышла из кабинета.

Иван молча проводил ее взглядом. Мозг Несмышляева просто кипел от полученной информации.

– А клопы в тюремной камере тоже ваши агенты? – с негодованием спросил он генерала Дроня. – Зачем, скажите, был нужен весь этот маскарад с арестом? Нельзя было сразу сказать: Иван, ты наш человек, вот тебе талоны на дополнительное питание, кокосовое молоко и сухофрукты?

– Настоящая легенда разведчика, Иван Петрович, должна быть отлита из Правды. Иначе никто в нее не поверит. Ваш арест и последующее заключение в СИЗО – один из важнейших этапов нашей операции. Для вас это может быть удивительно, но я должен вам сказать о том, что аналогичный проект долгие годы пытаются реализовать наши американские коллеги. В рамках проекта «Преемник» они пытаются привести к власти в России своего кандидата – Алекса Ав-

рального. Враги сочли, что их агент, отбывающий срок в российской тюрьме, станет нашим народным героем, страдающим за правду. А русские люди, как вам известно, почитают мучеников. Этот злодей Авральный очень популярен среди нашей молодежи – самой несознательной части российского электората. Поэтому, Иван Петрович, мы были вынуждены сыграть на опережение и ускорить операцию «Продолжатель», чтобы лавры мученика, а вместе с ними и любовь российской молодежи, достались действительно самому достойному представителю подрастающего поколения нашей страны. То есть, вам, агент Stultus... – полушепотом генерал раскрыл, кажется, секретную информацию.

– А какова главная цель проекта «Продолжатель»? – тихо спросил Иван.

– Сами понимаете, Иван Петрович, какая сложная ситуация на планете. Мировой экономический кризис, пандемия и прочее. И в нашем Отечестве усилились протестные настроения... Не хватало нам еще всяких «оранжевых революций», «желтых жилетов» и, извиняюсь, голубого лобби. А тут – пожалуйста, приход к власти нового президента – страдальца и мученика, настоящего патриота, дипломированного историка, молодого и перспективного политического деятеля. Вы можете стать символом обновления общественно-политической жизни в нашей стране. Разумеется, до известных пределов.

– То есть, три месяца я кормил вшей, а Василиса мне слала

записочки: «Потерпи, Иван, будь мужчиной», чтобы я вошел в образ мученика и страдальца за народное счастье во славу Отечества? – с горькой иронией спросил Несмышляев.

– В общем да. Василиса блистательно провела часть этой важнейшей для нашей страны секретной операции. Надеюсь, вы не забыли, кто предложил вам установить в городе Л. памятник Иванушке-дурачку? Ну и не только Василиса, конечно, заслуживает ордена, – приосанился генерал Дронь. – Вся наша организация работала над созданием образа настоящего российского патриота в медиа-пространстве. А чего стоила организация народных демонстраций? Вот вы даже не догадываетесь, Иван Петрович, какие огромные средства были выделены на реализацию этой беспрецедентной операции. Зато через три месяца вашего заточения в СИЗО вы приобрели ореол мученика, который позволит вам на волне народной любви стать президентом нашей страны. Согласитесь, сильный ход?

– Я вас слушаю, товарищ генерал-майор, а ощущение такое, что вы пытаетесь меня обмануть. Настолько ловко сшили мне кафтан, что ни шовчика, ни ниточки не видно. Ну а если я откажусь стать Продолжателем? – спросил Иван.

– От таких предложений не отказываются, Иван Петрович. Ну а во-вторых, вы человек в высшей степени целеустремленный, самолюбивый, тщеславный. Конечно, нетрудно предположить, что в вашем достаточно молодом возрасте вы хотели бы продолжить вести активную деятель-

ность. Так почему не на посту Президента великого государства? – генерал Дронь отвечал на каждый вопрос со знанием дела, и вопросы задавал с железобетонной уверенностью в своей правоте.

– А что же такого произойдет, если я вдруг откажусь стать Продолжателем? И кто вам вообще дал право писать историю моей жизни, товарищ генерал-майор? Я, может быть, всю жизнь гусей хотел пасти, кормить озерных чаек или вон разводить африканских попугаев? – с безысходностью в голосе спросил Иван и понурил голову.

– Причина и ход ваших протестных мыслей мне понятны, дорогой Иван Петрович. А теперь позвольте поделиться своими мыслями. Но для начала ответьте мне, как настоящий историк: чего стоит история жизни одного человека, пусть даже самого гениального или свободолюбивого, по сравнению с историей будущего благоденствия нашего родного Отечества?

Иван ничего не ответил. Да и требовался ли этот ответ генералу Дроню.

– Откажетесь стать Продолжателем? Ваше право, конечно, – грозно прищурился хозяин кабинета. – Но вы же осознаете, Иван Петрович, что в вашем личном деле задокументированы не только жизненные триумфы? Есть там и компрометирующие факты вашей биографии. Ладно бы только пыхали гашиш в комнате африканских студенток. Кто ж в юности не пробовал всякую дрянь?! Но вот эти фотографии

ваших ролевых игр с агентом Вассой в костюмах Адольфа Гитлера и Евы Браун – это все-таки перебор.

– Вы что-то путаете, товарищ генерал. Эта наша с Василисой игра называлась «Штирлиц в гостях у радистки Кэт», – попытался оправдаться Несмышляев и густо покраснел.

– Это как посмотреть, Иван Петрович. Это как посмотреть, – с лукавой хитринкой в глазах улыбнулся Дронь. – Но ведь, согласитесь, даже такой удивительный компромат во все не повод, чтобы отказываться верой и правдой служить своей Родине! Вы же любите свою Отчизну, Иван Петрович?

– В общем, конечно, да. Люблю. Как может быть по-иному... Только я все равно не пойму, товарищ генерал-майор, почему все-таки я самый достойный кандидат для реализации секретной операции? – кажется, Иван понял, что эта шахматная партия останется за генералом, и ему уже никогда не выйти из этой Игры.

– Если вы сами в себе не разобрались, Иван Петрович, то ваш психологический портрет нам в помощь. Не один день мы его составляли. Ну а как по-другому? По-другому – никак. Мы должны были знать о вас всё. Итак, у вас русская фамилия, славянская внешность, льняные волосы и голубые глаза. Вы неглупый человек, учились прилежно, посещаете православные храмы, любите маму, выступаете за целостность нашего государства, знаете его историю. Вы бескорыстный однолюб. У вас есть какой-никакой управленческий опыт. Да, есть минусы в вашем портрете. Например, не

дрались в школе, не служили в армии, но зато три месяца провели в СИЗО... – генерал загибал свои толстенные пальцы, похожие на румяные сардельки.

– Ага, курс молодого бойца на шконке с клопами, – печально улыбнулся Несмышляев.

– Но зато теперь вам понятны нужды и близки чаяния простого народа. К тому же вы мастер спорта и ратуете за патриотическое воспитание нашей молодежи, – мгновенно нейтрализовал генерал остроту Ивана.

– И какой же главный штрих психологического портрета, позвольте поинтересоваться, мне больше всего пригодился, чтобы стать главным кандидатом в Продолжатели? – робко спросил Несмышляев.

– Вы, быть может, удивитесь моему ответу. Но он будет честным. Больше всего на свете вы боитесь своего начальства, Иван Петрович. Значит, вы – контролируемый человек, который будет руководствоваться мнением старших товарищей из Совета волхвов... Опять же ореол мученика вам очень к лицу. По-моему, лучше кандидатуры для роли нового Президента страны сегодня нам просто не найти, – лучезарно улыбнулся генерал.

– А как же мой конфликт с губернатором Секировым?

– Ничего страшного. Будущий Президент великой державы должен уметь давать отпор, сохраняя верность высоким идеалам служения Отчизне. К тому же, маленький конфликт на футбольном поле – лишь часть нашей спецоперации. Счи-

тайте, что это была инсценировка. Ну то есть, как в театре на спектакле «Здравствуйте, я ваша тетя!»

– Товарищ генерал-майор, а нынешний наш Президент знает о моем существовании? – с волнением в голосе спросил Несмышляев и резко поднялся со стула.

– Конечно. Президент великой страны должен знать все. Тем более имя Продолжателя дела всей его жизни. На высшем Совете волхвов ваша кандидатура была утверждена, Иван Петрович, и в самое ближайшее время Президент встретится с вами.

– Выходит, Президент и губернатор Секиров тоже агенты секретной государственной организации? – вырвался вопрос у Несмышляева, который задавать, конечно, в этом кабинете не стоило.

– А вот это совершенно засекреченная информация, Иван Петрович, – тихо сказал генерал и, озираясь по сторонам, приложил палец-сардельку к своим губам.

– Скажите, Петр Сергеевич, а вы любили мою маму? – чувствуя, что генерал-майор приблизился к финишу разговора, спросил Иван, которому нельзя было отказать в умении логически мыслить.

– Я до сих пор обожаю ее. Но есть такая профессия – любить свою Родину. Понимаешь, сынок... – генерал встал из-за стола, внимательно посмотрел на Ивана, смахнул слезинку с глаза, достал носовой платок и громко высморкался.

– Значит, моя мама тоже секретный агент? – нерешитель-

но спросил Несмышляев.

– Это Зоя Николаевна пусть сама скажет, если сочтет нужным. А про дух народовольца Желябова лучше, Ваня, не спрашивай. Пока это секретная информация. Новая разработка. Но ты и тут с честью выдержал проверку, – генерал Дронь строевым шагом подошел к агенту Несмышляеву и одобрительно хлопнул его по плечу. – Москва за нами, сынок. Отступить мы можем только в Царство божие. Будь не только сыном своего отца, но и своего народа.

ГЛАВА XVIII

Гарант и Продолжатель

Через неделю после разговора с генералом Иван Несмышляев встретился с Президентом в Кремле. Сентябрь в тот год был дождливым. Грозовые тучи взяли столицу в осаду...

Кабинет Президента был расписан под хохлому. Только плитка на камине отливала золотом. Пятеро седовласых волхвов секретного Совета безопасности государства поочередно пожали руку Ивану Несмышляеву и удалились из кабинета, оставив Гаранта Конституции один на один с Продолжателем.

И волхвы, и Гарант носили костюмы фирмы Brioni, но цвет их отличался. Президент был в черном, волхвы – все как один в темно-синих костюмах. Галстуки у членов Совета были цвета спелой малины, «гаврила» Гаранта горела золотом – в тон главному кремлевскому камину.

– Ну, здравствуй, Иван, – очень по-доброму сказал Гарант, когда они остались в кабинете вдвоем. Президент сделал шаг навстречу Продолжателю и улыбнулся.

У Ивана сперло дыхание от страха. Раньше он видел Президента только по телевизору и на портретах. А тут сам Великий Гарант говорит с ним и крепко жмет ему руку.

– Ну-ну, Иван, не тушуйся. Мне очень понравилась твоя задумка с установкой памятника Ивану-дураку. Замечательная идея, прекрасная, и главное – весьма патриотичная. Значит, будем работать вместе над ее реализацией. И я, видишь, учусь у талантливых молодых людей, потому что Президенту учиться приходится постоянно, а не только в университете на истфаке.

– А вы считаете меня талантливым, господин Гарант? Ведь вы же меня не знаете, – потупился Иван.

– Я всё про тебя знаю, Продолжатель, – сказал Гарант. – И скоро ты тоже будешь знать всё, когда наступит твое время. Мы ведь живем в непростое время, Иван. В стране инфляция, народ нищает, чертова пандемия и враги Отечества поднимают головы. Впрочем, времена не выбирают...

– А почему в такое трудное время вы решили оставить страну? – Несмышляев боялся назвать имя Президента страны, которое отлично знал, но все равно стеснялся произнести его вслух.

– Как мудро написал, кажется, Чехов, человек не только смертен, но, случается, что и внезапно смертен. А мне хочет-

ся чаще нянчить внуков. Но ты не бойся, Иван, властвовать. Совет волхвов, который я продолжу возглавлять, будет контролировать твои шаги. Или ты против? Вижу, что нет. Молодец. Ведь мы не можем с тобой позволить наломать дров в таком деле, как руководство большой страной. И ты скоро поймешь, как это трудно всегда поступать верно и мудро, служа Отчизне на благо родного народа.

– Без ваших советов я точно не справлюсь, – смущение не покидало Ивана, и он не стал поправлять Президента. «Пусть будет Антон Чехов автором мысли про внезапность кончины, а не Михаил Булгаков, раз так считает сам Гарант», – подумал Иван.

– Ну хватит, хватит бояться. Смелее, мой друг, – Гарант одобрительно похлопал Несмышляева по плечу и вдруг неожиданно спросил: «Да, что у вас там был за конфликт с губернатором Секировым?»

Иван, не глядя в глаза Президенту, коротко рассказал, чем недоволен был на футбольном поле губернатор.

Выслушав рассказ, Гарант заразительно рассмеялся: «Да, не сложно представить лицо Сергея Андреевича, когда он услышал такое от подчиненного. Но вы все ж таки зла друг на дружку не держите. Футбол, эмоции, всякое бывает. Секировы всегда верой и правдой служили своему народу, а сам Сергей Андреевич был лучшим среди моих телохранителей. Метко стрелял, шельмец, из любого вида оружия – хоть из гаубицы, хоть из снайперской винтовки».

– Хорошо. Я вас понял, – кивнул Продолжатель и замолчал.

– А не отобедать ли нам, Иван? – Гарант царским жестом пригласил Несмышляева к столу. Он был накрыт у золоченого камина.

Отказать главе государства Продолжатель не мог, хотя от стеснения у него в горле совершенно пересохло.

– Президент страны должен любить национальные блюда, – перешел на гастрономическую тему Гарант. – В общем, конечно, что дадут, то и ем, но предпочитаю наши русские блюда, чтобы быть ближе к народу.

На столе была красная и черная икра, маринованные огурчики и соленые рыжики.

– Что желаете отведать? – улыбнулся Гарант.

– Я буду то же, что и вы, если не возражаете, – ответил Несмышляев.

– Что ж, отличный выбор, – лукаво усмехнулся Президент.

На первое им подали царскую уху, в которой утомились ерши, судак, щука и стерлядка. На второе была запеченная семга, а еще говядина под острым соусом и осетрина порусски в огуречном рассоле, мясная сковородка с колбасками, эскалопы и домашние котлеты. Таких вкусных блюд Несмышляев отродясь не пробовал.

– Не желаешь выпить в честь нашего личного знакомства, Иван?

– Даже не знаю, – робко ответил Продолжатель. – Вообще-то я не пью.

– И это правильно! – одобрительно кивнул Президент. – Но ты обязательно должен попробовать «энергетический напиток» Гаранта. Сделан по вековому рецепту. Можно сказать, живая вода в чистом виде.

Президент и Продолжатель чокнулись рюмками в которых плескался едко вонючий напиток свекольного цвета.

– Ну-ну, не морщись, Иван. Это отвар на свекле с хреном. Пей его каждый день и хрен какая зараза пристанет. Мой тебе совет: на завтрак – рисовая каша, на ночь – стакан кефира, за обедом – отвар из хрена со свеклой и сто лет проживешь. Как у нас в народе говорят, чтоб хрен стоял и бабки и были, – Президент залпом осушил рюмку ядерного напитка.

– А на десерт что правильнее кушать будущему Гаранту? – спросил Иван.

– Сладкое, Иван, это баловство. Я, например, совершенно к нему равнодушен, – сказал Президент.

Тем не менее на столе вдруг появились вазочки с белоснежным пломбиром.

– Вот видишь, Иван, как непросто быть главой государства. Сладкое не люблю, но кушать приходится. Нужно искать компромиссы, – вздохнул Президент и взялся за десертную ложку.

Несмотря на то, что на словах Гарант был абсолютно равнодушен к сладкому, ложкой он орудовал быстро, уплетая

лакомство за обе щеки.

– Да ты не удивляйся, Иван. Правитель Китая очень любит наше мороженое, ну и мне приходится налегать на пломбир, чтобы за обедом с коллегой нос от лакомства не воротить. Еще подумает, что отравить хочу, а с соседями надо поддерживать добрые отношения. Наш отечественный пломбир, если вдуматься, Ваня, это та еще твердая валюта. Как гласит народная поговорка: ешь наш пломбир – наступит мир, – улыбнулся Гарант.

Иван Несмышляев такой поговорки раньше не слышал, но предпочел кивнуть и не вступать в полемику о том, что эта твердая валюта может быстро растаять.

На президентском столе как в сказке внезапно появилась бутылка «Абрау-Дюрсо», сама откупорилась и тонкой красной струйкой пролилась точнехонько в хрустальный бокал Президента.

– Нет, ты не подумай, Иван, что я тебя вводил в заблуждение относительно алкоголя. Я не любитель выпивки, но надо соблюдать традиции. Именно это вино заказывали к столу члены императорской семьи династии Романовых. Ну и кому как ни мне личным примером нужно поддерживать отечественных производителей, – совершенно искренне произнес Гарант, с видом знатока смакуя вино. – И ты скоро поймешь, что Президент великой страны себе не принадлежит. Ради преуспевания державы приходится наступать на горло своим привычкам.

Иван предпочел вино «Боржоми» и жадно сделал три глотка.

– Иван, да ты не стесняйся. Может быть, у тебя есть какие-то вопросы ко мне, на которые бы хотел получить ответ? Ну там, по графику работы Президента, по протокольным вещам, по конкретным персоналиям лидеров мировых держав может желаешь пройтись? Впрочем, у шефа нашей внешней разведки Дроня есть вся информация по любым вопросам. Генерал-лейтенант введет тебя в курс дела. Да-да, не удивляйся, уже генерал-лейтенант. Сам видишь, как растут звания у тех, кто верой и правдой служит Отечеству, – ласково сказал Гарант.

Президент был в хорошем расположении духа. Вероятно, кандидатура Продолжателя его совершенно устраивала.

– А могу я спросить, господин Гарант? – обратился Иван к хозяину стола.

– А вот это – отставить. Не спросить, а поинтересоваться. Так что тебя интересует, Продолжатель?

– Если я стану Президентом, то смогу ли я помиловать двух арестантов – Валерия Качина и Серегу Лимаева? Мы сидели в СИЗО в одной камере «восемь-пять» и были там, можно сказать, как одна семья...

– Это возможно, конечно, Иван. Но Президент не должен быть полным идиотом, – с лица Гаранта слетела улыбка. – Старлей Качин застрелил генерала. Если его помиловать – значит, дать повод другим подчиненным хвататься за ору-

жие при виде начальства. Так мы расшатаем устои державы. А бывшему орденоносцу Лимаеву спокойнее будет в психлечебнице. Или ты против такого развития событий? Тогда ответь, Иван, а что будет делать на воле киллер-комбатант? То-то и оно. За деньги он пойдет хоть на баррикады, да еще и с вольной любого калибра. Как бы это странно не звучало, но помилование людоеда Федьки Плешивцева не разрушит устои, а амнистия Качина и Лимаева – мина замедленного действия под фундамент государственной власти. Хотя собаку людоеда, конечно, мало замочить в сортире по его грехам.

– Удивительно, господин Президент, как же вы все про всех знаете. Про их прошлое, настоящее и даже предсказываете будущее, – искренне поразился Иван. – Но если Президенту нельзя помиловать того, кого он считает нужным, что же тогда я буду вправе делать, став Гарантом?

– Прежде всего ты должен руководствоваться интересами страны, Иван. Вспомни «загон» Качка за историю в хате «восемь-пять»: «Есть в стране диктатор с железными яйцами, – никакой тебе Смуты вместе с интервентами, а нет смотрящего – полный беспредел в стране, что хоть вешайся или за топоры хватайся». Президент должен знать, о чем думает российский народ, не быть глухим к его чаяниям, – ответил Гарант. – Ну и молиться, конечно, на наше ядерное оружие. Не будь его, давно бы супостаты разорвали Россию-матушку на части, чтобы доить наши недра.

За столом воцарилась мертвецкая тишина. Иван выпил

еще минералки и налил в бокал квасу, Гарант продолжал потягивать вино и внимательно смотреть на Ивана.

– Чувствую, Ваня, ты что-то не договариваешь, – обратился Президент к Несмышляеву. – Ну интересуйся, интересуйся, пока мы вдвоем и есть такая возможность. Вероятно, про масштабы коррупции в стране хочешь спросить или про главный тормоз России в развитии правового общества? Я ведь знаю, каких газет иностранных агентов ты успел начитаться...

Иван вздрогнул, потому что, готовясь к встрече с Гарантом действительно хотел и об этом спросить, но оробел, едва остался с Главой страны один на один.

– Так вот слушай, Ваня, что я тебе скажу. Правовое государство гораздо быстрее делится на части, нежели любая тирания. А главная цель борьбы за права и свободы во все времена была лишь одна – банальный захват власти. Теперь про коррупцию. Даже у самого бескорыстного правителя, Иван, должна быть команда соратников-управленцев. А с какой радости соратники будут радеть за стабильность в стране и желать здоровья Гаранту? Забесплатно – не будут, можешь сам проверить. Петр I за казнокрадство вешал губернаторов, а Алексашку Меншикова не трогал, хотя тот был первый вор в стране. Почему не казнил? Потому что без опоры рухнет в пропасть любой трон или вот президентское кресло. Запомни хорошо, Иван. Никто в принципе не застрахован от тюрьмы или эшафота. А уж слабый правитель тем более, –

очень серьезно сказал Президент и отхлебнул еще вина из бокала. – Так что хуже, Ваня, для страны – коррупция или государственный переворот с гражданской войной?

– Я не знаю, господин Президент, – смущенно ответил Продолжатель и пожал плечами, как школьник у доски.

– Ничего, скоро узнаешь, – сказал Гарант себе под нос и громко добавил. – Ну, что есть еще на сегодня вопросы? А, может, еще на исторические темы поговорим? Ты же дипломированный историк, Иван. Я тут с некоторых пор тоже сильно увлекся. Ты читал, к примеру, книгу этого французика?

– Какого французика? – дрожащим голосом переспросил Несмышляев.

– Ну вот этого залетного гостя нашего императора Николая I. Астольф де Кюстин его звали, – в руках Гаранта откуда не возьмись появилась книга. Ее обложку Президент показал Ивану. – Да-да, книга так и называется «Россия в 1839 году». У тебя дома на столе такая же.

Несмышляев хотел было что-то сказать в свою защиту, но Гарант спокойно махнул рукой сверху вниз: «Ну что ты, что ты, не надо оправдываться, Ваня. Мы же образованные люди и должны знать, что говорят о нашей Отчизне ее враги. Вот тут французик писал, что Россия прям-таки тюрьма народов, где отсутствует гражданское общество, а царит произвол властей при полном несовершенстве судебной системы. Ты с ним согласен, Иван, как историк?»

– Ну что вы, что вы. Разве можно с таким согласиться? – пролепетал Несмышляев, еще пару недель назад кормивший клопов в камере СИЗО.

– И я про то, Ваня. Что русскому хорошо, то европейцу – смерть. Что для них тирания, то для нас – железная вертикаль власти, что для них демократия, то для нас – бунт. Чувешь разницу? Нам нельзя по-другому. Иначе пропадет держава.

– Конечно, господин Президент! – замотал головой Иван. – В современных реалиях термин «тюрьма народов» выступает как средство информационной войны. Более того, это понятие является идеологическим инструментом с отрицательной коннотацией, которые используются как словесные ярлыки для манипуляции массовым сознанием, как элемент современной мифологии радикально-социалистического толка, которая была навеяна благодаря западному влиянию...

Слушая Ивана, Президент одобрительно кивал головой...

Когда Несмышляев закончил мысль, Гарант ласково потрепал его за щечку и осенил крестом: «Молодец, Ваня. Теперь я окончательно понял, что мы в тебе не ошиблись. Служи честно родному Отечеству, Продолжатель».

– Когда позволите приступить к исполнению обязанностей, господин Президент? – шепотом спросил Несмышляев.

– Сейчас сентябрь..., – начал что-то подсчитывать в голове Гарант. – Да, думаю, в декабре будет самое время, Иван.

А пока поработай премьером, чтобы быстрее войти в курс дела. Кажется, твой предшественник на посту председателя правительства тоже родом из города Л.?

Иван снова кивнул в ответ, опять поразившись знаниям Гаранта, казалось бы, несущественных деталей биографий своих подчиненных.

Трапеза была окончена. Гарант промокнул свои тонкие губы салфеткой, кашлянул, посмотрел ясными голубыми глазами на Ивана, хотел еще что-то добавить, но передумал. Президент встал из-за стола и неспешно вразвалочку подошел к огромному окну, открывая свой тыл Продолжателю.

Сквозь пуленепробиваемое стекло Гарант стал внимательно наблюдать за иссиня-черными грозовыми тучами... Тучи, как стая гиен, хищно бродили над древним городом, а потом дружно набросились, навалились на Солнце и сожрали его до лучика. Тьма воцарилась кругом...

Гарант истово перекрестился, чтобы гром не грянул над Кремлем, Лобным местом, храмом Василия Блаженного и Великой страной в такие трудные времена.

СКАЗОЧКЕ КОНЕЦ

Где-то на Урале 31 декабря меню в исправительной колонии «Красная будка» было праздничным: каша гречневая с мясом, салат оливье и сдобные булки. Отбой для зэков был запланирован на 1:00 1 января следующего года. В «красном уголке» ментовской зоны заключенные ждали Президента

страны. Точнее, традиционного новогоднего обращения главы государства.

Когда в телевизоре вместо Президента появился Иван Несмышляев, бывший старший лейтенант полиции Валерий Качин подумал, что сошел с ума. Но на экране был он – Иванушка-дурачок, бывший его сокамерник в хате «восемь-пять».

Через два часа Новый год приблизился к Москве – ведь часовые пояса в России никто пока не отменял. Следовательно Чеботарев, сидя за новогодним столом, с вожделием поднял рюмку водки. Однако вместо Гаранта он увидел на экране того, кто валял перед ним Ваньку во время допросов. Майор молча поднялся из-за стола и с вилкой в руке застыл на месте от ужаса, так и не распробовав любимую селедку под шубой...

Лишь губернатор-бомбардир Секиров не проявил никаких эмоций в предновогоднюю ночь. Род Секировых не удивить переменами на троне. Они служили верой и правдой Ивану Грозному, двум Лжедмитриям, Петру I и прочим правителям Родины.

У новогоднего стола губернатора-тяжеловеса мучил лишь один вопрос: возьмет ли его в свою футбольную или хоккейную команду новый лидер державы? А уж упасть под шайбу или под мяч, защищая интересы государевы, или сечь головы врагам Отечества – Секировы всегда были первыми в очереди...

Увидев на экране телевизора Ивана Несмышляева, губернатор поднялся из-за стола и осушил стакан с водкой! Даже в самые трудные времена Секировы всегда вовремя пили за веру, царя и Отечество! Или за Православие, Президента и народность! За каждого нового вождя!

– Дорогие друзья! Сегодня, в новогоднюю ночь, я, как и вы, вместе с родными и друзьями собирался выслушать слова приветствия Президента страны. Но вышло иначе. Сегодня Президент принял решение уйти в отставку, но, хочу особо отметить, наше государство всегда стояло и будет стоять на страже безопасности каждого человека. Свобода слова, свобода совести, свобода СМИ, – эти основополагающие элементы цивилизованного общества будут надежно защищены государством. А исполняющим обязанности Президента страны буду я, Иван Несмышляев. А там как Бог даст.

Через полгода Василиса Перемудрова стала первой леди страны. На торжественной церемонии инаугурации нового Президента она поразила всех присутствующих шикарным черным платьем. Иван Несмышляев в косоворотке и кирзовых сапогах в присутствии членов Совета волхвов, депутатов Думы и судей Конституционного суда по давней традиции дал присягу народу на Лобном месте, неподалеку от Храма Василия Блаженного. Бронзовые спасители Отечества Минин и Пожарский внимательно вслушивались с пьедестала в каждое его слово.

– Клянусь при осуществлении полномочий Президента уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу, – без бумажки как по писаному произнес новый Гарант и перекрестился.

Первым указом нового Президента страны стало «постановление об обязательном установлении» памятников Иванушке-дурачку в каждом российском городе... Ответственным за исполнение указа был назначен новый премьер-министр Сергей Секиров – в свободное от работы время незаменимый вратарь в футбольной команде нового Гаранта.

Из сокамерников Ивана Несмышляева по хате «восемь-пять» не дожил до царского триумфа Иванушки-дурачка только маньяк-убийца Федька Плешивцев. На этапе в зону где-то между Кемерово и Красноярском блатные поставили людоеда на «перо». И куда только смотрели конвойные. Наверное, на новогоднее поздравление нового Президента.

Новым мэром города Л. стал бывший космонавт. Теперь приоритетной задачей руководства этого муниципалитета стала подготовка горожан к вероятной встрече с космическими пришельцами и ответного визита мэра города Л. на Луну. На улице Ленина даже повесили транспарант: «От города Л. до Луны 384400 км».

До строительства ли тут новой железнодорожной станции... Не построен и роддом в городе Л. Местные бабы, как

при царе-батюшке, ездят рожать в столицу на поездах... Что ж, кому суждено появиться на свет в цыганской кибитке – в тамбуре не родится. Тут даже История не подскажет, где лучше.

Еще через 10 лет после первой инаугурации Ивана Несмышляева закончился тюремный срок Валерия Качина. Он работает кочегаром в котельной, в том далеком городке, куда еще не дотянулась самая длинная в мире газовая труба, и где по старинке все хаты топят углем. Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит. Лишь бы самому не угодить в печку, которую топишь...

Его кореш киллер Чечен бессрочно закосил на «дурку». Каждый день перед обедом он повторяет врачам одну и ту же фразу: «Наш Президент – Иванушка-дурак». Врачи нервно озираются по сторонам, опасаясь, как бы кто из начальства не услышал бред больного, и ставят Чечену успокоительный укол. После укола комбатант Лимаев, будто скошенный пулей, откидывается на железную койку и засыпает. Снится ему один и тот же бой на Кавказе, где он мастерски крушит боевиков саперной лопаткой. Кровожадные клопы не тревожат сон героя былых кавказских компаний. Койка в «дурке» все ж таки не шконка в камере СИЗО.

Ну а застывший от страха следователь Чеботарев так до сих пор стоит по стойке «смирно» на кухне собственной квартиры как монумент. Не удивляйтесь, если когда-нибудь увидите этот окаменевший символ трудных времен где-ни-

будь на Лубянке... Или у Кремля. На самом Лобном месте.

Сказка – ложь? Да в ней урок, всяким молодцам намек.

Содержание

ГЛАВА I. Допрос

ГЛАВА II. «Наседка» Вова и бомбист

ГЛАВА III. Мэр в хату

ГЛАВА IV. Мудреное житье

ГЛАВА V. Grimасы историй

ГЛАВА VI. Исторический путь

ГЛАВА VII. Ивановы университеты

ГЛАВА VIII. Ролевые игры

ГЛАВА IX. Витязь в волчьей шкуре

ГЛАВА X. «Иван-дурак из города Русской сказки»

ГЛАВА XI. Пряники и кнут

ГЛАВА XII. Футбол с губернатором

ГЛАВА XIII. Исповедь и кворум

ГЛАВА XIV. Момент славы

ГЛАВА XV. Вульгарная историография

ГЛАВА XVI. Воля!

ГЛАВА XVII. Секретная операция

ГЛАВА XVIII. Гарант и Продолжатель

ЭПИЛОГ

Об авторе

Карманов Руслан Николаевич

Родился 23.12.1972 в г. Кемерово. Окончил Училище Олимпийского резерва в г. Ленинск-Кузнецкий (1991), Новокузнецкий педагогический институт (1997), исторический факультет Кемеровского государственного Университета (1999). Был профессиональным футболистом, выступал за команду «Кузбасс» (1994-1995). В 2007 году переехал в Москву. Работал обозревателем в газетах «Советский спорт» (2007-2013), «Коммерсант» (2013-2015), пресс-центре ЦСКА (2015-2017), информагентстве «Россия сегодня» (2018), с 2019 года – спецкор газеты «Вечерняя Москва». Живет в г. Лобня (Московская область). Лауреат премии «Золотое перо Советского спорта»-2012, обладатель премии Союза журналистов России в конкурсе «Преодоление».